

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ СУД И МОСКОВСКИЙ КАБИНЕТ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПРЕСТУПНОСТИ

ХУЛИГАНСТВО И ПОНОЖОВЩИНА

ИЗДАНИЕ МОСЗДРАВОТДЕЛА

МОСКВА — 1927.

Отпечатано в 5 типо-лито-
графии «Мосполиграф»,
Мыльников пер., д. 14, в
количестве 3000 экзempl.
Мосгублит № 5274.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Рост хулиганства за последний период привлек к себе живое внимание не только специалистов-юристов и криминологов, но и самых широких слоев советской общественности. И в печати, и на диспутах, и в рабочих собраниях обсуждаются размеры зла и способы борьбы с ним, при чем все сходится на том, что зло велико и требует принятия широких и действительных мер. Кампания борьбы с хулиганством привела к появлению на свет большого числа газетных статей.

Однако, необходимость углубленного изучения и освещения вопроса перед специалистами и широкой массой читателей делает неизбежным появление работ, основанных на изучении большого живого и статистического материала, собранного и проработанного научными специалистами.

В первую очередь выполнение этой задачи ложится на наши немногочисленные криминологические учреждения. Московский Кабинет по изучению личности преступника и преступности, состоящий в ведении медицинской инспекции московских мест заключения и тесно связанный в работе с Мосгубсудом и административным отделом Моссовета¹⁾, изучает московских преступников в своих криминологических лабораториях при МУР'е, в криминологической клинике и других местах заключения, концентрирует и разрабатывает все статистические данные о московской преступности.

Рост хулиганства был учтен Кабинетом еще в конце 1925 г., а в марте 1926 г. было организовано под руководством профессора Е. К. Краснушкина обширное обследование хулиганов врачами-криминологами и социологами Кабинета в Стретенском и других домах заключения. Обследование это длилось около 2-х месяцев и охватило 293 человека осужденных по ст. 176 УК. Производилось оно по специальной анкете, но, конечно, Кабинет не стал на путь

¹⁾ Кабинету предоставлен свободный доступ к материалам и архивам Мосгубсуда для научной разработки; заведующий уголовным отделом Мосгубсуда Г. М. Сегал является руководителем социологической части кабинета. Административный отдел Моссовета также предоставляет всевозможные статистические сведения и т. п.

самостоятельного заполнения анкеты правонарушителем или автоматической записи в анкету ответов обследуемого. С каждым из них велась обстоятельная беседа, при чем выяснялись не только социальный состав, обстоятельства правонарушения и т. д., но и личность испытуемого, со всеми ее психо-физическими свойствами, культурный уровень и т. д. Показания испытуемых проверялись объективными данными из «дел» заключенных, приговоров и т. д.

Материал этого обследования производится в обширной статье А. О. Эдельштейна, где в вводной части освещена юридическая и психологическая сторона вопроса. Выясняется огромная роль алкоголя в происхождения хулиганства. Подавляющее большинство представляют собой случайных правонарушителей, ранее не судившихся.

Социологическому анализу проблемы посвящена статья А. А. Герцензона — «Рост хулиганства и его причины», где собраны сведения о движении московской преступности за 1925—26 год, и разбирается социальный состав хулиганов по сравнению с общей массой московских преступников. Автор последовательно связывает состояние и рост преступности с экономикой Москвы и Советского Союза. Статистические сведения, приводимые автором, относятся к 1925—1926 г. и разработаны им по данным нарсудов г. Москвы и др.

Необходимость различения между массовым, бытовым, алкогольным хулиганством и злостным, упорным, тяжелым хулиганством, отчетливо проводимая в большинстве юридических работ и карательной политике судебных органов, побудила кабинет посвятить специальную работу злостным хулиганам, где и личность обследованных и меры воздействия резко выделяются из общей массы. Статья В. И. Аккермана дает подробный социально-психологический анализ личности 19 заключенных Таганского исправдома и других мест заключения, из которых 13 осуждены по делам массового «организованного» хулиганства (дело шаек, терроризовавших сад б. Ренессанс, клуб им. К. Маркса, так-назв. Болотно-Кадашевской шайки). Вместо легкомысленной, быстро пьянеющей, порой добродушной массы случайных хулиганов, правонарушения которых обусловлены почти исключительно внешними моментами, в статье «Злостные хулиганы» мы видим уже тяжелый человеческий материал. При чтении об этих людях, с их резко выраженными дефектами характера, тяжелой наследственностью (алкоголики, эпилептики, душевно-больные), людях, которые после нескольких рюмок водки неизбежно «кусаются, орут, дерутся», о смерти матери рассказывают с тупым смехом, при беседе с врачом начинают разбивать себе го-

лову о стол, которых в трезвом виде постоянно «мучает тоска» и т. д.—невольно является мысль о больном или полубольном человеке. И если мы с тяжелым чувством читаем мнение отца одного из этих хулиганов о своем сыне— «надо таких, как мой сын, уничтожать», то, во всяком случае, ясна вся степень социальной опасности таких людей. Если они не являются душевно-больными в собственном смысле и не подлежат помещению в психиатрическую больницу, то здесь недостаточно уже обычного исправительно-трудового режима, требуется длительное интернирование в условиях трудового и специального медико-педагогического воздействия. Значение работы о злостных хулиганах увеличивается благодаря произведенному автором изучению, не только самих хулиганов, но и их семей, среды, данных следствия и суда, что также изложено им в данной статье.

Деревенскому хулиганству, преимущественно поножовщине, посвящены 2 статьи сборника: Б. С. Маньковского «Деревенская поножовщина» и В. И. Аккермана «Убийство в драке на посиделках». Первая статья представляет собой анализ 66 дел о деревенской поножовщине прошедших через Мосгубсуд за 1925—1926 год (150 человек правонарушителей), где речь идет не о простом хулиганстве, а об убийствах в драке или нанесении тяжелых увечий, (ножами, гирями, «железками», а то и просто кулаками), что квалифицируется по ст. 149 (нанесение тяжелых телесных повреждений), а нередко и ст. 142 УК (умышленное убийство). Картина, развертывается автором, должна привлечь к себе самое серьезное внимание.

Деревни, села без всяких культ-учреждений; жестокие бессмысленные побоища между соседними деревнями; свадьбы, крестины, престольные праздники, а то и просто «посиделки», залитые алкогольным морем и нередко кончающиеся «финкой в живот». На общем фоне выделяются особо отчаянные коноводы, при отсутствии которых драка не разгорается, про которых говорит еще старая частушка «Я отчаянный родился, все селенье на меня». В числе дел, приводимых в статье, упоминаются и случаи самосуда выведенных из терпения крестьян над такими избранными хулиганами. Характерны приводимые данные о связи между возрастом осужденных за поножовщину и тяжестью преступления. Наиболее тяжелые случаи (убийства) падают на младшие возрастные группы и наоборот.

В статье «Убийство в драке на посиделках» приводятся данные обследования деревни Московской губернии, произведенного сотрудниками кабинета в связи с изучением хулиганства-поножовщины. В статье изображается небольшая деревня Н., с ее жизнью без единого культурного очага, без школы, с классическими посиделками для

3-х возрастов. Интересы молодежи сосредоточены на взаимном соперничестве на почве удалства, пьянства. Характерны для этих интересов частушки, сложенные и записанные на месте, посвященные боям с соседними деревнями и т. п. Изображаются типы крестьян, активных вожakov на посиделках, напр., Ф., главарь, читающий библию, разбивающий бутылку о голову работницы и т. д. Многочисленные шинки, где можно всегда достать самогон и «русскую горькую»,—неизбежные и опасные спутники деревенских сборищ.

Статья Рапопорта и Харламовой посвящена вопросу о женском хулиганстве и обнимает собой 75 случаев. Для женского хулиганства характерно отсутствие массовых организованных правонарушений, отставание в росте по сравнению с мужским хулиганством и т. д. Здесь преступление сравнительно безобидное и отсюда естественен вывод авторов о незначительной общественной опасности женского хулиганства и об отсутствии данных для резкого усиления карательной политики в отношении женского хулиганства.

Наконец, статья Е. К. Краснушкина «К психологии хулиганства», как показывает само заглавие, является психологическим этюдом, в котором автор стремится дать обобщающее психологическое толкование типам хулиганов, представленным в остальных работах сборника.

Выводы авторов сборника, подходивших к проблеме с разных ее сторон и с точек зрения различных специальностей сходятся в оценке серьезности явления, необходимости обращения всемерного внимания на все еще очень слабый культурный фронт, на энергичнейшей поддержке очагов нового быта—клубов, школ, в их борьбе с оплотами старого—безграмотностью, пивными, шинками. Ярко выступает во всех статьях необходимость строгого различения и совсем иного подхода к многочисленным «случайным», «бытовым» хулиганам и к тяжелым, злым. Нужна энергичная борьба с пережитками прошлого в деревне—кулачными боями, «стенками», массовым пьянством и т. п.

Конечно, работами настоящего сборника проблема хулиганства далеко не исчерпана, и собирание и разработка материала будут продолжены Кабинетом. Выпуская в свет настоящий сборник, кабинет все же надеется своим материалом не только прийти на помощь юристам, криминологам, общественным работникам, специально занятым проблемой борьбы с хулиганством, но и способствовать выяснению вопросов хулиганства пред широкими массами трудящихся, так живо и активно реагирующих на это общественное зло.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Всякий судебный приговор по уголовному делу преследует две основные цели:

1) воздействие на правонарушителя для предупреждения новых нарушений установленных рабоче-крестьянской властью порядков с его стороны и приспособления его к условиям трудового общежития, и

2) воспитательное воздействие на окружающих.

В работе советского суда с первых дней его существования задача воспитательного воздействия на массы занимает выдающееся место. Советский Суд по природе своей агитатор; во всяком своем приговоре он стремится внушить окружающими ту или иную идею социалистической законности, выявить отношение государства и советской общественности к тому или иному преступлению или проступку, подчеркнуть его опасность для дела строительства новых форм человеческого общежития. Тов. Ленин охарактеризовал наш суд, как орган «воспитания к дисциплине», т.-е. приспособления к организованной, целесообразной деятельности в направлении переустройства жизни на социалистических началах. Самые формы работы нашего суда (показательные процессы, выездные сессии, освещение работы суда в печати, отчетность пред населением и т. д.) соответствуют именно этой его задаче.

Эпоха строительства, в которую мы вступили, выдвинула пред всеми органами борьбы с преступностью необходимость углубить их предупредительно-воспитательную работу. Теперь задача заключается в том, чтобы не только выявлять отдельных правонарушителей и принимать против них меры, но и предупреждать самую возможность совершения преступлений.

Два вида работы необходимы для выполнения этой обширной и сложной задачи:

1) пропаганда советского права среди широких масс;

2) изучение характера преступности, корней, причин отдельных ее видов, и обстоятельства, способствующие преступности, для того, чтобы результаты этого изучения могли лечь в основу соответствующих широких мероприя-

тий Советской власти; вместе с тем, освещение этих результатов пред советской общественностью является несомненно, одним из лучших видов пропаганды советского права.

Обрисованное здесь сигнализирование явлений на основе опыта органов борьбы с преступностью становится все более важной задачей этих органов.

В этой области уже кое-что сделано. Как на пример, можно указать на проделанное Московским Губернским Судом изучение опыта судебной борьбы с растратами. Это изучение дало возможность выявить в работе государственных и общественных организаций ряд именно таких организационных недочетов, которые способствовали совершению растрат. Принятые соответствующими учреждениями на основе данных изучения меры, несомненно, положили предел росту и стали приводить к постепенному изживанию сугубо опасного явления растрат.

Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности является учреждением, в задачи которого входит научная постановка именно такого рода изученческой работы. Деятельность кабинета распадается на две отрасли, тесно друг с другом связанные: 1) изучение преступности в пределах Московской губернии с точки зрения социологической (общественной), 2) изучение той же отрасли с точки зрения психологии (наука о поведении человека) и психопатологии (науки, изучающей болезненные расстройства в поведении человека).

Какого рода материалы подвергаются изучению работниками кабинета?

1) Кабинет изучает разрешенные судами дела о преступлениях соответствующих категорий, 2) производит обследование самих преступников, условий их жизни, обстоятельств, толкнувших на преступление и т. п.

Совершенно естественно с точки зрения задач кабинета, что одной из крупных его работ явилось изучение хулиганства.

Рост хулиганства за последние год—полтора поднял на ноги советскую общественность, которая по природе своей чрезвычайно чутка ко всякого рода нездоровым явлениям, возникающим попутно с процессом общего роста и укрепления Советской страны. Нет ни одного рабочего коллектива, нет ни одного органа рабоче-крестьянской печати, который не обсуждал бы вопроса о хулиганстве и о мерах борьбы с ним. Перед общественностью встал целый ряд вопросов: к каким слоям населения принадлежат хулиганы, какова причина роста хулиганства, что толкает на хулиганство, каковы его виды, каковы наиболее целесообразные способы изживания этого явления?

Нельзя не отметить, что здоровая реакция общественного мнения на явление растущего хулиганства преломилась в практике борьбы с ним в формы несколько расширительного толкования хулиганства. Однако, за последнее время наметилось вполне определенное различие случаев действительно злостного хулиганства от случаев простого нарушения общественного порядка, производимого людьми, которые имеют трудовую установку и вовсе не являются социально-опасными.

Вместе с тем, определилась правильная линия борьбы с хулиганством: с одной стороны—решительная судебная и административная репрессия в отношении озорства и бесчинства, срывающего мирную общественную жизнь и культурную работу, а с другой—широкая мобилизация рабочих, крестьянской общественности в целях изобличения хулиганов, заклеивания их, лишения их ореола молодечества и т. п.

Явление роста какого-либо вида преступности всегда вскрывает недостатки тех или иных государственных органов, той или иной отрасли общественной работы. То же и в отношении хулиганства. Оно вскрыло недостатки нашей культурно-просветительной работы; оно показало, что зачастую сухость, даже казенщина, неувлекательность различных видов этой работы не дают возможности подчинить культурному пролетарскому влиянию такие элементы из среды рабочего и крестьянского молодняка, которые при другой постановке работы росли бы в общественном и политическом смысле. Оно показало, что крестьянское пополнение городского пролетариата требует особого подхода, особых приемов культурной работы и т. д., и т. д. Все это вопросы большой важности, над ними придется работать много и долго.

Изучение хулиганства показывает, что это явление не представляет собой какой-нибудь кратковременной вспышки, что это болезнь роста. Именно поэтому для советской общественности важна работа по изучению этого явления во всем его размере.

Предлагаемый сборник статей работников Московского Кабинета по изучению личности преступника и преступности, посвященный хулиганству и деревенской поножовщине, отнюдь не претендует на то, чтобы дать исчерпывающий ответ на все вопросы, вытекающие из роста этого явления. Однако, мы считаем, что он многое даст в смысле правильной постановки этих вопросов и в качестве исходной точки для дальнейшей их разработки.

Г. Сегал.

Рост хулиганства и его причины.

«Диктатура пролетариата есть железная власть, революционно смелая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов».

В. И. Ленин.

В связи с поднятой широкой кампанией по борьбе с хулиганством печать уделяет значительное место, как обсуждению методов борьбы с хулиганством, так и описанию отдельных, наиболее ярких случаев его проявления. Наряду с положительными сторонами газетной кампании в ней нельзя не усмотреть и несколько нежелательного оттенка. Понятие хулиганства, хулиганского деяния, толкуется слишком широко; к хулиганству начинают относить и изнасилования, и убийства, и даже грабежи. Благодаря такому смешению понятий значительный рост хулиганства, который действительно имеет место, превращается в колоссальный рост кровавой преступности, чего на самом деле констатировать не приходится. Как будет видно из дальнейшего анализа движения преступности, в общей преступности наблюдается, правда, некоторый рост, но этот рост во много раз отстает от роста хулиганства.

Эти соображения необходимо иметь в виду в том случае, когда ставится вопрос о мерах борьбы с хулиганством, так как последние могут быть определены лишь при учете размеров хулиганства, соотношения его с другими видами преступлений и т. д. и т. д. Кроме того нельзя забывать, что меры социального предупреждения хулиганства, которые ныне намечаются в результате ряда совещаний по этому вопросу, не могут быть осуществлены непосредственно в ближайший срок. Неизбежно поэтому главным оружием в борьбе с хулиганством, на которое мы можем теперь рассчитывать, является непосредственное воздействие на хулиганов мерами судебными и административными. Отсюда вытекает необходимость отнестись очень внимательно к воз-

можностям карательной политики, необходимость анализа того опыта, который накопился у суда в его борьбе с хулиганством.

Настоящий обзор ¹⁾ и ставит своей задачей определить движение и характер московской преступности и московского хулиганства, в частности, в разрезе судебной карательной политики. Для этого, помимо анализа движения преступности, необходимо рассмотрение социального состава преступников, возрастного и полового состава, а также карательной политики суда.

Диагр. I. Поступление дел в суды Московск. губ. (I полуг. 1925 г. = 100).

Движение московской преступности в 1925 и 1926 гг. характеризуется следующей таблицей:

Поступление дел в губсуд и нарсуды Московской губернии.

Преступления.	Абсолютные числа.			I полуг. 1925 г. = 100		
	I пол. 1925 г.	II пол. 1925 г.	I пол. 1926 г.	I пол. 1925 г.	II пол. 1925 г.	I пол. 1926 г.
Всего	47276	54553	58081	100	115	123
Убийство простое (143—145)	181	180	143	100	99	79
Убийство квалиф. (142)	183	197	215	100	109	117
Тяжкие телесн. поврежд.	63	69	89	100	109	141
Побои, оскорбления	14653	18851	19522	100	128	133
Половые	235	312	313	100	132	133
Хулиганство	832	1906	3720	100	229	447
Грабеж	217	296	201	100	136	92
Кража	7635	7485	7078	100	98	93

¹⁾ В основу его положен доклад, прочитанный в секции уголовного права Института Советского Права.

С одной стороны наблюдается непрерывный рост преступлений против личности за исключением сокращающегося числа простых убийств, с другой стороны падает основная группа имущественной преступности.

Вся же преступность дает повышающуюся кривую. Возрастание преступности идет неравномерно от полугодия к полугодию: во втором полугодии 1925 г. наблюдается более сильный рост большинства преступлений против личности, чем в первом полугодии 1926 г. Так в первом периоде рост всей преступности равен 15%, а во втором периоде только 6% по сравнению с предыдущим периодом. Половые преступления соответственно дают прирост в 30% и в 4%, побои и оскорбления 28% и 3%. Наконец, хулиганство в первом периоде растет на 129%, а во втором периоде темп роста несколько замедляется, составляя все же 95%. Что же касается квалифицированного убийства, то оно сохраняет в 1926 г. прежний темп роста. Тяжкие телесные повреждения продолжают значительно возрастать, давая во втором полугодии 1925 г. 9% роста, а в 1926 г.—30%.

Несмотря на отмеченное только что замедление роста преступности в первом полугодии 1926 года, по сравнению с началом 1925 г. и в особенности с 1921—22 гг., она все же дает некоторое возрастание. Если же мы учтем рост населения Москвы за ряд последних лет, то увидим, что преступность Москвы, в общем не только не возрастает, но дает известное снижение. Так, принимая поступление дел в Московские нарсуды в 1918 году за 100, получаем такой ряд чисел для последующих лет: 1919—124; 1920—147; 1921—153; 1922—115; 1923—91; 1924—76 и 1925—64. Все же пятикратное возрастание хулиганства становится на этом фоне весьма внушительным. Удельный вес хулиганства, в начале 1925 г. составлявший не более 2% всей массы преступности, возрос к 1926 году до 6,5%. Следует также принять во внимание, что нами не учитывается хулиганство, преследуемое в административном порядке: в последнем случае рост хулиганства был бы еще более показательным. В динамике тяжелых телесных повреждений, которые являются продолжением хулиганства, мы наблюдаем также неблагоприятные признаки: в то время как рост хулиганства несколько замедлился в 1926 году, тяжкие телесные повреждения начинают усиленно расти именно в это время.

Правда, к цифрам роста хулиганства следует относиться несколько критически, так как этот рост объясняется также и усилением борьбы с хулиганством. Прав, поэтому т. Лаговьер, когда он говорит, что «вполне реальна возможность того, что действительный рост хулиганства ниже статистического» (ЕСЮ, № 43, 1926 г.).

Соотношение городского и деревенского хулиганства в Московской губернии иллюстрируется следующими цифрами:

	I пол. 1925 г.	II пол. 1925 г.	I пол. 1926 г.
Осуждено в Москве	259	813	1523
В уездах	266	663	1601
тем п р о с т а :			
В Москве	—	+ 214%	+ 488%
В уездах	—	+ 150%	+ 501%

Рост деревенского хулиганства, несколько отставший в конце 1925 года от города, с лихвой компенсировался в 1926 г. Сопоставляя эти данные с движением тяжких телесных повреждений, мы можем судить о том, насколько остро стоит в настоящее время вопрос с хулиганством в уездах Московской губернии.

Чрезвычайно важен анализ социального состава осужденных за хулиганство, который виден из следующей таблицы:

Социальный состав осужденных в Москве за хулиганство.

Социальные группы.	1925 г.		1926 г.	В средн. за 1925— 1926 гг.	Осужден. Нарсудами по всем видам преступл.	Сравнит. коэффи- циент. 1)
	I пол.	II пол.	I пол.			
Рабочие	30,1	32,1	36,8	34,5	23,3	+ 45%
Служащие	9,7	12,0	14,4	13,2	18,7	— 30%
Безработные	20,8	14,8	17,3	16,9	16,3	+ 4%
Ремесленники	10,8	9,5	9,4	9,5	7,5	+ 27%
Земледельцы	1,2	0,5	0,6	0,7	1,2	— 42%
Лица свободн. профессий.	0,4	1,3	0,3	0,6	0,7	— 14%
Иждивенцы	3,9	4,9	4,7	4,7	4,9	— 4%
Торговцы	5,8	4,1	5,6	5,1	5,2	— 2%
Лица без опр. занят. . .	17,3	20,8	10,9	14,8	22,2	— 34%
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—

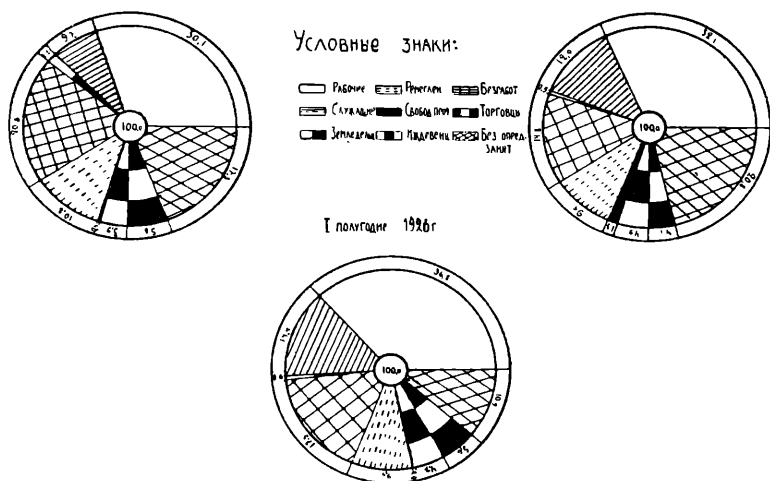
1) Знак + указывает на относительное превышение удельного веса данной социальной группы в хулиганстве по сравнению со всей массой преступности; знак — обратное.

Из этой таблицы видно, что более одной трети²⁾ осужденных хулиганов принадлежит к числу рабочих. За ними следуют безработные, составляющие около одной шестой общего числа хулиганов и служащие—около одной седьмой. Нельзя не отметить основной черты динамики социального состава хулиганов—возрастание удельного веса рабочих и служащих. Что же касается люмпен-пролетарского («босяцкого») кадра хулиганов, то последний, несколько возросший в конце 1925 г., обнаружил в 1926 году тенденцию к сильному сокращению. Это объясняется тем, что босые слои населения принимают большое участие в другой пре-

Диагр. II. Социальный состав Московских хулиганов.

I полугодие 1925 г.

II полугодие 1925 г.

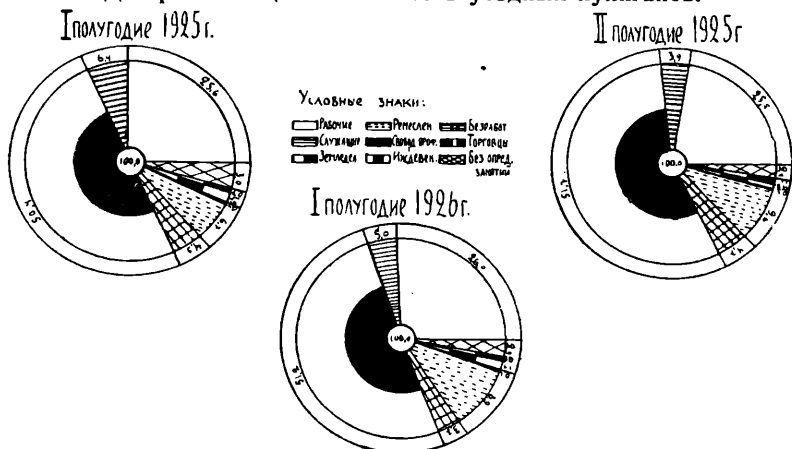
ступности—например, в кражах. Таким образом вывод, что основная масса хулиганов принадлежит к трудовым слоям населения, не является в настоящее время для нас неожиданным: рабочие, служащие, ремесленники и безработные составляют, в среднем, 74% общей массы хулиганов. Число крестьян-хулиганов в городе очень незначительно, но не следует забывать, что эта часть хулиганов совершенно непоказательна для города.

Интенсивность участия отдельных слоев московского населения в хулиганстве рассматривается в статье А. О. Эдельштейна. Здесь же мы коснемся соотношения между социальным составом московских хулиганов и всей массой осужден-

2) Эта цифра значительно повышается, если учитывается число лиц, задержанных за хулиганство в административном порядке (см. статью А. О. Эдельштейна).

ных Нарсудами города. Эти данные лишний раз подтверждают повышенный удельный вес трудовых слоев населения в совершении хулиганских деяний. Так, например, превышение мы находим у рабочих (48%), у ремесленников (27%), и у безработных—(4%). Наоборот, более низкий удельный вес наблюдается у лиц без определенных занятий, а также среди служащих.

Диagr. III. Социальный состав уездных хулиганов.

В противоположность ярко выраженному в городе процессу увеличения кадров хулиганов из слоев рабочего класса, в динамике социального состава уездных хулиганов наблюдается сравнительная устойчивость. % участия рабочих, служащих и безработных не превышает 35% общей массы хулиганов; зато свыше 50% падает на крестьянство.

Социальный состав уездных хулиганов.

	1925 г.		1926 г.	В средн. за 1925— 1926 гг.	Осужден Нарсудами за 1925— 1926 гг.	Сравнит. ко- эффициент.
	I пол.	II пол.	I пол.			
Рабочие	25,6	25,5	26,0	25,6	18,8	+ 36%
Служащие	6,4	3,9	5,0	4,8	7,8	— 38%
Безработные	4,9	4,7	3,7	4,1	5,0	— 18%
Ремесленники	6,7	9,6	8,9	9,0	5,2	+ 73%
Земледельцы	50,4	51,7	51,2	51,4	53,9	— 5%
Свободн. профессии . .	0,4	0,3	0,1	0,2	0,3	— 34%
Иждивенцы	1,9	0,8	1,4	1,2	1,6	— 25%
Торговцы	0,7	1,1	0,8	0,9	2,8	— 68%
Без опред. занятий . . .	3,0	2,4	2,9	2,8	4,6	— 39%
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—

Соотношение социального состава хулиганов и всей массы осужденных в уездах по некоторым группам приближается к городу (рабочие и служащие), по другим же значительно отлично: так, например, доля участия ремесленников в хулиганстве уездов превышает их участие во всей преступности на 78%, в то время, как в городе это превышение равно только 27%. Участие крестьян в хулиганстве приблизительно совпадает с долей их участия в общей преступности. Остальные группы участвуют в хулиганстве в значительно меньшей степени, чем в общей преступности в то время, как в городе их участие в хулиганстве почти совпадает с участием во всей преступности.

Используемый нами материал не позволяет дифференцировать социальную группу рабочих на чисто-пролетарскую массу и на малообученную крестьянскую массу, недавно вышедшую из деревни; помимо этого, не представляется возможным определить более точно крестьянскую массу хулиганов путем разбивки на кулаков, середняков, и бедняков. Частично эти вопросы освещены в других статьях настоящего сборника¹⁾. Однако, не имея точных цифр относительно деления рабочих на квалифицированных с большим производственным стажем и на только-что вышедших из деревни рабочих, не обладающих пролетарской идеологией и пролетарской выдержанностью, мы все же можем сказать, что среди рабочих осужденных за хулиганство, процент квалифицированных очень невелик.

Участие женщин в хулиганстве невелико, если принять во внимание общее положение «женского вопроса» в преступности. Бросается в глаза различие между городом и уездами в отношении женского хулиганства. В то время, как город дает около 8% женщин хулиганок, деревенские условия понижают эту цифру до 1,2%. В то же самое время женское хулиганство в уездах постепенно возрастает: так в I полугодии 1925 г. % женщин-хулиганок составляет 0,8%, во II полугодии—1,1% и в I полугодии 1926 г.—1,4%. В городе же 1926 году намечается противоположная тенденция. Возможно, что эти цифры характеризуют собою до некоторой степени обратную сторону раскрепощения женщин в деревне.

Наиболее хулиганящим возрастом является возраст от 18 до 25 лет; это относится в равной степени как к городскому, так и уездному хулиганству. Любопытно, однако, заметить, что в то время, как в городе растет удельный вес хулиганов этого возраста, в деревне в 1926 году наблюдается сокращение его за счет более старших возрастов. Нельзя также не отметить, что удельный вес хулиганов

¹⁾ См. статьи Б. С. Маньковского и А. О. Эдельштейна.

в возрасте от 18 до 25 лет в уездах составляет около 60%; для города эта цифра понижается до 45% в начале 1925 года, возрастая до 50% в 1926 году.

Попытаемся теперь, на основании использованного выше материала, охарактеризовать московское хулиганство в 1925—26 гг., после чего можно будет подойти к некоторым обобщениям.

А. Динамика Московской преступности характеризуется следующими моментами:

1. Некоторый рост всей преступности в 1925—26 гг. при общей тенденции к сокращению—по сравнению с рядом предыдущих лет.

2. Частичное возрастание преступлений против личности.

3. В числе последних—интенсивный рост тяжких телесных повреждений.

4. Сокращение имущественной преступности.

5. Колоссальный рост хулиганства.

Б. Темп роста Московской преступности:

1. Интенсивность роста преступности во II полугодии 1925 года.

2. Сокращение роста в I полугодии 1926 года—по некоторым преступлениям.

3. Усиление темпа роста тяжких телесных повреждений и сохранение прежнего темпа в квалифицированных убийствах.

4. Во II полугодии 1925 года превышение роста городского хулиганства. Усиление роста уездного хулиганства в I полугодии 1926 года.

В. Социальный состав хулиганов:

1. В городском хулиганстве значительное место занимают трудовые элементы, среди которых на первом месте стоят рабочие, главным образом, необученные и безработные.

2. В уездном хулиганстве также наблюдается преобладание трудовых слоев населения с преобладанием крестьянства и рабочих.

3. Участие рабочих в хулиганстве значительно превышает процент участия их в общей преступности. Крестьянство участвует в хулиганстве в той же степени, как и во всей преступности. Люмпен-пролетарские элементы дают значительный процент хулиганов, но в меньшей степени участвуют в нем, чем в общей преступности, в которой они занимают значительное место.

Г. Возрастной и половой состав хулиганов.

1. Преобладание, как в городском, так и в уездном хулиганстве лиц в возрасте от 18 до 25 лет.

2. Некоторая тенденция к возрастанию числа уездных хулиганов в возрасте свыше 25 лет.

3. Различное участие женщин в хулиганстве города и уездов. Постепенное возрастание числа деревенских хулиганок.

Протекавший пятилетний период новой экономической политики, дал несколько довольно острых всплесков преступности, вызвавших сильнейшую реакцию со стороны советской общественности. 1925 год характеризуется в этом отношении двумя большими волнами преступности, из которых одна (растраты) достигла, повидимому, своей кульминационной точки, а другая (хулиганство), только начала расти усиленным темпом. Однако, было бы большой ошибкой считать, что до 1925 года хулиганство не росло. По данным НКЮ, охватывающим 48 губерний РСФСР, число осужденных за хулиганство составляло в 1923 г. 11.927 человек, а в 1924 году уже 22.633 чел.; иначе говоря, хулиганство за один год возросло почти на 90%. Таким образом, рост хулиганства в 1925—26 гг. является продолжением и усилением процесса, имевшего место и раньше. Тот факт, что конец стремительного роста растрат совпал с началом усиленного возрастания хулиганства, и что оба эти явления четко оформились ко времени завершения восстановительного процесса народного хозяйства СССР,—представляются нам не случайными, а всецело обусловленными некоторыми специфическими чертами нашей экономики и ее динамики в период НЭП'а. Так, рост растрат был обусловлен противоречием между стремительным ростом народного хозяйства и организационными формами его управленческих органов. Сейчас еще трудно судить о том, насколько эти противоречия сгладились и когда они совершенно исчезнут, но уже теперь мы можем констатировать такую тенденцию.

Значительное недоумение вызывает у многих тот факт, что рост хулиганства усилился в настоящее время, когда отмечается несомненное укрепление новых социально-экономических форм. Корни хулиганства, повидимому, общепризнаны: коротко говоря—это наследие русского капитализма, наложившего определенный отпечаток на уродливый дореволюционный быт, в который, кстати сказать, алкоголь входил серьезным слагаемым. Объяснить современный рост хулиганства исключительно или преимущественно усилением алкоголизма, конечно, не приходится: пили и раньше, пили больше, однако такого роста хулиганства не наблюдалось. Алкоголизм способствует, располагает к хулиганству, но в последнем он играет не основную, а производную роль.

Получается своего рода противоречие: с одной стороны, доведение народного хозяйства до довоенных норм; с другой стороны—несомненный рост культуры; результат же получается неожиданный—в виде роста хулиганства.

Надо полагать, что в причинах современного хулиганства существенную роль сыграла, и возможно, что в большей степени, чем в причинах других общеуголовных преступлений,—экономическое развитие последних лет.

Было бы очень интересно сопоставить кривую экономического развития с кривой преступности. Однако, в нашем распоряжении слишком краткий период времени для того, чтобы таковое сопоставление было бы показательным. Поэтому мы ограничиваемся общей характеристикой экономического развития последних лет, для чего приведем несколько характерных цифр (данные Госплана)¹⁾.

В 1925 году сельское хозяйство, в общем, приблизилось к довоенному, а в известной части и превзошло его: так валовая продукция полеводства, луговодства и огородничества дала от 76 до 150% продукции 1913 года; технические культуры от 76 до 174%; продукты животноводства от 81 до 111% и лесоводство от 109 до 126%. Посевные площади достигли—95%; количество скота составило около 90%. В результате восстановления сельского хозяйства, доход земледельческого населения за 1924—25 г. возрос на 34%, а за 1925—26 г. на 22%. В то же самое время налоги возросли соответственно на 18% в 1924—25 г. и не возросли в 1925—26 году²⁾.

Валовая продукция государственной промышленности в 1925—26 г., также почти достигла уровня 1913 года, колеблясь по отдельным видам производства от 60% (сталь) до 87% (уголь) и до 90%—по хлопчатобумажному производству. Транспорт в 1925—26 г. достиг 90% довоенного периода и т. д. и т. д.

¹⁾ «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год».

²⁾ На XV партконференции т. А. И. Рыков привел цифры, характеризующие изменения в крестьянских хозяйствах за годы НЭПа в виду их показательности, небесполезно привести их здесь.

Группировка крестьянских хозяйств по посеву в процентах:

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Без посева	6,9	5,3	4,8	4,2
С посевом до 2 десят.	46	40,7	36,6	33
От 2 до 6 дес.	40,3	44	46,7	49,3
От 6 до 10 дес.	5,6	7,8	9	10,2
Свыше 10 дес.	1,2	2,2	2,9	3,3
	1923—24 г.		1925—26 г.	
Без скота	17 проц.		13 проц.	
До 2 голов	63		60	
От 2 до 4 голов	18 "		22 "	
Свыше 4 голов	2 "		3 "	

Вся продукция сельского хозяйства в промышленности, выраженная в довоенных ценах, составляла: в 1923—24 г. 12,3 миллиард. руб.; в 1924—25 г.—14,6 миллиард. руб. и в 1925—26 г.—18,2 миллиард. руб.; иначе говоря, 1924—25 г. дал рост на 19%, 1925—26 г.—25%.

При этом необходимо иметь в виду, что восстановительный процесс народного хозяйства начался после почти полного разрушения народно-хозяйственной системы, вызванной империалистической и гражданской войной. Поэтому, стремительность роста становится еще более рельефной. В результате таких значительных успехов народно-хозяйственного строительства заработная плата трудящихся в 1925—26 году возросла по сравнению с 1922—23 г. на 220%, в то время как индекс цен возрос максимум на 80%; заработная плата рабочих, в частности, в 1925—26 г. достигла в реальном выражении 90%, а в Москве даже превысила довоенные нормы.

Из приведенных данных, кстати сказать ни в какой мере не претендующих на полноту, и внесенных в настоящий обзор для подкрепления выводов, можно сделать два основных вывода:

1. Быстрый темп восстановительного процесса народного хозяйства приблизил СССР к довоенному объему хозяйства.

2. Благодаря восстановлению народного хозяйства значительно улучшилось положение трудящихся масс—в несколько раз по сравнению с рядом предыдущих лет.

Эти выводы имеют существенное значение для нас, поскольку они проливают свет на динамику преступности 1925—26 года.

Поскольку мы говорим об общих, а не специальных условиях, определивших развитие преступности, постольку для анализа Московской преступности могут и должны быть использованы данные экономического развития не Московской губернии, а всего СССР в целом, так как кривая последней обуславливает и порайонную социально-экономическую динамику.

Подводя итоги анализу Московской преступности, мы констатировали, что наряду с ростом преступлений против личности, наблюдается определенное снижение кривой имущественной преступности. Это последнее явление, несомненно, объясняется основными экономическими достижениями, о которых мы только-что говорили. Но, повидимому, и первое явление—рост преступлений против личности должно должно быть объяснено законом развития преступности, установившим, что рост материального положения населения зачастую приводит к ро-

сту этих преступлений. Несмотря на значительные достижения после-октябрьского, как в области экономической, так и культурно-бытовой, трудно было бы предполагать, что старый быт уступит место новому немедленно, после соответствующего изменения в области экономических отношений. Должен пройти более или менее значительный период времени прежде, чем закономерность динамики преступности присущая, главным образом, капиталистическому обществу, была сильнейшим образом поколеблена новым социально-экономическим строем.

Однако, рост хулиганства не может быть целиком объяснен причинами, обуславливающими рост преступлений против личности. Конечно, в той части хулиганства, которая примыкает к последним, трудно искать иных причин. Но хулиганство имеет различное оформление, и такой случай, например, как нападение на комсомольскую организацию в Ново-Сибирске (мы оставляем в стороне юридическую квалификацию деяния) находит свое объяснение в иных причинах.

Основной причиной роста хулиганства мы считаем значительное расхождение между темпом роста экономики СССР и развитием культуры. Между первым и вторым образуются как бы «ножницы». Ломка старого быта в деревне, слабость ростков нового быта, стремление активных слоев деревни найти применение своим силам и неумение подойти к новым формам советской общественности; отчасти непонимание ими этих форм, и вытекающая отсюда враждебность к этим формам и усиление влияния старого быта; наконец, преломление новых лозунгов в кривом зеркале старого сознания; все эти моменты приводят советскую деревню к печальному для нас факту роста хулиганства. Те же условия влияют и в городе на рабочую молодежь, в той ее части, которая вышла из деревни, но к городу, рабочему городу—не пристала.

В своей повседневной работе мы не всегда можем учесть некоторые сдвиги, которые, постепенно накапливаясь, неожиданно взрываются, например, в виде хулиганства. Нужно было экономике подняться до известной высоты, чтобы обнаружились упомянутые «ножницы» между экономической динамикой и динамикой советской культуры.

Если бы этот факт обнаружился несколько лет тому назад, были бы основания для сильнейшей тревоги. В настоящее же время наша экономическая база служит достаточной гарантией тому, что «болезнь роста» не окажется губительной для всего организма.

Отвечая теперь на поставленный выше вопрос—чем объясняется рост хулиганства, повидимому, более сильный, чем до революции, в период значительного укрепления Советского Союза, мы можем сказать: этот рост вызван значительным расхождением кривых экономического развития и социалистической культуры; характеризует собою повышающуюся активность крестьянского и рабочего молодняка; при умелом использовании наших возможностей рост хулиганства изживается путем постоянного усиления роста советской общественности, советского быта.

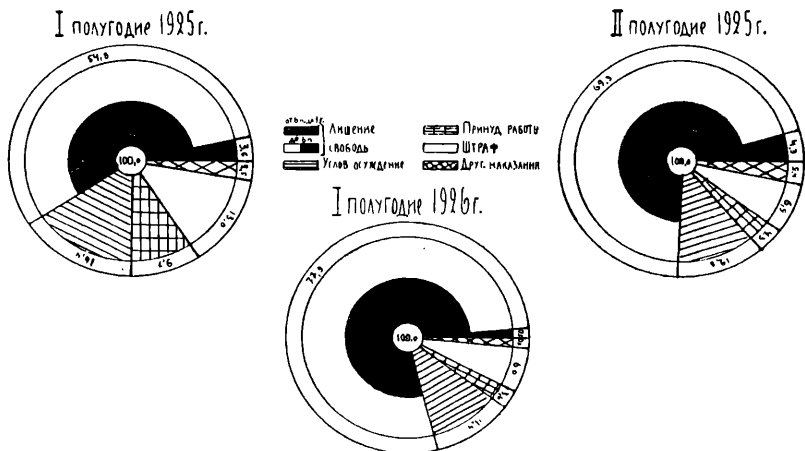
О мерах непосредственной борьбы с хулиганством говорить уже достаточно, чтобы можно было предложить что-либо существенно новое. Следует несколько остановиться на пределах возможностей карательной политики. Излишнее увлечение карательной системой едва ли может принести пользу. С другой стороны, в условиях переходного времени последняя все же не может не быть использована, тем более, что всякое другое мероприятие окажется осуществимым через более или менее продолжительный период времени. Поэтому в целях создания общественного мнения, осуждающего хулиганство, в целях усиления общего предупреждения, в целях защиты общества от наиболее опасных хулиганов,—необходимы решительные меры, как судебного, так и административного порядка. При обсуждении социального, общего и специального предупреждения преступлений в условиях переходного периода никогда не следует упускать основного момента, коренным образом меняющего постановку проблемы, того, что в период капиталистический, карательная политика бессильна противостать росту преступности, присущей капитализму, как таковому. В период же переходный карательная политика дополняет ряд общих мероприятий экономического и политического характера.

О напряженности борьбы с хулиганством в его городских и деревенских формах можно судить на основании сопоставления поступлений дел в суды и числа осужденных: (см. таблицу на след. стр.).

Число осужденных за хулиганство из полугодия в полугодие обгоняло темп поступления дел—во втором полугодии 1925 года на 54 пункта и в первом полугодии 1926 года уже на 148 пунктов. Рост тяжких телесных повреждений на 9 пунктов вызвал соответственное повышение числа осу-

Мера социальной защиты свыше трех месяцев (максимум по старой редакции 176 ст. УК) объясняется присоединением к ст. 176, ст. ст. 88 и 86 УК—явление, встречающееся на практике очень часто. Общая тенденция карательной политики в отношении хулиганства состоит во все возрастающем значении лишения свободы, как основной меры социальной защиты. Сокращается условное осуждение, принудительные работы и все другие меры. Если в первом полугодии % приговоренных к безусловному лишению свободы лишь несколько превысил 50 %, то в 1926 г. более трех четвертей хулиганов направляется в места заключения. Карательная политика в уездах мало, чем отличается от москов-

Диагр. IV. Карательная политика в отношении хулиганов в 1925—1926 гг.

ской; нельзя не отметить только некоторого роста в 1926 г. штрафа в уездных хулиганских делах. Это лишний раз подчеркивает осторожность суда, который исходит из положения, что «не всякое проявление некультурности в условиях нашей действительности может и должно караться лишением свободы» (Инструктивное письмо Губсуда).

Несомненно, что и в дальнейшем суд, применяя новый закон о хулиганстве, усиливая нажим в карательной политике, будет учитывать различные формы хулиганства, и соответственно с этим применение мер социальной защиты будет в достаточной степени гибким. Это соображение в особенности приходится принимать во внимание при анализе социального и возрастного состава хулиганов. Советский суд в настоящее время, в условиях социального строительства, осуществляя

классовую политику, не может идти по линии смягчения или повышения мер социальной защиты на основании формальной принадлежности того или иного правонарушителя к тому или иному классу. Но в то же самое время суд не может не исходить из учета классового состава правонарушителей, преобладающих в преступлениях, получившем значительное распространение.

В заключение, поскольку вопрос о судебнo-административных воздействиях на хулиганов становится еще более важным, чем он был раньше, следует остановиться на необходимости уточнить юридическое понятие хулиганства. Если в повседневной жизни термин «хулиганство», «хулиган», прочно укрепилось, как бытовое «словечко», и хулиганством мы называем самые различные действия, то, конечно, в суде и в административных органах должно быть выработано более точное понятие хулиганства.

Несмотря на трудность юридического определения хулиганства, последнее вошло в наш кодекс в качестве самостоятельного преступления. Судебная практика до известной степени оправдала опасения тех криминалистов, которые говорили о трудности определения хулиганства, так как состав преступления зачастую оставался неуловимым, тесно примыкая к некоторым другим преступлениям против личности. В дальнейшем ст. 176 УК претерпела ряд изменений, в смысле уточнения состава деликта. Был устранен элемент бесцельности из субъективной стороны состава преступления. Из объективной стороны был исключен момент, устанавливавший направление действия на отдельных граждан. С другой стороны были внесены моменты рецидива, упорности действия, цинизма, дерзости, буйства, озорства.

Помимо этого судам пришлось инструктивными письмами уточнить понятие хулиганства, восполнив пробелы судебной практики.

Советскому уголовному праву вообще несвойственно увлечение догматической разработкой уголовно-правовых вопросов. Большинство возражений старых криминалистов, стремившихся создать безукоризненно-стройные системы, в наших условиях сами собой отпадают. Слова т. Курского, сказанные им на III сессии ВЦИК IX созыва в 1922 году, остаются в силе и до сих пор. «Это деяние (хулиганство — А. Г.), которое весьма спорно было в свое время в науке уголовного права, но тем не менее в последнее время все или большинство криминалистов склоняются к необходимости действительно такого рода статью внести в Кодекс, ибо мы имеем достаточно практики, которая показывает, что су-

ществуют такие озорные бесцельные поступки, которые никак не могут быть уложены в точные старые юридические нормы, но которые определенно связаны с проявлением неуважения к гражданам и нарушают их чувство стыдливости, чувство необходимого покоя, которого может требовать каждый гражданин».

По этой цитате мы можем судить, как за 4 года прогрессировало понятие хулиганства. Тогда шла речь о неуважении к отдельным гражданам, о нарушении их стыдливости и покоя. Теперь речь идет об общественном порядке, и «чувство стыдливости» зачастую заменяется другими, более насущными чувствами. Все это лишний раз подчеркивает политическую и уголовно-политическую целесообразность и полезность статьи о хулиганстве. Перенесение же последней из раздела преступлений против личности в раздел преступлений против порядка управления, на ряду с соответствующими раз'яснениями, которые, надо полагать, будут изданы, создаст у судебно-административных работников если не идеально-стройное юридическое понятие хулиганства, то во всяком случае надежный рабочий инструмент.

Опыт изучения современного хулиганства.

I

Среди всех видов преступности за последние годы хулиганство стоит особняком. Его выделяют из рядов иных правонарушений—его характер, тесно связанный с бытом, благодаря чему затрудняется догматическое уточнение; выделяет его и динамика, которая показывает нам совершенно исключительный количественный рост, усиливающийся до самого последнего времени.

Это обстоятельство и поставило в настоящее время проблему хулиганства в центре внимания широких кругов общества.

В криминологии сегодняшнего дня нет темы более актуальной, чем тема о хулиганстве.

И несомненно анализ корней этого явления и изучение его сущности, изучение кадров правонарушителей вполне своевременно.

Среди широких масс в связи с внезапно резким ростом хулиганства можно нередко встретить мнение об этом явлении, как о новом виде преступности, неизвестно откуда появившемся и специфически русском.

Между тем нет, быть-может, более старого явления, чем то, что мы зовем новым словом «хулиганство», в котором так стерты границы между бытом, между невинным озорством и явно криминальным поступком. То же самое нужно сказать и о его распространении. Хулиганство так же присуще всем народам, как всякий другой вид преступности.

На Западе хулиганские поступки налицо, несмотря на то, что общий уровень культурности несравненно выше. Разница лишь чисто количественная. Насыпание грязи в карманы пальто пассажирам трамвая в Берлине, сбивание шляп пал-

ками в Нью-Йорке, являющееся рекламным трюком и много других—все это явления одного порядка.

У нас в России уже в Соборном уложении Алексея Михайловича (1649 г.) мы находим указания на процветающее озорство.

В условиях недавнего прошлого хулиганство являлось естественной, хотя и уродливой реакцией на уродливую обстановку, в которой жило население. Нравы Растеряевой улицы и городка Окурова, стенка на стенку, господство кулака, издевательство сильного над слабым, самодурство во всех его видах, кабак, как единственное и последнее прибежище во всех житейских горестях, ресторанные нравы Тит Титыча—«чего моя нога хочет» и позолоченных шелопаев гвардейской и прочей так-называемой аристократической молодежи—все это явления одного порядка, которые по нашему правосознанию целиком укладываются в ст. 176 УК.

Однако, напрасно пытались бы мы в летописях полиции найти какие-либо следы, хотя бы административного воздействия в этих случаях хулиганства, тем более злостного, что оно усиливалось сознанием безнаказанности.

Наряду с этим хулиганство мещанства и деклассированных слоев из бесчисленных Растеряевых улиц дореволюционной (до 1905 г.) России мало привлекало внимание властей, как не направленное против интересов господствующего класса и ничем не угрожающее его благополучию.

И несомненно справедливый упрек дореволюционной печати в «воемерии», находим мы в материалах того времени: «Чем по существу отличается поведение этой «блестящей молодежи» от тех «парней», которые гнусно нападают на женщин, понять не умею. Но к «парням» с необыкновенною поспешностью и легкостью прилагается кличка—хулиганы. А «блестящая молодежь» оказывается как бы освобожденной от обвинений в хулиганстве»¹⁾. Описывая далее два однородных случая:—парень, сидя в пивной, похвальбы ради зарезал первого встречного; казачий офицер застрелил соседа пассажира за то, что тот своими разговорами мешал ему спать,—автор приведенной статьи замечает: «В обоих случаях—и парнем и хорунжим—проявлено казалось бы одинаковое отношение к человеческой жизни. Но на поступок парня всеми было указано, как на пример «растущего в народе хулиганства». Поступок хорунжего не вызвал ни общих осуждений, ни распространительных толкований... Прямо поразительна эта ходкая ныне газетная терминология». Конечно, нужна наивность сотрудника народного колосника «Русского богатства», чтобы упрекать дореволюционную печать,

¹⁾ Петрищев. Русское богатство, 1913 г. № 1 стр. 334—359.

в том числе и так-называемую либеральную, за ее классовую сущность, но этот отрывок характерен тем, что он показывает, что классовая сущность дореволюционного хулиганства, сознавалась даже до семнадцатого года и отнюдь не марксистами.

Несмотря на всю глубинность и давность хулиганства, на его теснейшую связь со всем старым бытом, мы не имеем до второго десятилетия нынешнего столетия даже постановки вопроса о хулиганстве ни в юридической литературе, ни в публицистике, что именно и нужно объяснять указанными выше для обоих слоев населения причинами.

Лишь художественная литература запечатлела яркие картины хулиганства тех лет, давая тем самым живое свидетельство глубинности этого явления, вопреки официальному благополучию, выявляя истинное лицо жизни. Гоголь, который еще в «Майской Ночи» дал картину, во многом напоминающую современное хулиганство в деревне («Парубки гуляют»), который в лице Ноздрева запечатлел помещичье хулиганство дореформенной Руси; Достовский в жутких картинах «Братьев Карамазовых», показавший справедливость позднейших разговоров о значении наличия хулиганских мотивов поведения; Островский, в «Темном царстве» которого особенно пышным цветом распустилось хулиганство Брусовых и других героев; и, наконец, Глеб Успенский и Максим Горький—все они дают нам образы один ярче другого.

Смело можно сказать, что едва ли во всей литературе вопроса, где авторы тратили десятки страниц на то, чтобы обрисовать сущность хулиганства, найдутся более ценные страницы, чем те, где вырастают, словно живые, образы героев Горького, в немногих скупых словах которого одним-двумя штрихами раскрыта по сути вся психология хулиганства.

Наряду с русской литературой можно было бы не мало примеров привести и из иностранной литературы, которые показывают, что и Запад не свободен от этого явления.

Понадобилась революционная встряска 1905 года для того, чтобы с крушением основ старого порядка, хоть и оказавшегося временным победителем в борьбе, но треснувшего в самом основании, вышедшего из схватки, по образному выражению Л. Д. Троцкого, со свинцовой пулей в позвоночном хребте, этот гнойный нарыв вышел наружу и, как отрывка классовых боев направился своим острием против эксплуататоров.

Тогда-то «Журнал министерства юстиции» забил тревогу: «Со всех концов России, от Архангельска до Ялты, от Владивостока до Петербурга, в центры летят сообщения об ужасах нового массового безмотивного преступления, которое

мешает населению мирно жить, развиваться, дышать. Деревни охвачены ужасом, города в тревоге»¹⁾).

Что в этой тревоге мы имеем классовую дворянско-помещичью постановку вопроса убеждают нас состав и характер хулиганских дел. Здесь мы находим много дел, вызванных столыпинской земельной реформой, и хулиганство тех лет в значительной части отражает в себе борьбу за землю и показывает нам вообще взбудораженный и смятенный лик деревни после 1905 года.

Что же касается городского хулиганства, то подавляющее большинство хулиганов в городе рекрутировалось из мещанских слоев, оторванных от производственной базы, сынков лавочников, приказчиков и т. п. В отношении же рабочей молодежи хулиганство нужно рассматривать, как характерный для годов реакции упадок, уродливый и ярким проявлением которого среди интеллигентской молодежи была Арцыбашевщина и огарничество тех лет.

Нельзя не напомнить и легализованной организации хулиганства—черной сотни, в виде разных «союзов русского народа».

И наряду с этим странно звучит постановка вопроса, которую мы находим в журнале «Современный Мир» за 1913 год:

«Какие основания говорить о хулиганстве, как о специфической форме народной культуры. Какие основания всю деревню рисовать, как сплошной ужасный кошмар. Хулиганство, если не злоупотреблять словами, есть явление больших городов, тесно связанное с городским люмпен-пролетариатом, с контрастом между блестящими улицами городского центра и темными, смрадными окраинами. Хулиган—это продукт вырождения городского населения, существо не только особого социального, но и особого анатомического и физиологического порядка». (?! Курсив наш А. Э.)²⁾.

При всей необходимости тогда борьбы с реакционными попытками изобразить деревню между двух революций, как сплошь хулиганскую, нельзя не отметить совершенно вздорной постановки вопроса автором.

Правительство, стоявшее на защите интересов помещиков, поспешило разработкой законопроекта «об усилении

¹⁾ Громов «Безмотивные преступления» Ж. М. Ю. 1913, № 5.

²⁾ Д. Заславский. «Борьба с хулиганством». Совр. Мир. 1913, январь, стр. 127.

наказуемости озорнических посягательств против личности и имущества (! А. Э.), так-называемого хулиганства».

Однако, в кругах криминалистов проект встретил резкую оппозицию.

В литературе того времени (как в общей—в так-называемых «толстых» журналах, так и в юридической) мы находим оживленную полемику по этому острому для того момента явлению. Наметилось два лагеря: один правительственный—администраторы, судебские работники (Громов, Лихачев, Башилов), другой—научные работники-криминалисты, публицисты-общественники (Елпатьевский, Петрищев, Заславский и др.). Лишь война сняла с порядка дня этот вопрос, но вместе с тем ее окончание, несмотря на коренное изменение положения вещей и перестройку социальных взаимоотношений, вновь поставило нас в иной уже обстановке пред этой же проблемой.

II

Что же такое хулиганство? Какие деяния можно сюда отнести?

Где граница между невинным озорством и криминалом и имеет ли это понятие вообще право на существование?

Среди всех групп правонарушений хулиганство является наиболее неясным. Определение хулиганства, как озорства, по сути ничего не определяет, ибо понятие озорства не менее относительно. Вполне верный ответ на попытки определить хулиганство, как озорство, пакостничество, злобность, мы находим еще в старой литературе: «С тем же основанием и той же настойчивостью, с какой эти авторы трактуют определения хулиганства, можно от них самих ждать определения озорства и злобности»¹⁾.

Тем более приходится сожалеть, что этот вопрос не нашел надлежащего освещения на страницах современной юридической прессы и мы имеем лишь несколько случайных статей. Лишь теперь, когда вопрос стал злобой дня, литература стала расширяться, да и то преобладает публицистика.

Значительно подробнее вопрос освещен в дореволюционной юридической литературе. Однако, как тогда, так и теперь мы видим в этом вопросе полнейший разброд юридической мысли.

Попытки дать единое четкое определение понятия «хулиганства» оказывались тщетными. В старой литературе отмечалось отсутствие объективного признака в понятии хулиганства и указывалось, что хулиганским может быть всякое деяние в зависимости от его характера, и тогда оно должно

¹⁾ Трайнин. «Хулиганство». Отчет X собр. рус. гр. межд. союза крим. Петр. 1915.

являтьсяотягчающим моментом. Трайнин писал¹⁾: «Так как любое деяние может при известных условиях носить характер хулиганского, то в понятии хулиганства, как и в определении хулиганства, нет и не может быть указаний на об'ективный состав (курсив автора) деяний. Хулиганство, следовательно, характеризует не внешний мир действий и фактов, а мир внутренних психических переживаний... Хулиганством может привести к самым разнородным преступлениям. Поэтому нет хулиганских преступлений в том смысле, как имеются преступления против личности и против имущества, преступления тяжкие и легкие; есть лишь преступления, совершаемые хулиганскими, или точнее, преступления, совершаемые в состоянии хулиганства... (курсив наш. А. Э.). Оно является приводящим обстоятельством, отмечающим то или иное конкретное преступление... Подобно стыду и страху, оно фигурирует в законе в качестве одного из вспомогательных понятий, без которых ни один закон обойтись не может».

Понятие о хулиганском характере деяний вводил и Башилов²⁾: «Хулиганский характер проступков и преступлений против жизни, здоровья, чести и имущества частных лиц, в качестве элемента, придающего им противообщественное значение, поддается точному констатированию по двум вышеприведенным признакам—безкорыстию обвиняемого и отсутствию повода со стороны потерпевшего».

За последнее время этот взгляд вновь оживает если не в теории, то в жизни. В газетной кампании, предпринятой за последнее время, под название хулиганства подводится все. Здесь мы находим деяния, укладываемые в ст. ст. 142, 157, 169 УК и др.

В свете недавней ленинградской кошмарной истории— изнасилование девушки 30—40 хулиганскими, эта точка зрения получает до известной степени подтверждение. И хотя непосредственное обвинение им должно быть вчинено по тяжкой 169-й ст., однако ни у кого нет сомнений, что преступление совершено именно из хулиганских побуждений. Аналогичный факт в литературе описывал Петрищев еще в 1913 г. Урядник, сидя в пивной, чтобы доказать своим собутыльникам свою власть, изнасиловал дочь сидельца пивной лавки и заставил то же сделать своих приятелей. И Петрищев замечает: «Вот это по всем видимостям хулиганство... нет сдерживающих начал, нет узды... что хочу, то и делаю, дикий разгул животных, низменных инстинктов и побуждений. Это и есть хулиганство». Такая же чрезмерно легкая,

¹⁾ Трайнин. «Хулиганство» Отчет X сбор. рус. гр. межд. союза крим. Петр. 1915.

²⁾ Башилов. «О хулиганстве, как преступном явлении, не предусмотренном законом». Ж. М. Ю., 1913, № 2 стр. 223—256.

поспешно скорая трактовка понятия хулиганства замечается и в современной печати. Расширительное толкование хулиганства приводит к тому, что сейчас на Украине установлена высшая мера наказания за злостное хулиганство. Приводят такие примеры, как дело хулигана Зубачты, вонзившего нож комсомольцу. При этом забывают, что здесь налицо ст. 142 УК; то обстоятельство, что это убийство носило бесцельный и бессмысленный характер, и что убийца пришел к нему не из корыстных мотивов, а вследствие своей разнузданности и своего хулиганства—это положение дела не меняет.

На путаницу в этом вопросе и необходимость подходить более узко к толкованию понятия о хулиганстве, оставаясь строго в рамках ст. 176, обращал внимание в своем недавнем выступлении тов. Крыленко.

На трудность определения понятия хулиганства указывал и проект Министерства Юстиции:

«Точно указать в законе, какие преступные деяния должны почитаться хулиганством, не представляется возможным, так как хулиганство есть в сущности оттенок преступности и по хулиганским побуждениям может быть учинено всякое преступное деяние»¹⁾.

Мы приведем, несколько попыток такого определения.

Так, Чубинский²⁾ полагал характерным для хулиганства—«недостаточность повода или явную несоразмерность его с учиненным деянием. В деянии виновного для признания его хулиганским должно ясно выразиться такое его антисоциальное и антиморальное настроение, которое можно назвать моральным нигилизмом» (характерная для буржуазной криминологии формулировка).

Крумбмиллер считал особенностью психологии хулигана, способность ради малейшего чувства эгоистического удовольствия игнорировать чужую личность, ее священные интересы и права и приносить их в жертву, при чем посягательство направляется не на заранее определенных лиц или имущество, но на первых попавшихся. Почти всегда хулиган не знает человека, против которого он выступает, например, бить первого, кто встретится, бить окна в незнакомом доме, топтать цветы, заботливо посаженные на дорогой для кого-либо могиле (цит. по Чубинскому).

Елпатьевский³⁾ признавал наиболее характерным для хулиганства особую злобность хулиганства и в особенности бесцельность и бессмысленность проявления злобы и жестокости.

¹⁾ Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 4, стр. 103.

²⁾ Чубинский. «О хулиганстве». Отчет X собр. Русск. гр. крим., стр. 131—153.

³⁾ Елпатьевский. «Бесчинство». Русск. Бог. 1912. Март, стр. 84—110.

Люблинский¹⁾ находил в хулиганстве «признак насильственности» и «коллективное учинение деяния несколькими лицами».

Этот последний признак мы находим и в современной литературе. Так Сегалов²⁾ подчеркивает своеобразную особенность хулиганства—«действие скопом», находя подтверждение этому и в грамматическом значении слова «хулиган»—«шайка (банда) Хули» (какого-то бесчинствовавшего ирландца); кстати сказать, Люблинский производил слово хулиган вовсе от индийского племени в Северной Америке, по аналогии со словом «апаши».

В литературе приходится встречать мнение, что поскольку основным признаком хулиганства является бесцельность, то случаи, где таковые деяния совершаются по побуждениям мести, нельзя относить к хулиганству.

Громов писал:

«Я определил бы хулиганское деяние, как озорническое действие, направленное одним или несколькими лицами во вред имуществу или личности других лиц, но без цели извлечь из этого действия какую-либо для себя корыстную или иную выгоду, или удовлетворить какое-либо личное чувство (мести, вражды, похоти и г. п.). Конечно, бесцельность такого действия—условная, относительная»...

«Чтобы злобное действие признать хулиганским, говорит Башлов, необходимо, чтобы сам потерпевший никакого повода к нему не подавал. Иначе это будет только формой мщения».

Ярким опровержением такого взгляда может служить небольшой отрывок из молодого немецкого писателя Оскара Графа:

«По воскресеньям мы разрушали скамьи «Общества благоустройства», председателем которого был Макс, вырывали недавно посаженные деревья, или поджигали какой-нибудь стог сена. Что-то было в нас, и оно толкало нас к этому. Что-то должно было случиться. Мы ненавидели жителей села. Нужно было отомстить за Лоренца.

Нас было трое: Мартин, мой школьный товарищ, Анна, моя сестра, и я. Однажды, мы сошлись в поле, в высоких хлебах, пред сеном. Я набросал план мести, другие двое стали на колени, торжественно подняли руку и сказали: «Клянусь». Мы верили, что того, кто что-нибудь разблещает, постигнет тяжелая кара. Затем пришла пора действовать».

¹⁾ Люблинский: Отчет X собр. русск. гр. крим., стр. 167.

²⁾ Сегалов. «Психология хулиганства». Проблемы преступности. М. 1926.

Мельник оставил среди пашни свой железный плуг. Плуг был нами разобран до основания, а части разбросаны на все четыре стороны.

Хозяин кафе на озере построил на возвышенности Зуталь будку. Мы трудились четыре воскресенья, пока не отделили ее от земли: тогда она с грохотом слетела вниз со ската холма¹⁾.

Бургомистр выпустил своих жеребят на луг. Мы отвели воду из соседнего ручья через этот луг, разложили на середине костер и загоняли скотину так, что она совсем запарилась; потом мы открыли загородку луга, и жеребята убежали.

Мы воровали скатерти с накрытых в саду харчевни столов и сжигали их.

(«Пережитое». М. 1925 г.).

Едва ли у кого-нибудь может возникнуть какое-либо сомнение в хулиганском характере описанного.

Совершенно очевидно, что всякие попытки формального определения состава хулиганства будут в высшей степени условны.

Вот почему небезинтересно здесь привести перечень деяний, которые могут быть признаны хулиганскими; этот список был составлен Башиловым на основе регистрации хулиганства в одной губернии:

«1) Нарушение общественного порядка и спокойствия. Праздношатайство днем и ночью группами, попарно и одиночками с пением песен, большою частью нецензурного содержания, с громкой нецензурною бранью и разным сквернословием.

2) Крики по ночам на улице, сопровождаемые иногда стуком в двери и окна и бросанием в них камнями.

3) Ношение запрещенного оружия.

4) Причинение домашним животным напрасных мучений.

Проступки против личности.

1) Упорное оказание неуважения и проявление неповиновения родительской власти, доходящее до нанесения им побоев.

2) Оказание неуважения, до нанесения оскорблений включительно, старшим, властям и духовенству.

3) Нанесение побоев старикам, позволяющим себе делать замечания за неприличное поведение.

4) Нанесение словесных обид и оскорблений лицам, укрепившим землю в личную собственность.

5) Приставание на улице к женщинам, мазанье ворот дегтем.

6) Посагательство на женское целомудрие до изнасилования включительно.

7) Бросание на улице в прохожих камнями.

8) Требование от проходящих денег на водку с угрозами избить.

9) Избиение прохожих на улице.

¹⁾ Совершенно аналогичный случай прошел через криминологическую клинику нашего Кабинета (четверо молодых крестьян, осужденных за разрушение чужого сарая).

- 10) Вторжение в дома с требованием денег на водку.
- 11) Угрозы и причинение насилий свидетелям, дававшим на суде обличающие показания.
- 12) Драки.
- 13) Убийства в драках.
- 14) Нанесение увечий и ран в драках.
- 15) Самые разнообразные формы нанесения ран, увечий и причинения истязаний.

Проступки против чужого имущества.

- 1) Умышленное истребление всякого движимого имущества всеми способами, даже и поджогом.
- 2) Битье окон.
- 3) Поломка и вырывание с корнем деревьев в садах, вырывание цветов и овощей без использования их.
- 4) Мелкое воровство разных съестных припасов, домашней птицы и овощей для своего употребления.
- 5) Растаскивание и разбрасывание по бревнам срубов, приготовленных для постройки.
- 6) Изувечие и убой чужих животных».

Мы опустили ссылки на соответствующие статьи уложения о наказаниях, как не имеющие теперь значения.

Из этого перечня мы видим, что он почти полностью сохранил свою силу и поныне (конечно, если не считать пунктов о неуважении к духовенству и других характерных для дореволюционных условий) и, что фактически большая часть деяний, перечисленных здесь и несомненно являющихся хулиганскими, укладывается скорее в другие статьи УК, чем в ст. 176. За вычетом таких деяний остается очень узкий круг деяний, которые ни по какой другой статье не могут трактоваться, как только по ст. 176.

В определении психологии хулиганства мы встречаемся с двумя как-будто, с первого взгляда, взаимно исключающими точками зрения. Стоящий на одном полюсе Башилов считал, что «хулиганство есть проявление грубой силы в форме злоупотребления ею по отношению к более слабым существам. Сюда подходит народное слово «обижать» именно в смысле надругательства силы над слабостью».

Иное говорит Сегалов: «Хулиганство... совершает больше всего та группа или та личность, которая в данный момент является слабой, подавленной, угнетенной или считает себя таковой». Он определяет хулиганские побуждения «чувством собственной недостаточности, как определяющего момента жизненного поведения». «Результат, к которому стремится хулиган, есть самоутверждение как в своих собственных глазах, так и в мнении ценного для него общества. Хулиганство есть своего рода создание общественного мнения».

При более детальном рассмотрении между этими двумя положениями нет противоречия, так как именно, чем больше сознание своей неполноценности, тем сильнее импульс к злоупотреблению физической силой. «На меня смотрят сверху

вниз, меня не признают, я же вам покажу». Так обычно бывает в столкновениях «клубных хулиганов», о чем мы дальше подробнее говорим.

Но Сегалов не прав, когда он положение, верное в применении к индивидуальной психологии, начинает обобщать, говоря «та группа или та личность» и, ставя таким образом здесь знак равенства, которого быть не может. Участие кулаческой молодежи не настолько велико, чтобы из него делать какие-либо выводы. Более того, если мы обратимся к городу, то там мы увидим значительный процент рабочих. Факт очень печальный, разумеется, но как бы то ни было он все-таки остается фактом, хотя он и имеет определенные объяснения во всем нашем прошлом. И здесь, конечно, уж ни о каком групповом чувстве недостаточности говорить не приходится.

Зато в отдельных индивидуальных случаях это положение сохраняет свою силу. Здесь замечание Сегалова весьма верно: «... среди товарищей и сверстников естественно проявляется соревнование, желание привлечь внимание, выдвинуться, показать себя... он действует всегда анонимно, скрываясь за чужие спины, за ту «шатию», среди которой он хочет блистать. Поэтому всякий хулиганский поступок совершается группой лиц, при чем они ведут себя так, чтобы потерпевший не узнал, кто озорует, не опознал и не привлек, но чтобы те, кто делает «общественное мнение», очень хорошо знали автора, и исполнителей, и подсобников и зачислили их озорство в заслугу удачества-молодечества».

С исключительной силой эта психология своеобразного «молодечества» описана Горьким:

«Бурмистров сильно избалован вниманием слобожан, но требовал все большего и, не удовлетворенный, странно и дико капризничал: разрывал на себе одежду, ходил по слободе полуголый, валялся в пыли и грязи, бросал в колодцы живых кошек и собак, бил мужчин, обижал баб, орал похабные песни, зловеще свистел, и его стройное тело сгибалось под невидимой людям тяжестью. Во дни таких подвигов красивое законченное лицо становилось плоским, некоторые черты как бы исчезали с него, на губах являлась растерянная, глуповатая улыбка, а глаза, воспаленные бессонницей, наливались мутной влагой и смотрели на все злобно, с пустой животной тоской... Вспоминал свои озорные выходки против полиции, бесчисленные дерзости, сказанные начальству, побои, принятые от городских и пожарной команды—все это делалось ради укрепления за собою славы героя и было дорого оплачено боками, кровью».

(«Городок Окуров». Собр. соч. т. VIII, стр. 223).

Однако, необходимо заметить, что такая трактовка справедлива только для хулиганства в истинном смысле слова, которое действительно, по большей части, бывает групповым.

Но, как показывает изучение живого материала, подавляющая масса современного хулиганства, которая и содействовала непосредственно привлечению общественного внимания, носит совершенно иной характер, по преимуществу индивидуальный. Здесь хулиганство случайное, не системное, поистине бесцельное (в то время как в случаях Сеголова налицо цель и эгоистически важная к тому же).

В одном из последних своих рассказов—«Голубая Жизнь» М. Горький нарисовал еще один не менее яркий тип хулигана «по призванию»—столяра Каллистрата, который, как он сам признается «для забавы» может ворота дегтем и делает все на-пакость. Он вторгается в жизнь тихого мечтателя Миронова, который любит «удить рыбу, гулять одиноко в поле, в лесу, слушая пение птиц, шелест травы и листья, странные шопоты ветра, и пытается перевернуть эту жизнь по-своему, вверх дном. Все его действия, возводимые им в своеобразную систему обосновываемую доморощенной философией, полностью характеризуется старым содержанием ст. 176—«озорные, бесцельные сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом, действия». Этот Каллистрат признается:

«Я, бывало, налью керосину в почтовый ящик для писем, суну туда зажженную спичку, письма то и горят, а никто ничего не понимает. Даже в газетах писали: отчего письма горят. От жарких чувств, пишите холодно-кровно. Глупость, конечно, молодость, ночей не спишь, все думаешь: как отличиться. Я и теперь люблю это,—озадачить людей. Забавно, когда они спотыкаются на ходу. Все, будто бы, просто, а—вдруг настигло непонятное...»

Вот поистине мастерское проникновение в психологию хулиганства.

Встает основной вопрос, где граница между шалостью, озорством молодежи и уголовным деянием. Этой нелегкой задачей пытался заняться Мокринский¹⁾:

«С точки зрения педагога озорство—дурная шалость. Шалость переходит в озорное дело с момента, когда она утрачивает безобидность, и в преступление с того времени, когда от нее начинают страдать правоохраненные

¹⁾ Мокринский. «Озорство и хулиганство». Е. С. Ю. 1924, № 37, стр. 878.

чужие интересы, частные или общие. Между озорством, как дурною шалостью, и озорством, как преступлением, по содержанию нет качественного отличия, а есть лишь количественное. Серьезнее—значение поступка, крупнее—последствия, грубее—побуждения. Последними служат разгул, молодечество, животная забава. Они и сообщают преступному действию свойства озорства».

На живом материале мы могли констатировать как эти грани в жизни стираются.

Вырастая из нашего быта, меняющегося несравненно медленнее, чем социально-экономический базис, на котором он строится, и сохраняющего в силу своей консервативности еще старый уклад, грубостью нравов, пьянством, отсутствием воспитания детей, хулиганство будучи в начальных своих формах полутерпимым, тем, что можно назвать озорством, легко и просто перерастает в такое преступное деяние, которое начинает угрожать основным нашим достижениям, угрожать строительству социалистической культуры, угрожать обществу и отдельной личности.

Старое определение хулиганства, как поступка бесцельного едва ли было верно и правильно было позднейшее исключение этого признака, как очень шаткого.

О бесцельности можно говорить в случайном индивидуальном хулиганстве, которое преимущественно носит пьяный характер и где нахулиганивший, на завтра протрезвившись с удивлением, а нередко и с ужасом узнает, о совершенном накануне, сам не понимая, зачем он это сделал.

На понимание этой по существу основной группы и для уяснения механизма возникновения хулиганских поступков яркий свет проливает современное учение о психических реакциях.

В настоящем же злом хулиганстве, где мы имеем дело с организованной шайкой, там всегда налицо та или иная цель. Пускай она с точки зрения всех бессмысленна, но тем не менее, и в битье уличных фонарей, когда оно носит систематический характер, может быть цель—своеобразный спорт. Мы уже не говорим о таком преступлении, как массовое изнасилование.

Эту разбивку всех хулиганов на две неравные количественно и качественно половины, необходимо отчетливо проводить, ибо совершенно неверно говорить о единой психологии хулиганства. К положениям, которые верны для

второй группы, нужно, как мы видим, вносить ряд существенных поправок, когда мы переходим к первой. В попытках старых и современных авторов дать единую трактовку сущности хулиганства и заключается основная ошибка.

III.

Остановимся теперь на «современном состоянии вопроса», вернее на статистике хулиганства за последние годы, на динамике роста.

В нашем распоряжении имеются кроме исчерпывающих цифр московского губсуда по городу и губернии, также некоторые общие данные административного отдела Моссовета, Наркомвнудела и Наркомюста.

Из данных губсуда мы видим следующее:

Осуждено за:			
	I полугод. 1925 г.	II полугод. 1925 г.	I полугод. 1926 г.
По городу	259	813	1523
По губернии	266	663	1601

Необходимо тут же попутно отметить соотношение хулиганства городского и сельского. Приведенные только что цифры при переводе их в относительные выглядят так:

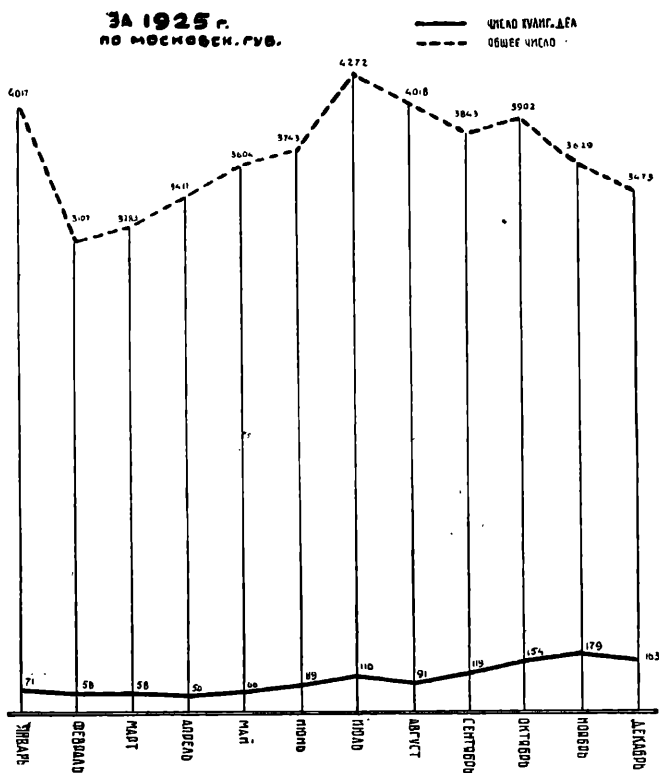
Приходится осужденных хулиганов на 10.000 населения.

	За весь 1925 год.	За I полугод. 1926 г.
По городу	5,6	8,0
По губернии	3,8	6,6

Несмотря на то, что рост хулиганства в деревне идет численно быстрее, он все-таки отстает от города. Однако, надо отметить, что, к сожалению едва ли эти цифры могут служить свидетельством благополучия положения в деревне. Скорее это отражает беззащитность деревни в борьбе с хулиганами. В городе органы административного надзора гораздо многочисленнее и борьба ведется интенсивнее. На селе же многое проходит безнаказанно за отдаленностью и малочисленностью милиции.

Для характеристики положения дела в деревне еще показательнее будет кривая роста числа хулиганских дел в нарсудах по Московской губ., в сопоставлении с общим числом всех дел, где мы можем видеть, что общее число дел уменьшилось за год, а число хулиганских увеличилось больше чем вдвое.

Диагр. I. Движение общей преступности и хулиганских дел в нарсудах Московск. губ. за 1925 г.

В процентах это соотношение выражается так для 1925 года:

Январь . . .	— 1,76%	всех дел было хулиганских
Февраль . . .	— 1,86%	» » » »
Март	— 1,76%	» » » »
Апрель . . .	— 1,46%	» » » »
Май	— 1,83%	» » » »
Июнь	— 2,6%	» » » »
Июль	— 3,8%	» » » »
Август	— 2,2%	» » » »
Сентябрь . . .	— 3,0%	» » » »
Октябрь . . .	— 3,9%	» » » »
Ноябрь	— 4,9%	» » » »
Декабрь . . .	— 4,7%	» » » »

Таким образом мы имеем за год возрастание в $2\frac{1}{2}$ раза. Если мы условно примем первое полугодие 1925 г. за 100, то дальше мы будем иметь такую картину:

	I полугод. 1925 г.	I полугод. 1926 г.
Всего дел	100	124
По ст. 176	100	462

В абсолютных цифрах рост общей судимости и специально хулиганских дел по г. Москве и Москов. губ. выражается так:

	I полугод. 1925 г.	II полугод. 1925 г.	I полугод. 1926 г.
Дел всего	47276	54553	58081
Всего осужд.	25239	30611	31662
Дел по ст. 176	832	1906	3720
Хулиганов осуждено .	523	1476	3124

При переводе в проценты число хулиганских дел по отношению к общей судимости выражается в крайне демонстративных цифрах.

Дел	1,7	3,5	6,4
Осужден.	2,08	4,8	9,8

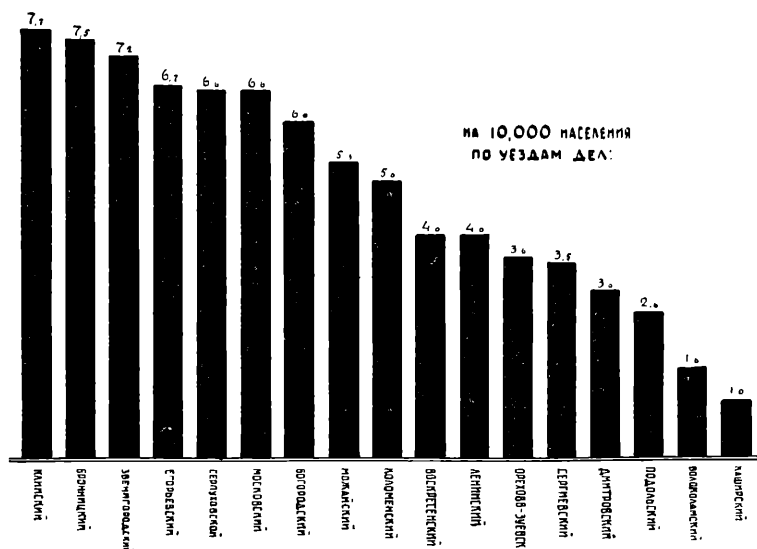
т.-е. мы имеем увеличение удельного веса ст. 176 во всей преступности за год для числа дел в 3,75 раз, а для числа осужденных даже в 4,7 раз.

Действительно, нужно признать цифры достаточно грозными.

На ряду с этими цифрами, для нас, как для московских работников, несомненно представляет интерес, как распределяются эти цифры по отдельным районам города и уездам губернии. Здесь окажется резкая неравномерность, которая заставляет призадуматься и искать ответа об ее причинах. Так, например, еще при нашем обследовании, нам бросилось в глаза большое количество бронников крестьян. При проверке в Губсуде оказалось, что это не случайность, а вполне соответствует неблагополучию уезда.

У Е З Д Ы.	Число хулиган- ских дел за 1925 г.	На 10.000 населения.
Богородский	94	6
Бронницкий	131	7,5
Волоколамский.	25	1,6
Воскресенский	33	4
Дмитровский	27	3
Егорьевский	123	6,6
Звенигородский.	68	7,2
Каширский.	10	1
Клинский.	95	7,7
Коломенский	65	5,8
Ленинский	30	4,6
Можайский.	81	5,3
Московский.	220	6,6
Орехово-Зуевский	60	3,6
Подольский.	32	2,6
Сергиевский	37	3,5
Серпуховской	98	6,6

Диагр. II. Распределение числа хулиганских дел по уездам Московской губернии.

Число дел по районам гор. Москвы за 1925 г.

Р а й о н ы.	I кварт.	II кварт.	III кварт.	IV кварт.	Всего по ст. 176.	Общ. число всех дел.	% хул. дел.	На 10000 населения хул. дел.
Баумановский	22	36	46	43	147	6995	2,1	6
Замоскворецкий	26	37	50	94	207	7566	2,7	9,4
Краснопресненский	65	68	177	175	685	15238	4,5	15
Сокольничий	39	47	80	72	238	10277	2,3	10
Рогож.-Симоновский	41	26	34	41	142	5519	2,5	8,8
Хамовнический	8	20	30	42	100	6457	1,5	5

Таким образом мы видим пеструю картину—есть больные и здоровые уезды, больные и здоровые районы.

Чем это объясняется? Мы полагаем, что в известной степени это связано с социальным составом населения того или иного уезда или района. Однако, отсутствие свежих данных (последняя перепись по Московской губернии производилась в 1920 г.), не позволяет делать здесь более или менее категорических выводов.

Судебная статистика по всей Республике показывает также резкий рост хулиганства.

По 48 губерниям мы имеем такие числа хулиганских дел¹⁾:

I полугодие 1923 г. 4.836

II полугодие 1923 г. 7.136

I полугодие 1924 г. 10.257

II полугодие 1924 г. 12.376

I полугодие 1925 г. 4.993

Резкое падение числа дел в первом полугодии 1925 г. объясняется изменением подсудности, так как вследствие разбивки прежней ст. 176 на две части, большое количество дел стало проходить в административном порядке, заканчиваясь денежным штрафом и до суда не доходя.

Поэтому представляют большой интерес цифровые итоги административных органов. Однако, они очень относительны, так как туда попадают и случаи появления в нетрезвом виде на улицах, нарушение общественной тишины и порядка и т. п.

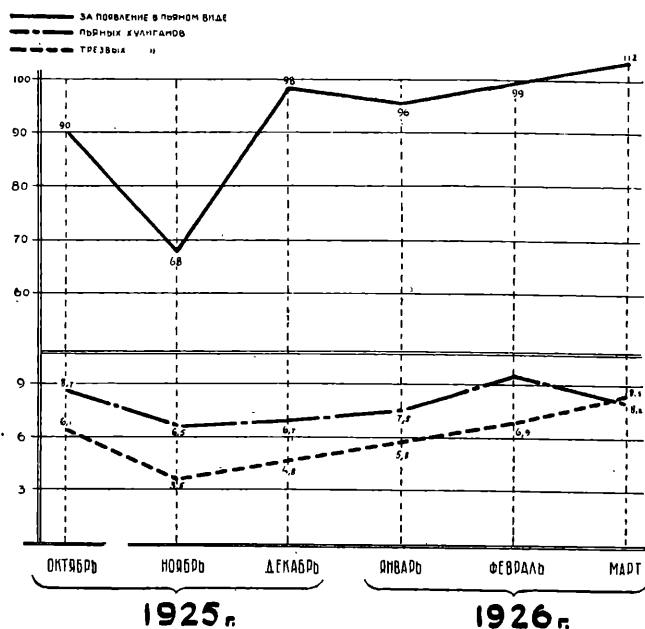
¹⁾ Тарновский. ЕСЮ, № 22—23, 1926 г.

Вот цифры АОМС'а по Москве.

По АОМС'у мы имеем среднее число ежедневно задержанных за появление в пьяном виде и за хулиганство за первую половину 1925—26 года.

	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.
Пьяных.	90	63	98	96	99	112
Хулиганов пьяных	8,7	6,5	6,7	7,5	10,0	8,2
Хулиганов трезвых	6,1	3,5	4,8	5,8	6,9	8,3

Диagr. III. Среднее ежедневное число административно-задержанных по гор. Москве.

Общее число задержанных в 1-й половине 1925—26 года.

За пьянство. 16.989 — 87,3%
 За хулиганство в пьяном состоянии. . . 1.357 — 6,7%
 За хулиганство в трезвом состоянии. . . 1.118 — 5,9%

Данные Наркомвнудела весьма приближительны и могут дать только общую ориентировку.

А. Количество административных взысканий и протоколов:

В тысячах по кварталам.

		1924 г.			1925 г.		
		II.	III.	IV.	I.	II.	III.
Москва	Взысканий	15	15	17	13	10	12
	Протоколов	18	13	11	15	13	18
РСФСР	Взысканий	150	183	200	297	358	365
	Протоколов	146	168	181	198	179	182

Б. Соотношение видов нарушений правил общественного порядка (тишины, буйство, появление в пьяном виде и т. п.), в % ко всем видам нарушений, караемых в административном порядке—(см. табл. «А»):

	1924 г.			1925 г.		
	II.	III.	IV.	I.	II.	III.
В губ. городах (без столиц) . .	37,3	38,2	40,2	36,5	36,0	48,9
В проч. местностях	30,1	33,1	37,3	25,9	21,4	26,7

Из сопоставления обоих этих таблиц мы можем сделать кое-какие относительные выводы.

При изучении всех этих цифр невольно возникает вопрос—объясняется ли увеличение цифр фактическим ростом явления или он отражает усиление репрессий, обострение борьбы. Ведь несомненно можно признать, что многое из того, что год-два тому назад проходило незамеченным, теперь становится предметом судебного разбирательства.

Наши впечатления, основанные на изучении живого материала, приводят нас к тому, что наряду с несомненным ростом явления, как такового, связанного со сложным комплексом причин, на которых нам придется в дальнейшем остановиться, существенную роль играет и усиление репрессивной политики и это несомненно изменяет картину, давая возрастание цифр.

К сожалению, мы лишены возможности сопоставить эти данные в одной сводной таблице, что было бы несомненно наглядней, так как разбивка по возрастным группам в каждом учреждении своя и получаются не вполне сравнимые данные.

Данные губсуда полностью подтверждают и наши итоги, показывая тем самым, что наши цифры вполне характерны для общей картины. Мы приводим эти данные в их динамическом развитии, по полугодиям.

Из всего числа хулиганов, прошедших через суды						
Приходилось по возрастам	Г о р о д .			Г у б е р н и я .		
	I полуг. 1925 г.	II полуг. 1925 г.	I полуг. 1926 г.	I полуг. 1925 г.	II полуг. 1925 г.	I полуг. 1926 г.
До 18 лет .	5,8	6,9	5,5	8,3	6,3	6,2
От 18—25 л.	45,2	49,6	50,2	60,2	63,2	59,3
От 25—35 л.	32,0	30,5	30,7	19,9	19,2	22,0
От 35—50 л.	15,8	10,8	12,1	10,9	8,9	10,6
Свыше 50 л.	1,2	2,2	1,5	0,7	2,4	1,9

Из этой таблицы мы можем видеть в общем довольно стойкую картину со сравнительно небольшими колебаниями.

Если мы обратимся к возрастным данным общей преступности, то увидим такое распределение преступности в России (1912 г.):

Приходилось на 100 осужденных в возрасте:

10—17 лет	— 5,0%
17—21 "	— 16,0%
21—30 "	— 30,9%
30—40 "	— 23,5%
40—50 "	— 13,9%
свыше 50 "	— 10,2%

Это соотношение сохраняет свою верность на ряд лет в течение пятилетия 1908—12 г. Колебание цифр незначительно и держится в пределах одного процента в ту и другую сторону. Такое же примерно распределение мы видим и в других странах (Бельгия, Германия и др.¹⁾).

¹⁾ Гернет, М. Н. Моральная статистика. М. 1922 г., стр. 123.

Население Москвы делится по возрастам так:

До 19 лет	33,0% (из них 15—19 л.—9,7%)
„ 20—29 л.	26,5%
„ 30—39 „	17,5%
„ 40—49 „	11,7%
„ 50 л. и старше	11,3%

Сопоставление этих двух таблиц с нашими и общими судебными возрастными данными осужденных за хулиганские деяния оказывается в высшей степени поучительно.

Вот сводка:

В возрасте свыше 30 лет приходится:

Среди хулиганов	16%
Среди всех преступников	47,6%
Среди московского населения	40,5%

Несмотря на некоторое различие разбивки по возрастным группам, мешающее абсолютному сравнению, мы можем видеть из сопоставления со второй таблицей (возрастного состава московского населения), что основная группа хулиганов, дающая половину всего числа осужденных по ст. 176—возраст 19—23 л. (по данным нашего обследования) и 18—25 лет (по данным Губсуда) превышает больше, чем вдвое процент этой группы в московском населении (особенно если учесть, что в данных населения группа взята более широкая).

То же самое мы видим при сравнении с общей преступностью. В то время, как хулиганы для возраста 19—30 лет дают 71%, в общей преступности приходится на этот же почти возраст немного свыше 30%, т.е. более чем вдвое меньше. Зато для группы 30—40 лет, мы имеем обратное соотношение—11% для хулиганов и 23,5% для всей преступности.

Это сравнение подтверждает положение, что хулиганство есть болезнь молодежи. Это, конечно, вполне естественно, ибо молодой возраст, конечно, более эмоционален, импульсивен и скорее склонен к озорным действиям, от которых один шаг до хулиганства. Прав вполне проф. Мокринский, когда он говорит: «озорство обычный спутник детства и юности. Основная черта всякого озорного поступка—его эмоциональность».

Второе же сравнение указывает на особое место хулиганства среди преступности в целом. В то время как с возрастом уменьшаются психологические предпосылки для совершения хулиганских деяний и падает их число, экономика в узком смысле этого слова сохраняет свою силу и попрежнему дает достаточно высокую кривую общей преступности.

Наряду с возрастом существенным фактором является и семейное положение.

Мы получили такие результаты:

Холостых—72,5%, женатых—37,5%

Однако, это распределение еще ничего не определяет, так как в вопросе о влиянии семьи на уменьшение хулиганства центр тяжести не в наличии брака, а в числе иждивенцев. При обследовании оказалось:

без иждивенцев	79 чел.
с 1 „	21 „
2—3 „	54 „
4—5 „	24 „
больше 5 иждивенцев . . .	5 „
не выяснено	35 „

Эта таблица в достаточной мере показательна, ибо из нее мы видим, что семья, сознание обязанностей пред ней, по мере их увеличения, оказывает несомненно сдерживающее влияние.

Если эту таблицу сопоставить с возрастом, то связь между этими моментами и их влияние на кривую хулиганства станут еще более ясными:

	До 18 л.	19—23 л.	24—30 л.	31—40 л.	Свыше 40 л.
Без иждив.	21	49	7	2	0
С 1 иждив.	0	12	4	4	1
С 2—3 иждив. . . .	0	19	21	11	3
С 4—5 иждив. . . .	0	6	7	6	5
Свыше 5 чел.	0	1	2	1	1

Переходим к вопросу с социальных группировках хулиганов.

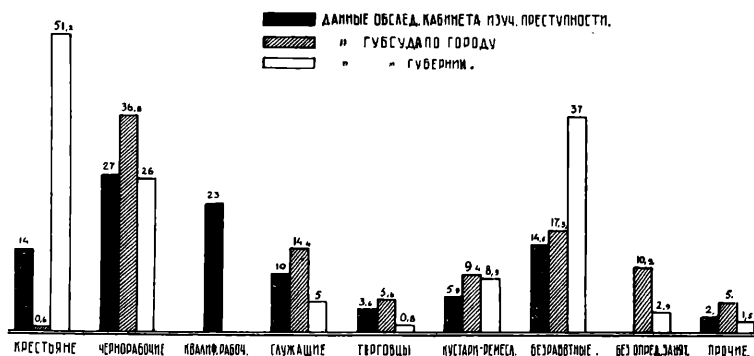
Наш материал дает нам следующие таблицы.

Социальное происхождение

Из рабочих	42%
„ крестьян	40%
„ служащих	7%
„ торговцев	1,3%
„ ремесленник	5,5%
„ воспит. дома	0,9%
„ прочие	5,3%

З а н я т и я .	Наши данные.	По данным губсуда за I полугод. 1925 г.	
		Для города.	Для губернии.
Крестьян	14%	0,6	51,2
Чернорабочих	27%	36,8	26,0
Квалифицированных рабочих	23%		
Служащих	10%	14,4	5,0
Торговцев	3,6%	5,6	0,8
Кустарей и ремесленников	5,9%	9,4	8,9
Безработных	14,5%	17,3	3,7
Прочих	2%	5,0	1,5
Без определенных занятий	—	10,9	2,9

Диагр. V. Социальное положение обследованных.

Процент крестьян у нас несомненно мал, но объясняется это тем, что большинство их отбывает заключение на месте в уездах. Представляло бы большой интерес выявить, из каких именно крестьянских слоев комплектуются кадры деревенских хулиганов, ибо есть основания ожидать преимущественного участия кулацкой верхушки. Однако, попытки опроса заключенных оказались неудачны, так как каждый старался представить себя бедняком, а в приговорах на это обычно не встречается указаний. Во всяком случае сопоставление таблицы социального положения с местожительством показывает, что из 77 деревенских хулиганов, хлебо-

пашеством занимается всего 32, остальные 45 комплектуются из занимавшихся отхожим промыслом (ломовым извозом и т. п.), кустарей, (столяры и др.), мелких конторских служащих на сельских фабриках и т. п.

Местожительство.	Крестьян.	Чернорабочих.	Квалиф. рабочих.	Служащих.	Торговцев.	Кустар. и ремесленн.	Безработн.	Всего.	%
В деревне	27	13	14	7	2	7	7	77	35,3
Москве поселились:									
до революции . . .	2	25	32	10	2	5	20	96	44,1
С 1917—1921 г. . .	0	1	2	3	1	0	1	8	3,7
В 1922—23 г. . .	0	9	7	2	1	0	1	20	9,1
В 1924 г. и позже.	0	8	4	0	1	1	3	17	7,8

Из этой таблицы мы также можем видеть, что главная масса хулиганов комплектуется из коренного московского населения.

Что касается остальных групп, то необходимо обратить внимание на большой процент участия рабочих (правда, преобладают чернорабочие; жаль, что в данных Губсуда нет такого расчленения). Следует отметить, что при всей малочисленности сейчас торговцев, они для своей группы дают несомненно повышенный процент, хотя нужно сказать, что преимущественно речь идет о мелких уличных торговцах в разнос, палаточниках и т. п. Служащие дают для своей группы пониженный процент.

Культурный уровень.

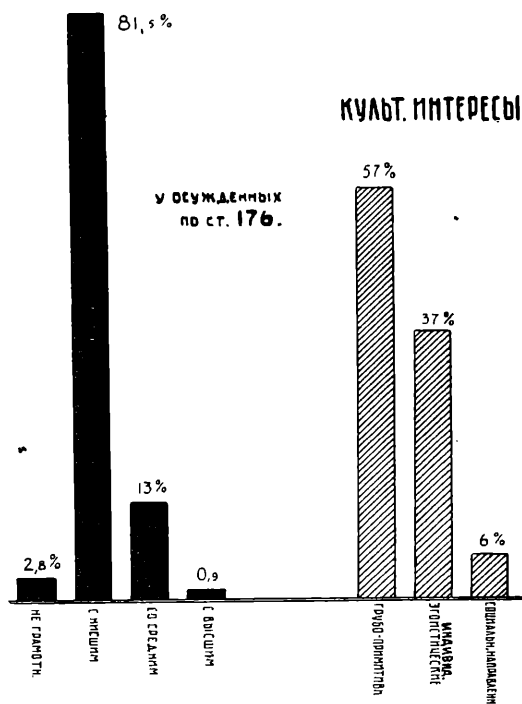
По этому вопросу мы собирали двоякий материал: формальный—в смысле полученного образования и психологический—в отношении культурных интересов, запросов, духовной жизни. Мы делили всех обследуемых на три группы:

С наличием социально-направленных интересов;

с интересами культурными, но эгоистически-индивидуальными;

с грубо-примитивными интересами, вернее с отсутствием каких-либо культурных запросов.

Диагр. VI. Культурный уровень.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Удобнее всего представить те и другие данные в виде одной взаимно коррелирующей таблицы.

	Соц. напр. интересы.	Эгоистич. индив. интересы.	Грубо-примитивные интересы.	Невыяснено.	Всего.	%
Неграмотных . . .	0	0	5	1	6	2,79
Малограмотных . .	1	23	42	7	73	33,49
Грамотн. с низшим образованием . .	4	30	49	22	105	48,11
Со средн. обр. . .	3	18	7	1	29	13,31
С высшим обр. . .	1	0	1	0	2	0,92
Невыяснено . . .	0	0	2	1	3	1,38
Всего . .	9	71	106	32	218	100%
%	4,11	32,61	48,61	14,67	—	100%

Из этой таблицы мы видим, что лица с низшим образованием (сельское, городское училище) или вовсе такового не получившие, составляют подавляющее большинство, а именно 84%. Наряду с этим, имеющих социально-направленные интересы, принимавших участие в общественной жизни, мы имеем всего лишь 4%.

Вместе с тем невольно бросается в глаза хоть и не большая цифра — всего два случая — с высшим образованием. В одном случае был актер, бывший навеселе и поскандалившийся в Рабисе, в другом — юрисконсульт одного центрального учреждения, предпочитавший коротать вечера в пивной, отнесенный нами к 3-й группе по своим интересам.

Вот этот случай.

Случай I. С 28 л., сын столяра юрист по образованию. В феврале, в воскресенье шел по Тверской из пивной. «Сильно развезло». Кого-то толкнул, произошла драка, оскорбил милиционера.

Без культурных запросов, с узким кругозором. Резкое несоответствие с образованием и социальным положением.

Наряду с этим заслуживает внимания иной случай, где мы встретили крестьянского парня общественника.

Случай II. О., 25 л., крестьянин Моск. у. в пьяном состоянии подражался в чайной. 2-я судимость (первая тоже по ст. 176).

Крестьянин-активист, выделяется среди других заключенных культурными интересами. Был членом ВЛКСМ, председателем клуба. Под влиянием неудачно сложившейся личной жизни (невозможности жениться) начал пить, бросил общественную работу.

Веселый с колебаниями настроения, общительный.

Подавляющий процент хулиганов отличается наличием примитивных интересов, отсутствием социальной установки, враждебностью к культурным формам нового быта.

В этом отношении характерна фраза, слышанная нами от одного обследованного. На вопрос, почему он не бывает в фабричном клубе, он отвечал, что нет времени. На указание, что время находилось на ежевечерние посещения пивной, он заявил, что «то пивная, там весело, а что в клубе делать?» Оставляя сейчас в стороне психологический облик данного обследуемого, мы не можем не отметить, что эта фраза во всяком случае бьет по больному месту и справедливо указывает на дефекты нашей просветительной, в частности, клубной работы, о чем не раз говорили гг. Томский, Семашко, Троцкий. Когда мы перейдем к вопросу о мерах борьбы, нам придется еще вернуться к этому основному вопросу, но одно нужно подчеркнуть сейчас: **борьба пивной с клубом** — вот наиболее яркое выявление момента, вот где центр тяжести борьбы с хулиганством. И мы не ставим разумеется вопроса, кто выйдет победителем из этой борьбы, ибо ответ ясен, но весь вопрос в сроках. От того, с какой быстротой клуб вытеснит из рабочего быта пивную, зависят сроки изживания хулиганства, как бытового явления.

В части культурных развлечений наших обследуемых нельзя пройти мимо кинематографа, на криминогенную роль которого уже не раз указывалось. Мы не задавались специальной задачей выявить этот вопрос на нашем материале, но можем отметить, что из всех развлечений для той группы, которая их искала где-либо кроме улицы, наиболее заманчивым является кино, а в его репертуаре наиболее излюбленный герой—Гарри Пиль, американский детектив, пустые приключенческие фильмы которого наполняют сейчас рынок и неизвестно почему так щедро допускаются в СССР.

Времяпрепровождение у завалянки—этого своеобразного клуба старой деревни, перенесенной на окраину города из деревни вместе с другими привычками, отсутствие навыков к здоровой книге, в лучшем случае, чтение в газете дневника происшествий и судебной хроники—вот что характеризует быт слоев, составляющих большинство в статистике хулиганства.

Надо ли говорить, что молодечество, удаль заливчатская, поверхностный лоск городской «цивилизации» все это невольно толкает перейти ту грань, за которой шалость молодежи принимает уже все признаки деяний, подпадающих под неумолимое действие ст. 176. А если добавить сюда эйфорическое действие полубутылки «горькой» или «пары трехгорного», расторможавающих скрытые компоненты характерологической взрывчатости, то в ту же минуту, как является для водворения порядка представитель административного надзора, налицо, как правило, готова и ст. 88 и ст. 86.

V.

Здесь мы вплотную подходим к основной проблеме в изучении хулиганства, в выявлении его корней и плана борьбы с ним—к вопросу о современном алкоголизме и криминогенной роли алкоголя вообще.

Вопросу о влиянии алкоголизма на рост преступности посвящена обширная литература. Вопрос обсуждался и на международном тюремном конгрессе в 1900 г. (доклады Сюлливан, Долов, Шафрот, Мальга и друг.), на собраниях русской группы международного союза криминалистов (Кулишер), этому вопросу посвящен ряд больших работ как в иностранной литературе, так и в русской (Гоппе, Ашаффенбург, Дрезель, Григорьев, Кроль, Машинцев, Тарновский и многие другие). Ограничимся лишь некоторыми цифрами, наиболее демонстративными для сравнения с положением вопроса в отношении хулиганства.

Так, по данным Тарновского из 1.000 осужденных мировыми судами в 1907 г., страдают хроническим алкоголизмом—9,3%, совершили правонарушение в состоянии опьянения 13,6%.

Григорьев¹⁾ на основании материала архива Петербургского Окружного суда с 1883—97 г., устанавливает процент преступлений, которые были совершены в состоянии опьянения или где совершившие страдали алкоголизмом в 40,5% для гор. Петербурга (всего 7.658 дел) и для губернии 37,2% (2.342 дела).

Характерны также цифры, показывающие, что в тех местностях, где больше потребляют спиртные напитки, там выше преступность.

Так, например, по данным за 1907—09 гг. мы имеем такую картину.

	Среднее душевое потребление вина (в ведрах)	% осужденных, совершивших преступл. в состоянии опьянения.	На 100.000 населения приходится осужденных.
Петербургская губ.	1,5	27	271
Иркутская губ.	1,39	20	295
.			
Минская губ.	0,39	6	96
Витебская губ.	0,36	4	140

Та же зависимость полностью сохранилась и по настоящее время и ее можно было проследить точно так же на ряде губерний. Мы ограничимся лишь одним примером Вологодской губернии. Привлекалось за хулиганство и нарушение общественной тишины и порядка:

В 1923 — 24 г. — 1491 чел.

В 1924 — 25 г. — 2723 чел.

С 1 окт. 1925 г. по авг. 1926 г. — 3261 чел.

Параллельно с этим выросло и пьянство.

До появления 30° водки ежемесячно потреблялось 6784 ведра пива.

С появлением 30° было в первый же месяц выпито 1580 ведер водки.

С появлением 40° " " " " " " 7256 ведер водки и

6135 ведер пива.

В дальнейшем ежемесячно потребляется 4483 ведер водки и 10165 ведер пива.

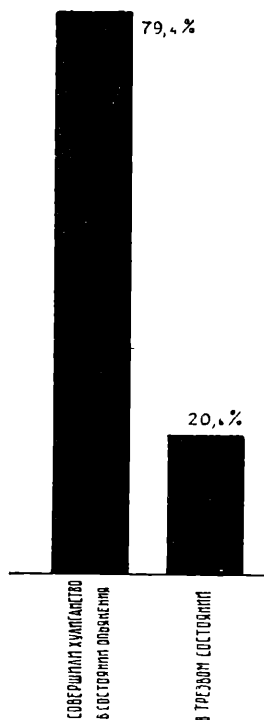
¹⁾ Григорьев, И. И. «Алкоголизм и преступления в г. Петербурге» 1900.

Однако, если значение алкоголя в преступности относительно, и нередко алкоголизм является не причиной, а следствием (преступная среда, риск и т. д.), то в отношении хулиганства его значение совершенно исключительно.

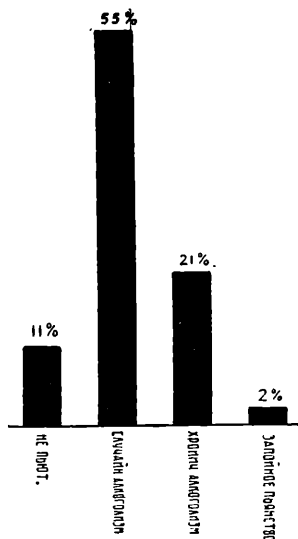
В этом отношении точно также, как и в возрастной группировке, хулиганство резко выделяется среди прочих видов преступности.

В то время, как средний процент правонарушений, совершенных в состоянии опьянения, равняется по данным нашего кабинета—8,3%, для хулиганства мы при нашем обследовании получили 79% деяний, совершенных в состоянии опьянения.

Диагр. VII. Влияние фактора опьянения на совершение хулиганских деяний.

Диагр. VIII. Предшествующий алкоголизм у осужденных по ст. 176.

В этом отношении хулиганство несомненно стоит на первом месте и может служить исключительно яркой иллюстрацией к положению о криминогенной роли алкоголя.

Наш материал в отношении фактора опьянения и характера предшествовавшего алкоголизма может быть представлен следующей таблицей:

	Не пьют	Слу- чайно пьют.	Хрони- ческий алкого- лизм.	Запойное пьянство.	Всего.	%
Хулиганство со- вершено:						
В состоянии опья- нения	8	118	43	4	173	79,36
В трезвом состоян.	11	28	5	1	45	20,64
Всего . .	19	146	48	5	218	100%
%	8,71	66,98	22,02	2,79		

Наличие 8 непьющих в группе совершивших хулиганство в состоянии опьянения остановило наше внимание. По анкетам было выяснено, что это относится к молодежи до 20 лет, которые в первый раз выпили, с непривычки в голове начало шуметь, реакция на опьянение сказывалась в психомоторном возбуждении и в результате этот первый опыт знакомства с алкоголем обходился дорого и приводил в тюрьму по ст. 176.

К группе случайно пьющих мы относим всех, кто не испытывает потребности в спиртных напитках, но охотно выпивает в компании, когда угостят, в гостях, в праздник.

Эти цифры совершенно определенно лишней раз показывают, что главнейшая опасность алкоголизма кроется в его тесной связанности с бытом. Праздник, именины, свадьба, поминки, крестины, «с горя», «на радостях» — на первых порах без повседневной потребности, только за компанию, вот те условия, которые постепенно втягивая, создают алкоголиков-хроников.

Это бытовое пьянство особенно больно ударяет по деревне. Неоднократные изучения сельского алкоголизма показали, что, как правило, не бывает ни одного престольного праздника, когда деревни обычно предаются в течение нескольких дней непробудному пьянству, который бы не кончался поножовщиной. В работе Маньковского, печатаемой

в этом же сборнике, в ряде бытовых примеров это показано с достаточной яркостью. Этим несомненно объясняется наряду с другими экономическими и бытовыми причинами разница в преступности города и деревни. Так по данным Тарновского ¹⁾ мы имеем такую картину:

Виды преступлений.	На 100 заключенных	
	Жители сельских местностей.	Жители города.
Преступление против личности .	26,6	10,6
В том числе:		
а) умышл. убийств	9,7	2,8
б) тяжел. телесн. поврежд. . .	5,6	1,1
Имущественные преступления .	34,7	47,9
в том числе кражи	25,6	36,0

Таблица в достаточной степени показательная.

Что алкоголь имеет значение не для всех преступлений, это вполне понятно.

По данным того же Тарновского ²⁾, относящимся к 1907—09 г. мы видим:

Из 100 осужденных по каждому преступлению совершили преступления в состоянии опьянения.

Преступления против лесной неприкосновенн. . 12,5 (в общ. суд. установл.)

Т о ж е 22,4 (в мировых судах).

Преступ. против женской чести 10,1

Убийство 9,2

Кражи 5,0 (в общ. суд. установл.)

Кражи 1,7 (в мировых судах).

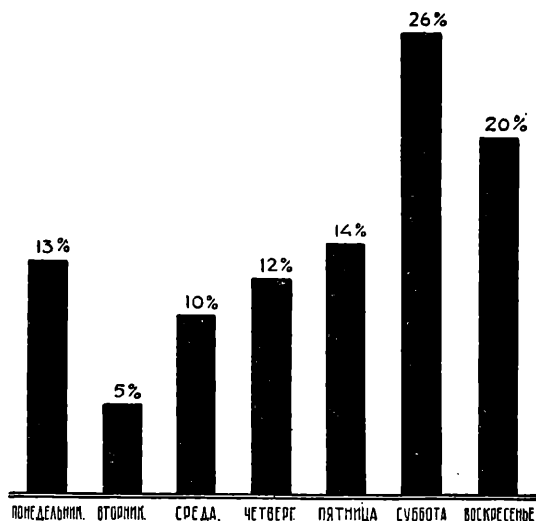
Таким образом, мы видим из общих таблиц (этой старой и предыдущей новой), что именно преступления, в основе которых могут скорее лежать хулиганские побуждения, совершаются по преимуществу в состоянии опьянения. Поэтому-то деревня в них идет впереди города.

¹⁾ Тарновский. Статистика преступлений. Е. С. Ю. 1926. № 22, стр. 675.

²⁾ Тарновский. Влияние алкоголизма на преступн. Ж. М. Ю. 1913. № 2.

Старая известная кривая распределения преступлений по дням недели подтверждается полностью и на кривой хулиганства.

Диagr. IX. Распределение числа хулиганских поступков по дням недели.

По данным нашего обследования:

Совершено хулиганских деяний.	Понедельник.	Вторник.	Среда.	Четверг.	Пятница.	Суббота и канун праздн.	Воскресенье и праздн.
В состоянии опьянения	13	5	15	15	19	34	27
Трезвых	6	2	0	3	2	5	4
Всего .	19	7	15	18	21	39	31
%	13	4,5	10	12	14	26	20,5

Дрезель ¹⁾ приводит также сходные цифры:

	Понедельн.	Вторник.	Среда.	Четверг.	Пятница.	Суббота.	Воскресенье.
Из прошедших через его наблюдение алкоголиков совершили преступления по дням	43	13	17	15	17	20	80

Тарновский приводит такие данные за 1909 г., по четырем группам преступлений, дающих наибольший процент совершения в состоянии опьянения:

	Понедельн.	Вторник.	Среда.	Четверг.	Пятница.	Суббота.	Воскресенье.
В состоянии опьянения .	557	412	392	384	447	411	594
Трезвые	1619	1508	1453	1330	1475	1345	2144

Остается нам еще осветить вопрос о значении состояния опьянения для суда. Необходимо отметить, что из 173 случаев совершения хулиганских деяний в состоянии опьянения в 14 случаях, т.-е. в 8% были основания предполагать наличие патологического опьянения. Это обстоятельство указывает на необходимость психиатрического подхода в отдельных случаях.

Сегалов совершенно правильно замечает: «Единственное решение здесь (в применении ст. 17 УК—А. Э.) может быть в том, чтобы признать наказуемыми не те поступки, кои совершаются в состоянии тяжелого опьянения, повлекшем за собой эти поступки, носящие характер озорных действий и т. д., а самое это состояние, т.-е. приравнять пьянство, осложняемое асоциальным поведением к хулиганству. Это понимание последнего абзаца ст. 17 УК в отношении к ст. 176 УК сразу внесло бы простоту и ясность: пить можно, но безобразить в пьяном виде также нельзя, как и напиваться до безобразных поступков».

¹⁾ Dresel: Die Ursachen der Trunksucht, Berlin. 1921.

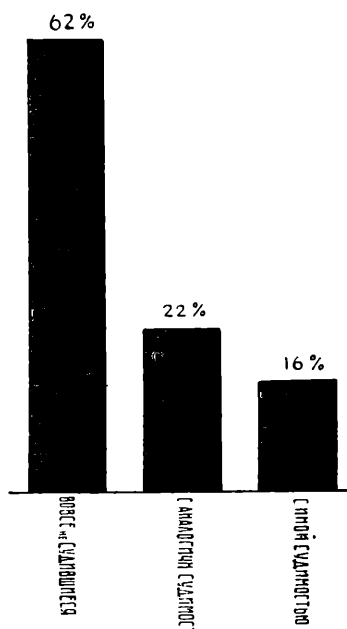
Существенно важным для суждения о кадрах хулиганов является изучение вопроса о судимости наших обследуемых.

Оказывается:

не судившихся 62%
с аналогичн. судимостью 22%
с иной судимостью (чаще всего по ст. 180) 16%

Эта таблица с несомненностью указывает, что подавляющее большинство является случайными хулиганами. Все разговоры о том, что хулиганство тесно связано с уголовной

Диagr. X. Предыдущая судимость осужденных по ст. 176.

средой по меньшей мере преувеличены. Несомненно, что и раньше преступный мир (и это априорно понятно), давал большой процент нарушителей общественного порядка, подобно тому, как проститутки дают большой процент женского хулиганства. Между тем, мы всего имеем 16% уголовного контингента среди хулиганов. Наряду с этим надо отметить, однако, что мы имеем все-таки четверть с повторною (иногда помного раз) судимостью за хулиганство.

Вот эти-то хулиганы рецидивисты должны стать предметом особого внимания.

Уже эти цифры опровергают укрепившееся за последнее время мнение об особо злом характере хулиганства. Временами начинает казаться, что хулиганы сплошь насилизуют, убивают и т. д. В начале нашей работы мы указывали на существующую путаницу в терминологии и отсутствие догматического уточнения.

Изучение тюремного материала показывает, что процент злых хулиганов не велик. Отдельные, действительно злые случаи тонут в огромной массе бытового хулиганства, нередко граничащего с озорством (в понимании Мокринского). Несмотря на то, что мы вели свою работу в арестном доме, где одновременно находилось до 500 хулиганов и они регулярно менялись в самый короткий срок (одни оканчивали срок, новые прибывали), мы из всей этой массы не могли найти почти ни одного случая действительно злого хулиганства и в поисках за таковым нам пришлось странствовать по другим местам заключения.

Не останавливаясь здесь в подробностях на злом хулиганстве, так как этому посвящена в настоящем сборнике работа В. И. Аккермана, я приведу, как особо яркий пример злого хулиганства, один случай, наблюдавшийся нами еще два года тому назад в Психиатрической клинике I МГУ и по которому нам пришлось выступать экспертом в суде.

Р. 16 лет, ученик консерватории, сын профессора, упрямый, замкнутый, раздражительный. Все интересы в музыке.

В возрасте 14 лет проделал следующее:

Дом, в котором его отец был председателем домкома, был передан соседней фабрике. Отец начал длительную тяжбу, тщательно отвоевывая дом. Началась длительная вражда с комендантом. В сентябре 1922 года соседи пожаловались родителям, что он разбил им окно. Родители отрицали возможность его вины и считали, что это комендант их провоцирует. Между тем, в течение двух месяцев было разбито 10 стекол. Когда Р. сходил с трамвая за ним, по словам родителей, следили соседние мальчики, подавали сигналы, разбивали стекла из рогатки и говорили, что это делал Р. Он же отрицал свое участие в этом. Однако, когда мать попробовала его провожать на трамвай и встречать, битье стекол прекратилось. Когда мать перестала его провожать, было вновь разбито стекло. После кратковременного ареста Р. все прекратилось. В конце зимы началась вновь травля семьи. Они начали получать ругательные письма с угрозами. Вскоре начались телефонные звонки — кривляющийся голос угрожал. Иногда звонки происходили в его присутствии, но чаще, когда его не было дома. Подбрасывались в дверь ругательные записки. Мальчик очень остро реагировал на все происходящее, волновался. Несколькими раз он начинал беспричинно смеяться во время звонков, но причины смеха не объяснял. Родители обращались в милицию, ГПУ, прося оградить их от травли, обвиняя в происходившем хулиганстве коменданта дома, соседей. Приходили агенты, дежурили, но ничего не могли обнаружить. Во время пребывания агентов в квартире под дверь подбрасывались записки обычного ругательного содержания, совершенно без-

грамотные, написанные печатными каракулями, принадлежащие, обычно, одному почерку. Найти их автора агентам не удавалось. В присутствии агентов продолжали звонить к ним по телефону. Случайно их проводка перепуталась с одними знакомыми, жившими в другом районе. С тех пор в течение некоторого времени эти знакомые также подвергались ругательным звонкам. Однажды по телефону было заявлено, что телефон будет испорчен, и действительно, телефон три недели не работал. Записки по содержанию явно изобличали человека, близко знакомого с семьей и всем, что там происходило. Так, когда агенты находились в квартире, получались записки: «Чаво к мильтошке (милиция) бегаετε, ничаво вам не поможет».

Однажды после ряда угроз поджога, записка сообщила о происшествии в этот день в Консерватории пожаре и заявила, что это есть первый шаг к тому, чтобы сжечь и их. Однажды Р. был облит на Никитской серной кислотой. Родители бомбардировали жалобами и суд, и ГПУ, и милицию. В то же время однажды после 12 ч. ночи на черном ходу взорвалась банка с порохом. Взрыв, правда, серьезных разрушений не сделал, но напугал всех жильцов. Возбужденные соседи, вбежав в их квартиру, угрожали им, обвиняя Р. в хулиганстве. Тогда же на прохожих стали сыпаться кирпичи, битые электрические лампочки. Семья полагала, что это продолжение всей системы травли, что это делают с крыши над ними мальчишки. Однако очевидцы утверждали, что это делалось из их окон и однажды возбужденная толпа рабочих ворвалась в их квартиру, вытащила Р. Была угроза самосуда. Одновременно с семьей Р. была терроризована семья их близких друзей А., к которым Р. был очень привязан. Звонили по телефону, угрожали, получали письма. Однажды к ним явилась группа вооруженных милиционеров, вызванная по телефону кем-то, сообщившим, что в квартире А. бандиты. Другой раз к ним были вызваны пожарные. А., будучи измучены преследованиями, были вынуждены на время покинуть Москву. Весной все прекратилось с отъездом семьи Р. на дачу.

Незадолго до переезда с дачи Р. был вызван в ГПУ на допрос. Позднее отцу сообщили, что мальчик признался, что битье стекол, телефонные звонки и записки — все это производилось им, правда, не целиком, так как происходили эти явления иногда и в его отсутствие из дома.

Помещенный в клинику признался во всем, но не мог объяснить, зачем он это все проделывал: «Сам не понимаю». В клинике держался замкнуто, но к больным приставал, дразнил их, провоцировал.

Дело о Р. было передано в Комонес. Так как была уверенность, что он это один не мог проделывать и в связи с упорной борьбой отца с рабочими, родители были привлечены к ответственности за соучастие.

Отец — 53 л., педант, сутяга, упрямый, настойчивый. Мать — 45 л., страдает истерией, навязчивыми состояниями. Среди родных отмечают душевные болезни и психопатические личности.

Дело слушалось показательным процессом. Первоначально родители были осуждены на длительные сроки. Впоследствии дело было прекращено.

Мальчик с тех пор ничем не занимается.

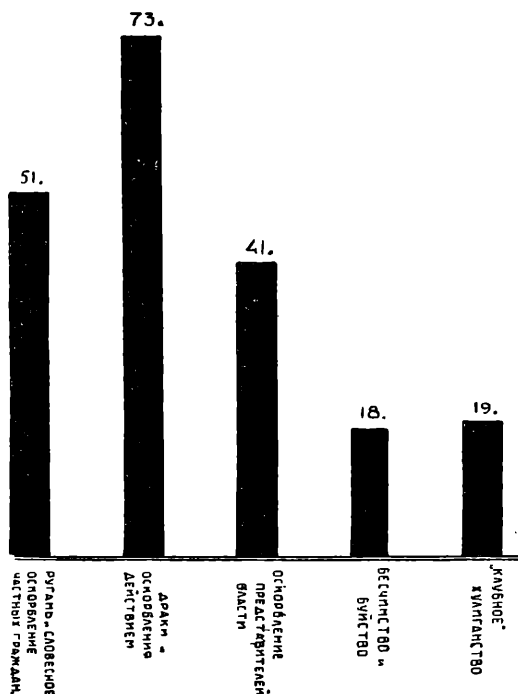
Несомненно психопатическая личность, отягощенная наследственностью с чертами лгуна и мошенника. Психопатические черты характера возможно связаны с периодом созревания.

Характер современного хулиганства выявляется при распределении всех изученных случаев по типам деяний.

Основная масса обследованных нами делится на следующие пять примерных групп:

Характер деяния.	Общее число случаев	%
Ругань, оскорбление словом частных граждан .	51	25
Драка, избиение, оскорбление действием	73	36,5
Оскорбление (словесно и действием) представителей власти (комбин. со ст.ст. 86 и 88) . .	41	20
Бесчинство (битье стекол, поломка имущества и т. п.)	18	9
„Клубные“ хулиганы (хулиганство, направленное против просветительных учреждений — срыв спектаклей, разгром изб-читален и т. п.)	19	9,5

Диагр. XI. Характер хулиганских деяний.

Первая группа в значительной части является делами частного обвинения. Эти дела во многом возникают вслед-

ствие остроты жилищного вопроса, переуплотненности и ошибочно квалифицируется по ст. 176. Среди деяний первой группы появляется признак ст. 176, когда это имеет место на улице, в общественном месте. Вот пара примеров:

С л у ч а й III. М., 33 л., слесарь. Соседка оскорбила его жену, он пришел вечером домой выпивши, вступил в ссору с соседкой. Хронический алкоголизм с 14 лет. Частые приступы тоски. Раздражительный, вспыльчивый. Жалуется сам на тяжелый характер.

С л у ч а й IV. П., 32 л., кондитер по профессии, последнее время поденная работа. Избил соседа по квартире, с которым постоянно ссорился. Угрюмый, раздражительный, педантичный, чистоплотный. С 22 лет эпилептические припадки.

В третьей группе мы имеем почти всегда комбинацию со ст. 86 и 88. Как они присоединяются? Давно уже известно, что агрессивность пьяного всегда направляется против лица, пытающегося его успокоить, урезонить. Благодаря этому так страдают обычно жены пьяниц. Если при этом данное лицо не обладает достаточным терпением и не подходит к пьяному, как все-таки и прежде всего к больному, то агрессивность пьяного увеличивается прямо пропорционально грубости лица, подходящего к пьяному. Благодаря этому в отдельных случаях, когда милиционеры проявляют резкость, происходят острые столкновения, когда деяние становится особо агрессивным и тяжелым.

Особый интерес представляет несомненно последняя группа, так как хулиганство, направленное против культурных учреждений, представляет наибольшую угрозу. Здесь за исключением нескольких случаев большинство хулиганских поступков протекает примерно по такой схеме: подвыпившие ребята отправляются заканчивать вечер после попойки в клуб. В случае, если там какой-нибудь платный вечер, то их не пускают и скандал происходит у входа и заканчивается в отделении милиции. Если вход был свободный, то очень скоро они начинают приставать к посетителям, задевать членов клуба, происходит свалка и тот же финал. При этом нередко (для деревни чаще) приходится встречать активную вражду к комсомольцам, которые по большей части ведут культурную работу в клубах и избах-читальнях. Подобно тому, как это недавно имело место в большем масштабе в Ново-Сибирске, где эта борьба привела к нападению хулиганов на демонстрацию молодежи, так и здесь в отдельных случаях обследуемые заявляли, что комсомольцы третиrowали их, не пускали в клуб и т. д.

Конечно, если покопаться глубже, то здесь налицо становящаяся активной своего рода идейная борьба за влияние на молодежь, на что не раз уже указывалось. Но не без греха здесь и со стороны комсомольской организации, которая вместо воспитательной работы, вместо вовлечения хулиганящих ребят в русло культработы, нередко их отталкивают,

проявляя высокомерное отношение как к «шпане». Об этом уже много писали в общей печати, в частности, тт. Ярославский, Крупская и другие.

Здесь уместно привести один случай, правда не «клубного» хулиганства, но близкий к указанным только что по социальному и политическому значению:

Случай V. С., 32 л., приказчик в сельской лавке, сначала служил в кооперативе, последнее время перешел к частному торговцу. На войне был добровольцем, служил письмоводителем. После демобилизации оборудовал с товарищами самогонный «завод». Дело поставил «на широкую ногу», хорошо зарабатывал. Несколько судимостей по ст. 140.

Пьет ежедневно, иногда по несколько бутылок. Веселый, настойчивый, уверенный, хитрый, энергичный, практик, изворотливый.

В праздник с компанией товарищей вступил в драку с враждебной группой и избил гр. Я., заведующего местным кооперативом.

VI.

Женское хулиганство необходимо выделить совершенно отдельно в виду его резких отличий от мужского хулиганства. Мы не будем останавливаться на нем детально, так как этому вопросу посвящена отдельная статья, отметим лишь несколько основных наиболее характерных штрихов.

Прежде всего бросается в глаза ничтожный, сравнительно, процент женщин, привлеченных за хулиганство и отсутствие среди женщин хулиганства в узком смысле слова, как это мы встречаем у мужчин. Так, по данным Московского губсуда, процент женщин по отношению к общему числу привлеченных по ст. 176, составляет по полугодиям:

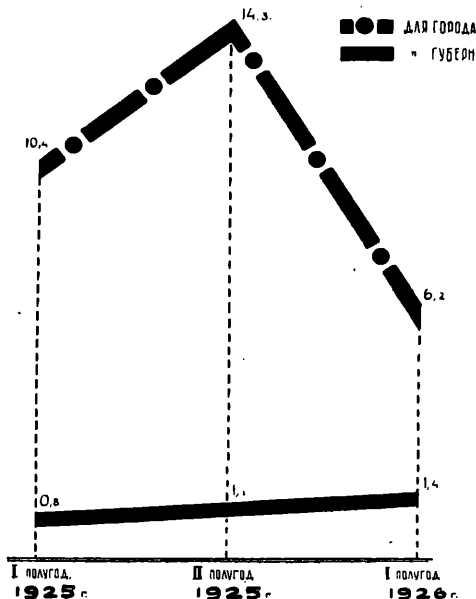
	1 полугодие 1925 г.	2-е полугодие 1925 г.	1-е полугодие 1926 г.
Для города ,	10,4	14,3	6,2
Для губернии.	0,8	1,1	1,4

В абсолютных цифрах женское хулиганство выразилось так:

Всего осуждено женщин за хулиганство

	1-е полугодие 1925 г.	2-е полугодие 1925 г.	1-е полугодие 1926 г.
По Москве.	27	116	95
По губернии.	2	7	23

Диагр. XII. Женское хулиганство.

Сравнение между городом и деревней в высшей степени характерно. В то время, как в городе на долю женщин временами падало до $\frac{1}{7}$, в деревне выше $1\frac{1}{2}\%$ участие женщин в хулиганских деяниях не поднималось.

Это объясняется двумя причинами. Во-первых, различен характер городского и деревенского хулиганства; затем, в то время, как в городе мы имеем участие женщины в общественной жизни, в деревне до сих пор сохранились в значительной степени старые бытовые отношения, вследствие которых участие женщины в общественной жизни по-прежнему остается по большей части ограниченным. Мы все знаем, с каким трудом крестьянка завоевывает свое право на место в сельсовете, среди делегатов и т. д. Это обстоятельство в данном случае дало неожиданно благоприятные результаты. Здесь можно сказать подобно старому афоризму «цивилизация несет сифилизацию», что город с его культурой, с его большей свободой для женщины дал и больший процент участия женщин в хулиганских деяниях.

К сожалению, мы не располагаем материалом индивидуального обследования женского деревенского хулиганства, но один случай, который нам удалось встретить, настолько ярок, что мы его приведем, не делая, конечно, из него никаких обобщающих выводов, хотя известный свет на характер деревенского хулиганства он проливает.

Речь идет о женщине 43 лет, которая в состоянии острого алкогольного опьянения учинила дебош перед зданием милиции в селе Царицыне, нецензурно ругалась и была цинична.

Вот краткие данные о ней:

С л у ч а й VI. К., 43 лет, «незаконнорожденная» дочь одной швеи от ее связи с купцом, который вскоре ее бросил на произвол судьбы. 12 лет была отдана в швейную мастерскую. С 15 лет начала «гулять» с гимназистами. Вскоре познакомилась с одной сводней и стала ее посещать, принимая там мужчин. Была задержана во время одной полицейской облавы, получила «желтый» билет. Вскоре по совету подруг поселилась в доме терпимости, где и прожила четыре года вплоть до их закрытия, переходя из одного в другой. Заразилась там гонорреей и сифилисом, от которых лечилась в Мясницкой больнице. Тогда же начала пить и с тех пор пьет ежедневно; когда деньги есть, может выпить до 1½ бутылок 40°. Жизнь в публичном доме была довольнона и сейчас вспоминает с охотой — «одевали шикарно, кормили хорошо, жилось без всяких забот». С закрытием домов перешла жить на Хитров рынок, несмотря на то, что скопила некоторую сумму денег. Влекла ее туда разудалая жизнь. В домах, где она жила «были пианино и скрипка, не нравилось, на Хитровом — гармония, это веселее». В дальнейшем пошла тяжелая трудовая жизнь поденщицы — стирка белья, летом батрачество в деревне. В пьяном виде частые скандалы, но за хулиганство привлечена впервые. Имеет три судимости за кражи (из них одна дореволюционная).

Этот случай, помимо своего индивидуального интереса, показывает нам до известной степени характер женского хулиганства в деревне.

В городе иная картина. Здесь мы имеем среди обследованных три основных группы.

Первая — это проститутки, которые в силу своей асоциальности и профессионального алкоголизма, естественно, склонны к хулиганским поступкам — бесчинству, озорству, скандалам, и которые всегда давали большой процент нарушений общественной тишины и порядка. Среди наших обследованных их оказалось 14 человек. Среди них группа в 11 человек была задержана при облаве на Каланчевской площади. В отделении милиции они учинили скандал, разбили стекла. Среди них несколько девочек 12—14 лет, вступивших на путь проституции под влиянием своей беспризорности.

Заслуживают упоминания три случая.

С л у ч а е VII. В первом — девушка 18 лет с замкнутым характером, сделала своей специальностью поездки с мужчинами в такси. Питая отвращение к половым сношениям, она, получив с них деньги, при попытке их к сношению, начинала кричать, заставляя тем оставить ее в покое. При задержании в последний раз обвиняла спутника в попытке изнасиловать ее.

Другой с л у ч а й (VIII) сходный — девочка 14 лет, еврейка, уроженка Украины, беспризорная, инфантильная для своих лет, по характеру лживая, скрытная, распущенная. Жила на улице в компании таких же беспризорных девочек, в течение нескольких лет. У Страстного заманивала мужчин, при активности с их стороны поднимала крик и убежала. Раньше сидела два раза за кражу и два раза за хулиганство.

Случай IX. П.—В. 32 л., дочь рабочего-тескстильщика, вдова имеет 2 детей (14 л. и 8 л.). Все время (с замужества в 1912 г.), особенно последние годы, в тяжелом положении. Судимости: 1-я еще в 1915 г., с 1918 г. 6 суд. — все по ст. 180. Последние 3 года занимается проституцией. Мужчин избегает, обычно старается получить деньги и обмануть, скандалом избавиться от притязаний. Живет в Ермаковке. Последние 3 года запойный алкоголизм, пьет по 2—3 недели без перерыва. Реакция на алкоголь — острое возбуждение, раздевается догола, протрезвившись ничего не помнит. С 1919 г. кокаин с галлюцинозом, бредом преследования. С 1915 г. плохо леченый сифилис, с 1919 г. гоноррея. По характеру еще в раннем детстве капризная, резкая, непослушная, склонная к драке, шалостям. В настоящее время неуживчивая, сварливая, горячая, мстительная. Частые расстройства настроения. Враждебно настроена к обществу. Несколько раз длительно на Канатчиковой даче. Неоднократно жертва тяжелых самоубийств. Интеллектуально достаточно полноценна.

Вторая группа — это торговки, оказывавшие сопротивление милиции при задержании их за беспатентную торговлю. Эта группа, собственно говоря, ошибочно идет по ст. 176, так как обычно налицо бывает оскорбление милиции и речь должна идти о применении ст. ст. 86 или 88. Однако, до сих пор такие случаи приходится встречать.

В этой группе заслуживает быть приведенным один яркий психиатрический случай (X):

П. 34 лет, полька, одинокая, в России со времени войны, последние 4 года в Москве торгует на Ананьевском рынке яблоками. Ведет в течение всего времени непрерывную войну с милиционерами. Постоянно жалуется на них, подавала жалобы даже М. И. Калинин. Несколько раз привлекалась за хулиганство. После одного из арестов с конфискацией у нее товара облила ненавистного милиционера серной кислотой, лишив его глаза. Говорит о себе «таких хулиганок фабрикует сцепление обстоятельств». «Они меня преследовали, я вела с ними войну; они мне не давали житья; есть же правда на земле, я ее искала; выйду из тюрьмы — найду ее». Тип фанатика-сутяги.

Третья группа — это домашние хозяйки, главным образом жены рабочих, попавших в заключение в результате квартирно-кухонных «дрязг, связанных с нашим переуплотнением, когда из-за камфорки или кастрюли становятся врагами не на жизнь, а на смерть, и готовы другого со свету сжить. Все эти дела теперь уже признаны по циркуляру губсуда делами частного обвинения. Исключение составляет лишь один случай, представляющий некоторый социальный интерес:

Случай XI. К. 47 л., жена ломового извозчика, бывш. домовладелица на окраине, ныне арендатор этого дома. Дважды судилась за хулиганство и скандалы с жильцами. Последняя судимость: в виду отказа от ремонта, жильцы добились через нарсад закрытия испорченной уборной. Когда явился судебный исполнитель, накинута на него с бранью, не давала заколотить уборную. Явно видна враждебность к существующему порядку. Хулиганство носит классовый характер.

Особо нужно упомянуть о двух случаях, связанных с душевной болезнью.

Случай XII. С. 40 л. вдова, безработная. В 1919 г. после сыпного тифа возбужденное состояние с бредом и слуховыми галлюцинациями. Последний год тоскливое состояние. В связи со смертью мужа мысли о самоубийстве — бросалась в реку. Травилась нашатырным спиртом еще в 1915 г. после смерти первого мужа. Последнее время настроение особенно тяжелое в связи с отсутствием средств и квартиры. В день совершения преступления сидела на Ваганьковском кладбище, появилась мысль разбить зеркальное окно в большом магазине, не могла избавиться от этой мысли. Под ее влиянием пошла в город и там на Тверской камнем разбила окно в булочной б. Филиппова.

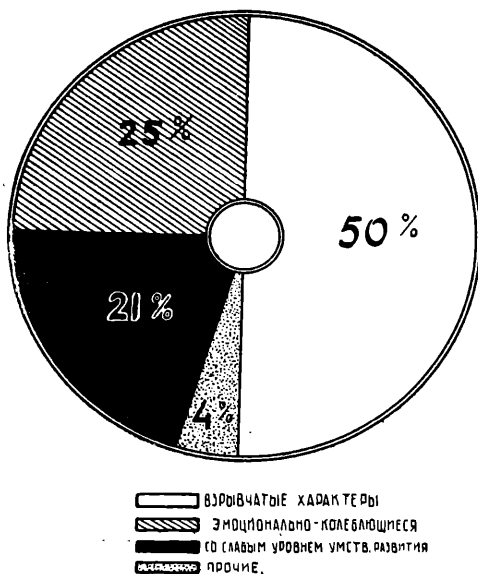
Случай XII. Н. 33 лет, профессиональная нищая, часто встречающаяся на центральных улицах, живет в ночлежном доме. Кокаин в течение 5 лет. Дважды лежала в Преображенской больнице с бредом и тяжелым галлюцинозом. Скандалит по пустякам. Злобный характер. Изредка припадки невыясненного типа. Будучи задержана милиционером в состоянии опьянения, она после ночевки в отделении не желала на утро уходить из милиции, улеглась у входа, кричала, ругалась.

VII.

Нам остается, чтобы закончить с материалами нашего обследования, остановиться на психиатрической характеристике обследованных.

Подходя к этой задаче, мы считаем наиболее правильным идти путем характерологической группировки.

Диagr. XIII. Характерологическая группировка обследованных.

Мы разбили весь материал на следующие группы характеров: 1) «взрывчатые»; 2) эмоционально-колеблющиеся и со слабой волей; 3) со слабым уровнем умственного раз-

вития. Конечно, классификация смешанная, ибо группы взяты не в одной плоскости, но с чисто рабочими целями она помогает уяснению выводов.

Основная группа «взрывчатых» составляет 50% всего числа. Это вспыльчивые характеры—люди повышенной раздражительности, возбудимые, легко выходящие из себя и также быстро остывающие.

В этой группе мы встречаем и явно больных—импульсивных (6 чел.) и эпилептоидных психопатов (11 чел.), чистых эпилептиков (2 чел.), травматиков (9 чел.). Большое число подходят под намеренных К. Шнейдером¹⁾ эксплозивных.

Вот несколько ярких иллюстраций из этой группы:

С л у ч а й XIV. С., 23 лет, токарь по металлу, с незнакомым средним образованием, судился за мошенничество.

Часто меняет места, не может долго жить на одном месте. Много кочевал. Имеет двух детей от девушек—сестер, с которыми по очереди жил. Не считает себя связанным с ними, обязанным им помогать. Раздражительный, с колебаниями настроения, с приступами тоскливой злобности. Последние 4 года проживает все, что зарабатывает (свыше 100 руб.). Умственный кругозор выше среднего. Асимметрия лица, приросшие мочки, высокое небо.—Психопат типа импульсивных. Настоящее правонарушение—в призывной комиссии поругался, скандалил, был пьян.

С л у ч а й XV. К., 26 лет, крестьянин, Бронницк. у., отец текстильщик, сидел в тюрьме несколько раз за кражи.

С 9 лет служил в трактире, последнее время железнодорожный рабочий. Судился за ограбление, был осужден на 8 лет, 2 судимости по ст. 176.

Настоящее дело—в состоянии резкого опьянения ворвался в чужую квартиру в отсутствии хозяина, сорвал двери с петель, улегся спать со знакомой, на глазах хозяев имел с ней сношение. Пьет с 12 лет «редкий день, когда не пьян». «Трезвый хуже зверя». В пьяном состоянии ничего не помнит, драчлив, шумлив.

По характеру раздражительный, вспыльчивый, колебания настроения с преобладанием тоскливой злобности. В 1925 г. травма головы (ударился о рельсы, был без сознания).—Эпилептоидный психопат.

С л у ч а й XVI. Б., 20 л. Крестьянин, Москов. губ., явившись на свадьбу выпивши, начал драться, ударил хозяина, перебил всю посуду, разогнал всех со свадьбы. Ничего не помнит, что с ним было и что он сделал. Всегда драчлив и в трезвом состоянии, набрасывается на родных, бил даже отца. Пьет с 12 лет. Частые приступы тоскливой злобности. Любит мучить животных. «Во хмелю» резко возбужден, агрессивен, раздражителен. Склонен к бродяжничеству. Память ослаблена. Психопатическая личность типа эпилептоидных психопатов.

С л у ч а й XVII. Ф., 25 л., чернорабочий, 3 судимости, по ст. 180. Запойный алкоголизм, с 14 лет бредовые состояния, выбрасывался в окно. Был на Канатчиковой даче 3 мес. и в институте им. Сербского 1 мес. Склонность к бродяжничеству. Приступы тоскливой злобности. Обморочные состояния типа *petit mal*. Настоящее правонарушение—пьяный пришел в милицию, скандалил, разбил стекла. В суде стал наносить себе побои, обругал судью, разбил стекло. Эпилепсия.

Ко второй, также сборной, группе мы относили людей с теми или иными степенями колебаний настроения, чувстви-

¹⁾ К. Schneider. Psychopathischen Persönlichkeiten. Berlin 1924.

тельных, легко расстраивающихся, неустойчивых, легко поддающихся чужому влиянию и, наконец, просто неврастеников, в широком смысле этого слова (всего 25 %).

Вот случай из этой группы:

Случай XVIII. П., 42 лет, еврей, кустарь-фотограф.

По характеру — всегда скорее скучный, угрюмый, часто тоска, робкий, застенчивый, чувствительный, впечатлительный, медлительный, легко расстраивается. В молодости истерический паралич. Было покушение на самоубийство под влиянием перенесенного погрома. Не пьет.

Опоздав на поезд (живет под Москвой), по совету извозчика думал провести ночь в казино, его не пустили за отсутствием рекомендации, поскандалил с милиционером. Получил 5 мес. Подавлен происшедшим.

В третьей группе, где мы не получили резко выраженных конституциональных черт и, где на первый план выступали явления умственной недостаточности — было 30 случаев, что составляет 21 %.

Вне групп у нас остались лишь 2 артериосклеротика и 4 случая хронического алкоголизма с чертами уже психической упадочности.

При такой, может-быть, условной разбивке, мы тем не менее получаем весьма ценные итоги, которые позволяют прийти к немаловажным выводам.

Эта последняя таблица заканчивает облик хулигана и если бы потребовалось воссоздать некоторый абстрактный образ хулигана, какое-то его алгебраическое выражение, то оно представлялось бы примерно в таком виде — это юноша лет 20, без каких-либо культурных интересов, тесно спаянный с улицей, ее бытом, интересами, охотник при случае выпить, который за ответом в карман не лезет и спуска не дает, готов сам спровоцировать приятеля, такого же горячего парня, как и он.

И здесь невольно встает вопрос: в чем же дело, почему среди хулиганов преобладают именно такие характеры.

Е. К. Краснушкин в своей работе «Что такое преступник»¹⁾ показал своеобразный отбор в преступном мире. В то время, как среди воров больше всего умственно отсталых, среди мошенников мы имеем большой процент (до половины) психопатов. Подобно тому, как в жизни, каждый идет по тому пути, который ему легче дается, так и здесь психический склад оказывает большое влияние на его специализацию в преступном мире.

И вполне естественно, что именно группа людей с повышенной аффективностью, склонная всегда к поспешному разряду и комплектует кадры хулиганов. В этом отношении подтверждаются полностью априорные ожидания.

Эти результаты показывают, что при всем преобладании в хулиганстве социальных моментов, все-таки это есть явление биосоциальное, так же как и вся преступность

¹⁾ Е. К. Краснушкин. Сборник «Преступление и преступность».

в целом. И если совершенно абсурдны всякие ломброзианские разговоры о хулигане, как существе «особого анатомического и физиологического порядка»¹⁾, то во всяком случае нужно говорить о хулиганстве, как о комбинации факторов культурно-бытовых и социально-экономических с факторами био-психологическими в их диалетическом взаимодействии.

Нет разумеется хулигана, как такового. Каждый человек особенно молодой, без серьезных культурных запросов может при соответствующих условиях совершить хулиганское деяние, но более склонными к ним оказываются лица, как бы более предрасположенные по своему психическому складу — люди со взрывчатыми характерами.

Наличие большого процента больных характеров заставляет не без тревоги ставить вопрос о психическом здоровье населения вообще.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о психическом здоровье населения вообще и связи его состояния с ростом хулиганства.

В анализе причин современного хулиганства, как явления биосоциального, нельзя пройти мимо влияния народных потрясений на статистику морального и санитарного состояния страны.

В первую рубрику мы включаем как движение преступности, так и общие изменения быта в целом.

Едва ли требует особых доказательств положение о влиянии войны на преступность и психическое здоровье населения. Недаром именно после войны мы получили эту вспышку хулиганства.

Если в отношении военных лет были попытки доказать их влияние на уменьшение преступности, то почти никто не отрицал, что вместе с тем, войны приводят к заметному повышению преступности непосредственно за окончанием войны. Война, тормозя многие высшие психические процессы, оказывает растормаживающее влияние в других отношениях на психику народа, в частности, на низшие инстинкты, вырабатывает дешевое отношение к чужой жизни, к чужому человеку, к имуществу и проч. Недаром известный убийца Комаров-Петров, расстрелянный за зверское убийство 29 человек, ссылаясь, что он привык убивать на войне.

Этот вопрос нас приводит к трактовке хулиганства, как правонарушения дисциплинарного порядка (понимая дис-

¹⁾ См. выше Заславский.

циплину в широком смысле слова, как то, что связывает каждого из нас в его отношениях к окружающим, к обществу). Падение этой коллективной дисциплины, общее огрубение в течение лет войны, потрясения вследствие пережитых событий среди основных факторов, из которых складывается влияние среды на личность юноши—семьи и школы—все это несомненно в известной части содействовало росту хулиганства.

Семья, школа и общество—вот та триада, которая определяет рост хулиганства. Именно их болезнь влечет успешное произрастание «микроба хулиганства».

Мы не имеем возможности статистически выявить влияние семьи на обследованных нами; многим из них и самый вопрос был непонятен. Однако, едва ли мы погрешим против истины, если скажем, что за исключением отдельных редких случаев, теперешние хулиганы вырастали вне семьи, не в том, конечно, буквальном смысле, как растут вне семьи беспризорные, но взаимоотношения их с семьей ограничивались немногим. Обязанности семьи по отношению к ним выражались в физическом их содержании, предоставлении питания и помещения. В дальнейшем, они оказывались представленными самим себе и фактически оставались вне какого-либо воспитательного воздействия. Но дело не ограничилось воспитанием на улице с ее растлевающим влиянием. Быть-может еще хуже было то влияние, которое семья все-таки оказывала самым бытом своим с его ранним спаиванием детей, с бранью и дракой взрослых, отсутствием культурных интересов, неуважением к личности и обществу.

Показательны в этом отношении два следующих случая:

Случай XVIII. А., 17 лет, сын курьера, служит посыльным в магазине, учится на общеобразовательных курсах. Умственно ограниченный, с трудом разбирается в окружающем. Правонарушение совершено под праздник—отец угостил его по случаю масленицы водкой, навеселе шел по улице и задевал прохожих.

Случай XIX. Б., 22 лет, крестьянин Московск. у.

В престольный праздник пошел в клуб, был слегка выпивши, дежурный член ВЛКСМ не пустил его, он обругал его по-матери. Колеса настроения, по характеру горячий. Интеллектуально ограничен, интересы примитивные, ориентирован в окружающих событиях мало. Не понимает за что его посадили—«уж и по матери нельзя выругаться, добро бы в морду дал».

До тех пор, пока мы из нашего быта не изгоним эту унижающую человеческое достоинство ругань, пока молодежь не будет понимать всей гнусности этого, до тех пор будут налицо и психологические предпосылки хулиганства, до тех пор будет трудно бороться с ним.

Мы не останавливаемся совсем на детской беспризорности, которая имеет огромное значение для роста хулиганства. Это большого значения тема. Несомненно только одно

и это вполне очевидно, что теперешняя армия беспризорных—это в лучшем случае армия хулиганов, а в худшем и более тяжких правонарушителей. Вся обстановка жизни беспризорных это есть своего рода «ВУЗ хулиганства». И, несомненно, уничтожить беспризорность, это значит подрубить один из самых значительных корней, из которых вырастает хулиганство. Борьба с беспризорностью—это есть борьба с настоящим, а главное с будущим хулиганством.

Рядом с семьей стоит и школа. В многочисленных за последнее время разговорах об усилении культработы, как средстве борьбы с хулиганством, редко упоминают о школе и ее роли. Происходит это потому, что школа может помочь изжить хулиганство лишь с годами. А сейчас пытаются составить рецепты, исцеляющее действие которых сказалось бы на наших глазах. И вполне справедливо раздаются предостерегающие голоса, что усиление клубной работы тоже не является панацеей, которая даст моментальные результаты. Клуб также может работать только на отдаленное сравнительно будущее. И вот для этого-то будущего роль школы исключительно велика. Когда система народного просвещения охватит все 100% детей и юношества, начиная от дошкольного учреждения через трудовую и профессиональную школу, пионер-отряды и до клубного кружка, тогда, ясно, хулиганство само собой исчезнет.

Задача школы, так как она есть—воспитать среди той части ребят, которых она охватывает, уважение к человеку, развить сознание себя членом коллектива.

Воспитание в духе коллективизма есть вернейшая прививка от хулиганства. Сейчас в деле гигиенического воспитания школа начинает играть все большую роль и мы нередко можем видеть, как ребята I-й ступени становятся у себя в семье проводниками гигиенических навыков, как они останавливают взрослых в курении, бытовом пьянстве. Аналогичное должно быть достигнуто и в отношении хулиганства. Старшие братья, выросшие в иной обстановке и пошедшие в хулиганские ряды, не должны служить примером. Наоборот, их младшие братья подадут им иной пример.

Огромную помощь школе в этой работе окажет пионерское движение, которое с каждым днем мощно развивается. Здесь скорее всего воспитываются те навыки коллективизма, о которых мы говорили и которые так важны для иммунизации от хулиганства.

Нужно упомянуть и о месте клуба. У нас до сих пор усиление культработы понимается только в смысле включения в план работы клуба еще нескольких лекций, от которых нередко мухи мрут, а члены клуба на них не идут. Об этом уже не мало писалось. В частности, тов. Томский в своем вы-

ступлении в начале этого года на культсовещании при ВЦСПС указывал на неумение наших клубов привлекать посетителей, отсутствие в них уюта, скуку, казенщину. При таких условиях бороться с пивной—родоначальницей хулиганства за влияние на молодежь, разумеется, трудно.

Здесь же необходимо отметить и роль общества, как такового.

Потрясения, перенесенные обществом, легкое первоначально отношение к хулиганству, когда оно еще было в зародыше, отсутствие отпора со стороны советской общественности—все это несомненно не мало содействовало росту хулиганства.

Нередко можно слышать оценку хулиганства, как «болезни роста» и реакции на обстановку НЭПа, после гражданской войны. В известной степени эти соображения не лишены основательности. Подробнее на этом останавливается в своей статье А. А. Герцензон. Нередко можно встретить в хулиганстве прямой сколок бандитизма эпохи гражданской войны.

Недаром мы получили рост хулиганской волны не в первый же год по окончании войны, а именно в период нашего роста. Весьма вероятно, что та энергия, которая в годы 1918—20 находила себе выход на полях сражения, ныне, не всегда находя для себя здоровое русло, идет в этот канал хулиганства¹⁾.

¹⁾ Уже накануне выхода нашего сборника в свет появилась статья тов. Крыленко использовавшего предварительные данные нашего обследования. В этой статье тов. Крыленко в вопросе о причинах роста современного хулиганства стоит на той же точке зрения, как высказанная нами. Мы приводим здесь его формулировку, как наиболее четкую, вполне к ней присоединяясь:

«Нет никакого сомнения, что основной, решающей причиной является здесь переломный характер нашей эпохи, когда все старые традиции, авторитеты, привычные воззрения, моральные, этические и политические нормы,—все было сметено вихрем революции. В такую эпоху разрушительная энергия должна была быть воспринята молодым поколением в чрезвычайно сильной степени. С другой стороны, наступивший рост экономического благосостояния страны не мог не вызвать некоторого ослабления тех общественных импульсов, которые в свое время толкали поголовно молодежь и трудящиеся массы на фронты, на революционный героизм, на баррикадные бои, поднимали чисто-альтруистические, пропитанные классовым содержанием элементы их психики. К этому следует добавить неспособность нашу, в силу недостаточных материальных средств, обеспечить всей массе населения необходимый культурный досуг и удовлетворить культурные потребности,—все это создало для молодежи необходимость искать выхода своей молодой энергии в иной не здоровой, антиобщественной, форме. Нельзя, конечно, забывать, что плохую роль здесь сыграли и отрицательные стороны нэпа, которые в особенности резко выявляют себя в городах, где классовые противоположности более заострены, и где поэтому деклассированные элементы населения, с одной стороны, и не находящая выхода своей энергии здоровая часть молодежи,—с другой, идут по линии наименьшего сопротивления, на хулиганские выходы».

Вот почему можно говорить о спорте, как противоядии против хулиганства. Однако, надо прямо сказать, что точно так же как и со всей культработой в целом, так и со спортом у нас дело обстоит неблагоприятно. Зачастую спорт становится толчком к проявлению хулиганства. На нездоровую обстановку в наших спорткружках уже обращалось внимание. Недавний процесс футболиста, избившего судью и ряд других инцидентов достаточно показателен.

Вопрос следует поставить так: да, спорт—могучее средство в борьбе с хулиганством, но из него надо прежде всего вытравить хулиганский душок, который там иногда встречается.

Здесь же нужно упомянуть о репрессивной политике в борьбе с хулиганством. Не останавливаясь на этом в деталях, так как это выходит за пределы нашей задачи, мы исходя из живого материала нашего обследования, должны отметить два момента, пугающих в упорядочении.

Благодаря свободе выбора сроков, которая теперь с увеличением наказания до двух лет увеличивается еще больше, нередко можно было встречать, что один отделивался месяцем, а нередко и штрафом. Другой же получал три месяца и высылку, несмотря на первую судимость; (правда, обычно губсуд высылку в таких случаях снимал). Но нужно сказать, что высылка в той форме, как она применялась, являлась безусловно нецелесообразной. Получался обмен губерний хулиганами. Давало ли это какие-нибудь результаты, мы сильно сомневаемся. Но одно несомненно, что это огрызало осужденных от производительного труда, бросало их в безработицу, толкало в преступный мир. Уж если говорить о необходимости применения ст. 49, то здесь целесообразна только последняя постановка вопроса—о высылке в отдаленные местности.

Нас интересовал особенно вопрос о влиянии заключения на осужденных за хулиганство. Мы пытались провести обследование на дому отбывших срок наказания. Однако, технические трудности лишили нас возможности осуществить это.

Второй стороной вопроса является состояние психического здоровья населения в связи с войнами и революцией. Опять-таки и здесь показано, что если война и не создает новых форм заболеваний, то она содействует количественному росту душевных заболеваний. Точно так же и революционные эпохи заметно отражаются на психическом здоровье народа. В. П. Осипов замечает: «Революционная эпоха содержит достаточно средств, чтобы вызвать в человеке расположение к душевной болезни и самое заболевание... в течение целого ряда лет население страны живет волнующими событиями и потрясениями, терпит материальные

лишения и голод, переживает гражданские войны»... Такие крупные потрясения в жизни государства, как война и революция несомненно накладывают свой отпечаток, как на психику отдельного человека, так и на психический облик целого народа. Известно, например, что такое редкое заболевание, как паранойя, за время революции дало довольно значительное количество случаев (Труды псих. клин. I МГУ—1925 г.). Несомненно, что все эти потрясения выводят из строя более слабых и менее устойчивых; на других оказывают влияние, которое замечается много времени спустя, вырабатывая взрывчатые характеры, на почве которых особенно резко создаются хулиганские реакции. Наряду с этим надо отметить и тяжелый послевоенный крест, которым расплачиваются народы за безумие войны—это армия инвалидов-травматиков. Они переполняют наши страхкассы, контрольные комиссии, лечзаведения, требуя лечения, особых льгот, скандала по каждому поводу, устраивая дебоши, избивая врачей и настаивая на своей невменяемости. Это уж хулиганы в силу своей болезни.

Среди психогигиенических и психопрофилактических мероприятий, которые диктуются всем сказанным, и которые в борьбе с хулиганством должны стоять наряду с социально-культурными мерами, совершенно ясно значение борьбы с алкоголизмом. Однако, нужно сказать, что ограничиваться здесь общепропагандистскими мерами—это слишком мало. Здесь нужны конкретно-организационные мероприятия. Необходимо создать такие условия, при которых пьяный не мог бы хулиганить. Присоединяясь вполне к положению Сегалова, которое мы приводили выше, мы полагаем необходимым провести в жизнь ряд практических шагов. В Москве давно уже дебатировалась мысль о создании своего рода «вытрезвителей». Однако, основным является вопрос о том, что они собой будут представлять. Несомненно, организация их при милиции приведет их в короткий срок к аналогичным учреждениям старых участков. Безусловно это должны быть учреждения медицинские, находящиеся в ведении врачей, тесно связанные с наркологической организацией.

Роль психиатра здесь будет достаточно велика.

В борьбе с хулиганством, точно так же как и в борьбе со всей преступностью в целом, психиатр—союзник административных и судебных работников.

О злостных хулиганах.

«...Нельзя одинаково карать и злостного хулигана—вожака и случайно нахулиганившего»... так заканчивается инструктивное письмо по делам о хулиганстве Московского Губсуда. «Злостное хулиганство требует повторного привлечения или же сознательного и упорного прекращения озорства», говорит то же письмо, и далее... «Мера социальной защиты должна быть жесткой, особенно в отношении тех, кто является в данной местности руководителем хулиганствующих и оказывает разлагающее влияние на окружающих».

Судебная практика среди различных видов хулиганства позволила выделить тип особо злостного хулиганства: «...Это хулиганство обдуманное, рассчитанное, совершаемое целой шайкой обычно молодых хулиганов или труппой, где есть свои главари... Они по своим настроениям чужды, а подчас и враждебны всему новому. Под их удар в первую голову ставятся... очаги культуры в рабочих и крестьянских районах»... (из доклада Загорье).

Эти ссылки достаточно свидетельствуют о том, что эпитет злостности получил право гражданства применительно к упорным, повторяющимся и наиболее социально-опасным хулиганским действиям, точно так же как и к их исполнителям. Изучение особенностей личности последних и составляет задачу настоящего исследования.

Уже в процессе массового обследования бытового хулиганства, на общем довольно однородном фоне, пропитанном социально-бытовыми моментами — некультурности, невовлеченности отсталой части рабоче-крестьянской молодежи в общественно-политическую жизнь и культурно-просветительную работу, бытового пьянства и т. д. — то здесь, то там бросались в глаза черты повышенной возбудимости, взрывчатости, агрессивности правонарушителей, как немаловажные моменты в детерминированности их хулиганских проступков; вполне естественно, что для более полного выявления особенностей характера, которые могут про-

явиться в форме хулиганского поведения, мы постарались исследовать тех из хулиганов, которые по суду квалифицировались, как зlostные. Наш материал вынужденно небольшой—19 случаев собирался без всякой предвзятости, исключительно по внешним, юридическим признакам: главным образом—оценка хулиганства, как зlostного, судом в связи с присоединением к ст. 176 УК, статей 157, 86, 88 УК, что является нередким явлением в судебных делах о зlostном хулиганстве.

Собранный материал мы разбили на 2 группы: в первую группу вошли случаи правонарушений, где не ставился вопрос о шайке, организованности и т. д. Тем не менее все 6 случаев этой группы могут быть отнесены к зlostному хулиганству в виду упорства, повторности, аналогичных правонарушений по квалификации их, как зlostных, судом или же в виду социальной опасности содеянного; последний признак, столь существенный для суда с точки зрения общего предупреждения, не всегда совпадает с социальной опасностью совершителя преступления и как раз наш 6 случай характерен в смысле такого несовпадения.

Остальные 5 случаев могут быть отнесены к буйству и бесчинству в состоянии опьянения—к пьяному хулиганству.

Мы расположили их по внутренним признакам, в порядке растущей выраженности аномальных особенностей самих правонарушителей.

С л у ч а й I.

Кур., 20 лет, московский житель, чернорабочий, холост, беспартийный.

Отец Кур. бросил семью, когда сыну было 10 лет; был пекарем. По характеру очень неровный: «то злой, то хороший»; сильно пил, «сидел на материнской шее»:— все пропивал; в состоянии опьянения буйствовал постоянно.

Мать—чернорабочая на жел. дор.; добрая, тихая, терпеливая; не пьет. Старший брат—чертежник; «весь в отца»—нервный, раздражительный; непьющий; очень религиозный. Младший брат—«озорной»: «гоняет голубей»; ворует; в 14-летнем возрасте на год убежал из дому.

Неблагоприятные семейно-бытовые условия: постоянная нужда из-за пьянства отца; отношение к детям грубое—били отец и старший брат.

Сам Кур.—с детства был вспыльчивым, грубоватым, сумрачным. Кончил 4-классное начальное городское училище—учился с трудом, плохо по всем предметам. С 13 лет чернорабочий. Пьет с детства, быстро пьянеет, скандалит не всегда.

Первая судимость — в 1923 г. за хулиганство: был трезвым; возвращался с товарищем с работы и громко бранился, обругал встретившуюся по дороге незнакомую девицу; был осужден год условно.

Вторая судимость — в 1924 г. за кражу кирпичей в связи с нуждой; был уволен со службы и приговорен к месяцу принудительных работ. В последние полгода снова работал. Последняя судимость по ст. 176 УК: в воскресенье сильно напился с двумя товарищами — 3 бутылки «горькой»; в начале разошлись по домам, затем с одним из товарищей снова сошлись в клубе, товарищ «затеял борьбу с незнакомым гражданином». Их стали задерживать; Кур. «валялся и сопротивлялся», арестовали его на утро дома. Был приговорен, с зачетом предшествующего условного осуждения, на 1 год и 3 мес. (Данные взяты со слов осужденного.)

По телосложению Кур. ближе к астеническому типу (худощавый, узкогрудый). Умственно неполноценен, — память недостаточно развита; мышление тугое, обстоятельное; повышено-аффективно возбудим, вспыльчив; общий тон настроения угнетенно-озлобленный.

С л у ч а й П.

Б., 20 лет, крестьянин дер. Ж., Москов. уезда, холост, беспартийный.

Алкоголизм по отцовской линии; отец отбывал двухмесячное тюремное заключение за нанесение побоев; дядя по отцу — «умер от вина».

Пьяный семейный быт — побои и скандалы отца в состоянии опьянения.

У самого Б. — ночное недержание мочи до 10 лет; в детстве — драчун, мучил животных. Учился четыре года — по два года в каждом классе. Учился с трудом, плохо, больше «стремился» что-нибудь делать — к ремеслу». Пьет с 10 лет; «в первый раз поднес отец». В состоянии опьянения очень агрессивен, жесток. По свидетельским показаниям «хорошо известный всей деревне злостный хулиган, способный устроить по ничтожному поводу большой скандал». За пьянство исключен из комсомола через 9 месяцев после вступления.

Настоящая судимость — первая; присужден по 1-й ч. 157 ст. УК и 2-й ч. 176 ст. УК, к одному году лишения свободы. Преступление заключалось в следующем: в один из праздников Б., будучи нетрезвым, побил односельчанина; потерпевший потребовал «за обиду» 20 рублей, пригрозив в случае отказа жаловаться на него; Б. обещал уплатить. Через некоторое время потерпевший справлял свою свадьбу.

Б. с двумя приятелями явились на свадьбу сильно выпившими—втроем выпили 5 бутылок водки; от «угощения» Б. отказался и спросив хозяина — не хочет ли он получить с него долг?—тут же ударил его по переносице. Та же судьба постигла и хозяйку. Затем были пущены в ход скамьи, табуретки, посуда; в побоище, по призыву Б., приняли участие его приятели. Причиненный убыток определен в 330 р.

В действиях Б. приговор усматривает не только хулиганство, но и «зачатки бандитизма».

Б. по телосложению нескладный, негармоничный (диспластик). Умственно — недостаточен, плохая память, примитивность суждений, скудость житейских и отсутствие школьных сведений. По темпераменту — угрюмый, малообщительный, самоуверенный, медлительный; склонный к насильственным действиям, особенно в состоянии опьянения; злопамятный. Часто наступают сдвиги настроения, с преимущественной окраской злобной тоскливости.

С л у ч а й III.

Кар., 29 лет, рабочий в уездн. гор. Моск. губ. разведен, беспартийный.

Отец — железнодорожный рабочий, умер 48 лет; в трезвом состоянии — смирный, угрюмый; в состоянии опьянения — «все и всех перебивал»; привычный пьяница. За пьяное буйство до революции сидел в полиции — избил полицейского и разорвал на нем форму.

Мать — добрая, веселая, обходительная; умерла «от удара» 58 лет; тетка по матери сильно пила; умерла от рака.

В семейном быту частая пьяная кулачная расправа отца с членами семьи.

У Кар. с детства оказался тяжелый характер: в ссорах никому не уступал, даже родителям; был склонен к противодействию во что бы то ни стало; никому не подчинялся. Кулачные бои были излюбленным развлечением. Кончил сельскую школу, учение давалось легко. В детстве получил 2 удара по голове; 2-й раз — с потерей сознания. С 14 лет вплоть до мобилизации работал на фабрике — шлифовальщиком, полировщиком, механиком. На военной службе пробыл около 5 лет; был в боях в Красной армии; подвергался дисциплинарным взысканиям ибо, по его словам, он «не терпел несправедливости»; в 1916 году был контужен; в 1919 г. болел сифилисом. Пить начал с 20 лет, окончательно «втянулся» с 1923 г.: перед этим почувствовал себя особенно одиноким, был озлоблен на окружающих; испробовал денатурат, ханжу, политуру — сначала опьянение наступало не

скоро, в последнее время пьянел от одной рюмки. На почве пьянства разошелся с женой и запил еще горше. Состояние опьянения неизменно сопровождается буйством имел много приводов из-за пьяных скандалов в Москве; в своем городе «раз 15»; из-за пьянства же был уволен с завода. Настоящее тюремное заключение 2-е; в 1918 году просидел 3 месяца по подозрению в ограблении. Последнее преступление заключалось в том, что он в компании собутыльников, уже штрафованных за пьяные скандалы, учинил буйство в чайной — участвовал в 3 драках. Осужден по ст. 2-й ч. 176 и 157 УК на 1 год. Будучи переведен из исправдома в колонию учинил и там скандал и был водворен обратно.

Кар. мускульного телосложения; отмечается потливость кожи, расширение периферических сосудов лица. Умственно достаточен. По темпераменту — мрачный, взрывчатый, злобный, склонный к агрессивности; в состоянии опьянения — «лезет в драку при малейшей несправедливости», легко доходит «до беспамятства».

С л у ч а й IV.

Пан., 30 лет, рабочий слесарь уездного гор. Моск. губ., разведен, беспартийный.

Отец «умер от вина» 50 лет; сын помнит его большей частью пьяным; в состоянии опьянения всегда буйствовал: «матери и бабушке не один раз кровь спускал»; «волосы выдирает, а дети—беги куда попало!» Трезвый большей частью угрюмый, склонный к уединению, вспыльчивый; по телосложению — высокий, плотный, сильный.

Дед по отцу умер 96 лет; пил мало, не скандалил; «вспыльчивый только на словах». Бабка по отцу — вспыльчивая, раздражительная, била детей, страдала какими-то припадками.

Мать—мягкая, добрая; была «припадочной», во время припадков «мочилась под себя». Старший брат и сестра умерли в юности. Младший брат 24 лет, рабочий, сильно пьет, пьяный дерется до крови—«еще хуже меня», говорит Пан.; трезвый—«как теленок»; в детстве страдал припадками. Младшая, замужняя сестра 26 лет после неприятностей — «бьется головой и кричит».

Несмотря на то, что кроме отца и мать работала на фабрике, как ткачиха, в семье царила нужда. 11 лет Пан. отдали в обучение в музыкантскую команду, расположенную поблизости полка; грамоте там не учили, но к 13 годам приучили пить и курить; через 3 года у Пан. испортились зубы и его взяли из команды; определили на ткацкую фаб-

рику, где он пробыл вплоть до мобилизации в старую армию. Оттуда он вскоре бежал и значился в бегах до 1917 года. В Красной армии был оглушен — товарищи «пошутили» над ним выстрелили над ухом, когда он лежал пьяный. Обвиняли его в дезертирстве и из Красной армии. В 1922 году работал у частных лиц в качестве подручного слесаря; с 1923 года состоит на бирже труда, живет на средства брата и сестры.

С детства Пан. был физически сильным; по характеру — веселый, «любил песни орать»; раздражительный, часто бранился из-за пустяков. Из учения ничего не выходило, «больше 2 классов не осилил». До 17 лет страдал ночным недержанием мочи, в полку за это над ним издевались, собирались «отучить ремнем». С 13 лет начал пить понемногу, а в 16 лет отец напавал его до беспамяतства, вместе с ним скандалили пьяными. В 18 лет перенес сифилис. В 1918 г. был ранен шрапнельным осколком в левую голень; в 1923 г. получил ушиб в затылочную область. Особенно сильно запил с 1922 года после развода с женой, с которой прожил 3 года и имел сына; развод произошел в связи с его падением — пьянством и тюрьмой; пил непрерывно; доходил до 5 бутылок в день; в состоянии опьянения при малейшем ущемлении, возбуждается, кричит, дерется всем, что под руку попадет, впоследствии ничего вспомнить не может — «очнешься в милиции, дрожишь»...

Появились страхи, ночные кошмары: то грезится ему, что он тонет, то кажется, что хотят убить, то «падаешь куда-то» и т. д.

Всех своих судимостей Пан. хорошо не помнит, но настаивает на том, что все его преступления — их по его словам было около 11, так или иначе связаны с опьянением. Между прочим, судился он за кражу, покушение на ограбление; всегда он был пьян, иногда пьянствовал в уголовной компании. Помимо многократных арестов в состоянии опьянения несколько раз судился за хулиганство и сопротивление властям. Так, например, однажды принес со своими собутыльниками в пивную «Взаимопомощь» самогон; в результате в заведующего пивной полетел чайник... В предпоследний раз судился по ст. 86 УК за буйство в пивной «Моссельпром»; «пьяному море по колена», говорит Пан. «кричишь, кричишь, сам не знаешь чего»; обстоятельства дела Пан. не помнит, ибо был сильно пьян «очнулся лишь в милиции».

Уже будучи в провинциальном ардоме он совершил свое последнее тяжкое преступление — был агрессивен в отношении администрации; по 1-й ч. 86 ст. УК был приговорен к высшей мере наказания, с заменой 8-ю годами лишения свободы.

Пан. мускульного телосложения — высокий, плотный, сильный; испещрен татуировками — их всего 19. Мало выразительное туповатое выражение лица. Умственно недостаточен — дебилен. По темпераменту мрачный, взрывчатый, злобный, агрессивный.

С л у ч а й V.

С., 20 лет, подмосковный житель, без определенных занятий, инвалид, холост, беспартийный.

Отец — «запойный пьяница»; пьяным постоянно колотил жену и сына; несколько раз его задерживали и штрафовали за пьяные скандалы; с семьей жил мало; в 1924 г. жена его окончательно прогнала из дому.

Мать — фабричная ткачиха; добрая, трудолюбивая, трезвая. Старший брат умер в младенческом возрасте; средний брат пропал без вести.

С. с детства драчлив, непослушен, непоседлив; с 9 л. стал пить; до 14 л. учился в школе, якобы успешно; после школы находился на иждивении матери, проживал с ней в общежитии при фабрике; попытка отдать его на фабрику была безрезультатной, через 2 недели его уволили за пьянство. В 1921 г. был случайно ранен в плечо, в связи с чем была произведена ампутация верхней трети плеча. В том же году перенес тиф (?), месяц пролежал без памяти. Первая судимость в 16 лет — его задержали пьяным и привели в ардом, где он буйствовал, побил стекла. Был приговорен к 6 месяцам лишения свободы. С 17 лет пьет непрерывно, ежедневно, помногу. Пьяный — «кусается, орет, дерется». С этого времени судился 2 раза за кражу и 3 раза за хулиганство — по ст. ст. 176, 157 УК. Так, например, — в 1924 г. он пьяным «схватил милиционера за горло и рассек ему губу»; в 1925 году им была совершена кража сапог у пьяного гражданина, находившегося в бессознательном состоянии. Последняя судимость по ст. ст. 176, ч. 2-я и 88 УК приговорен по совокупности к лишению свободы на 1 год 6 месяцев с последующей высылкой на 3 года. Преступление заключалось в хулиганстве на жел.-дор. станции, закончившемся агрессивными действиями по отношению к представителям власти.

При психо-неврологическом исследовании С. производит впечатление перенесшего «сонную болезнь» (эпидемический энцефалит) — вялость, маскообразность мимики, нерезкая общая скованность, асимметрия лица, парез левого лицевого нерва центрального типа; общая замедленность психических реакций. Кроме того, отмечается общий упадок памяти и моральная тупость.

С л у ч а й VI.

Ч., 23 лет., крестьянин, Можайского у., женат, беспарт.

Отец—крестьянин 60 лет, спокойный и ровный; пьет сильно, но всегда «в своем уме»; никогда не скандалит. Дяди по отцу также пьют, но в состоянии опьянения «смирные».

Мать 56 лет, — чувствительная, плаксивая; тяжело переносит заключение сына.

Ч. с детства был послушным, ровным, тихим, никогда не ругался и не дрался; по характеру несколько тревожный, впечатлительный: очень любил музыку — «волновался когда где заиграют».

Учился в сельской школе 3 года, получил похвальный лист. С 16 лет крестьянствует; в работе всегда исправный, общество о нем вынесло приговор, что ни в чем предосудительном он замешан не был. 21 года он женился на крестьянской девушке, с которой «гулял» 3 года. Пьет редко, не чаще 3 раз в год, в большие праздники; в состоянии опьянения никогда не скандалил.

Настоящая судимость — первая; по словам Ч. произошло следующее: «в Ильин день 1924 г. в соседнюю деревню собралась молодежь из окрестностей; многие были выпивши, в том числе и он («был тогда холостым»); ребята подрались, уж потом он узнал, что подрались представители разных деревень; не успел он подбежать на крики, как получил сильный удар по голове и упал; что было дальше совершенно не знает; впоследствии ему рассказали, что на ликвидацию драки явился начальник милиции, которого дерущиеся пытались обезоружить и ранили в руку. Судебный приговор, которым Ч. приговорен по ст. 86-й ч. 1 УК к 2 годам лишения свободы без строгой изоляции, с поражением в правах на тот же срок дает картину социально-опасного деяния: вначале — приставание пьяной молодежи к сторожам, поставленным сельсоветом для поддержания порядка во время гулянья, в заключение агрессивные действия против представителей власти, вплоть до попыток обезоружения начальника уездной милиции, во время, которых он был ранен в левую руку. Инициативной роли Ч. в драке приговор не устанавливает.

Ч. умственно достаточен; по характеру—уравновешенный, доступный, скромный, робкий. Прочные социально-трудовые установки; боится уголовных; в исправдоме обучился сапожному ремеслу. Физически здоров; имеется в затылочной области костный рубец.

Во вторую группу мы относим остальные 13 случаев. Согласно судебным данным, вся группа может быть объединена тем моментом, что ее представители составляли

более или менее «организованные шайки». Все случаи взяты из двух показательных процессов по хулиганству в Замоскворецком районе. Мы смогли индивидуально исследовать тех из осужденных, которые приговорами признаны главарями хулиганствовавших. Кроме того, путем посещения их семейств—в 11 случаях, нам удалось лично ознакомиться с окружавшими их социально-бытовыми условиями, получить общее впечатление об особенностях характеров родных и ближайших родственников и, наконец, путем сопоставления дополнить и проверить сведения о прошлом, полученные от самих правонарушителей. Считаем необходимым отметить, как много дают подобные обследования каждому работнику в области преступности, перед каким сложным, неразрывным сплетением био-социальных вредностей оказывается исследователь, по мере ознакомления с конкретными условиями развития личности отдельного правонарушителя. Обследование застало часть правонарушителей у себя дома, уже по отбытии наказания (случаи 9, 10, 11, 16, 17), одних на пути восстановления социальных связей, других под угрозой дальнейшего деклассирования.

Во избежание повторений, прежде чем представить самих правонарушителей, ознакомимся по выдержкам из приговоров с общим характером вмененных им хулиганских деяний, квалифицированных, как злостные. Последнее относится преимущественно к процессу о хулиганстве в летнем саду бывш. Реннесанс, где преступления квалифицируются по ст.ст. 176, 2-й ч. 88 и 86 УК, тогда как в процессе о хулиганстве в клубе им. Карла Маркса, ст. 157 УК отпала в кассационном порядке и осталась лишь 2-я ч. 176 ст. УК. тем не менее, как видно из нижеследующих выдержек, в обоих процессах деяния весьма родственны между собой; кроме того, и там и здесь установлено наличие «хулиганских шаек».

В приговоре о хулиганстве в саду, касавшемся 22 обвиняемых, между прочим, значится: «подсудимые... действуя организованной группой, систематически и упорно занимались хулиганством, производили драки, пуская в ход ножи и финки... наносили побои и оскорбления, буянили, устраивали в публике толкотню, подставляли ножки, стегали стэками, обсыпали пудрой, пачкали костюмы сажей... Артистам бросали под ноги кирпичи, об'едки и даже живых кошек, гасили свет, затопляли дорожки сада, приставали к женщинам... и демонстративно отправляли все свои естественные потребности... Означенные безобразия и преступные деяния совершали организованной шайкой, состоящей в большинстве своем из преступных элементов с неоднократной судимостью... при задержании кого-либо из означенных шайка хулиганов оказывала упорное сопротивление, оскорбляя их

представителей власти, как словами, так и действиями... направлять каждого хулигана в отделение милиции было почти невозможно... Отвратительные безобразия отбили всякую охоту у большинства трудящихся посещать сад... с наступлением сумерок проходить в одиночку близ сада сделалось слишком рискованным... Создалась неотложная необходимость самых решительных мер борьбы с хулиганством путем устройства в саду облавы, что и было осуществлено»...

К этому процессу относятся случаи 7, 8, 13, 14, 18, 19.

Приговор по делу о хулиганстве в клубе им. Карла Маркса и по Кадашевской набережной, касающийся 19 обвиняемых, свидетельствует о том же характере преступлений:

«...Дознанием были установлены две хулиганские шайки. Одна под именем «Татарская» с главарем Ф. (случай 16-й)... в клубе Карла Маркса появлялись в пьяном виде, учиняли драки, скандалы, отвергивали водопроводные краны, били стекла и унитазы в уборных... в полотно кино бросали камнями... однажды гр-на Л. (зав. клубом) ударили по голове лбдиной... И вторая шайка под кличкой «Болотно-Кадашевская» во главе с Кр., Г. Т. и К. (случай 10, 9, 11, 17)... на Кадашевской набережной... являлись в пьяном виде, устраивали скандалы, избивали прохожих граждан, останавливали проезжающих... граждане боялись вечером ходить по Кадашевской набережной... Члены этой шайки... некоторое время не уступали в хулиганстве первой... однажды они пытались ворваться в чайну по Кадашевской набережной... побили стекла в окнах»...

Если первая группа представилась нам настолько однородной, что была возможность расположить относящиеся к ней случаи в порядке растущих, по существу родственных, особенностей личности (первые 4 случая), то для 2-й группы мы примем тот же порядок, предварительно разбив ее на 2 подгруппы. Это подразделение казалось нам полезным, в виду бросавшегося в глаза различного аффективного склада, на котором выявлялись хулиганские реакции.

Нижеследующие случаи 1-й подгруппы являются весьма родственными вышеописанным, кроме случая 7-го, в котором личность является полноценной и 8-го, где она характеризуется преимущественно умственной недостаточностью.

С л у ч а й VII.

Ц. Московский житель, 19 лет, рабочий — типограф, холост беспартийный.

Семья обследована на дому, во время обследования Ц. был в отпуску из колонии.

Бытовые условия носят печать упорных трудовых усилий рабочей семьи во главе с матерью — вдовой. Бедность и ограниченность обстановки скрашивается примерной чистотой, опрятностью и даже уютом. Очевидна, трезвость в семье; воскресенье, все в сборе, но нет и намека на выпивку. С другой стороны, культурных запросов и общественных навыков в семье не оказывается — ни книг, ни газет в квартире; в общественно-политической жизни никто из семьи участия не принимает.

Отец умер от «солнечного удара»; выпивал, в опьянении не буйствовал; по характеру — кроткий, тихий, неразговорчивый и склонный к уединению. В его роду ничего особенного. Мать 60 лет — приветливая, общительная, несколько робкая, озабоченная, чуть угнетенная. Пять первых детей — умирали в возрасте до 1 года. Два старших брата, рабочие типографы, очень схожи по характеру: скромные, сдержанные, почти вялые; в общении с посторонними инициативы не проявляют, но вполне доступны и добросовестны в своих ответах; оба с ограниченным умственным кругозором. По службе на хорошем счету, не пьют и не курят.

Ц. — самый младший; до двух лет развивался нормально; после двух лет были какие-то припадки: «посинеет весь, затрясется», к 3 годам прошли. В детстве был живой, бедовый, но послушный. 4 лет лишился отца; семья крайне нуждалась, работала одна мать накладчицей в типографии. Ц. весь день проводил на улице; низшую школу не кончил, так как «обуваться не во что было», учился меньше года, успешно. Для поддержания семьи стал торговать папиросами и ирисками; деньги приносил домой, не озорничал, не пил, никакой грубости не проявлял. В семье был неизменный мир — ни побоев, ни окриков, ни ссор. С 17 лет, следуя примеру братьев, поступил в типографию, начал с 20 руб. дошел до 60 руб. в месяц. Большую часть денег отдавал матери; по службе о нем давали лучшие отзывы.

Какие-либо хулиганские поступки со своей стороны Ц. отрицает.

Ц. отличается негармоничностью физического склада — диспластичен; отмечается некоторая недоточность щитовидной железы — одутловатость лица, склонность к излишнему и ненормальному распределению жира на туловище. В характере преобладают шизотимные черты — мало доступен, оказывает сопротивление общению, упорен. На фоне такой недоступности и медлительности, в связи с расспросами, вырываются аффективные вспышки, густо окрашенные негодованием, сопровождающиеся потоком резких обвинений.

Судебным приговором, которым Ц. по ст.ст. 176 2-й ч., 86—2-й ч. и 88 УК по совокупности приговорен к лишению

свободы на 3 года, установлено, что он «принадлежал к организованной шайке хулиганов, производившей летом 1925 г. различного рода хулиганские выходки»... «Однажды Ц. нанес задержавшему его милиционеру побои и затем скрылся».

С л у ч а й VIII.

Ю., 21 года, московский житель, охранник завода, холост, беспартийный.

Семья обследована на дому.

Тяжелые бытовые условия: тесный, малоосвещенный, полуподвал; сапожная мастерская отца является проходной для маленькой спальни-столовой всей семьи. Воскресенье, пьяный отец 67 лет, плохо держится на ногах, болтлив, благодушно настроен; с игривым подмигиванием сообщает, что недавно жена родила двойню, тут же всхлипывает при расспросах о сыне; он ворчливый, слабовольный, вспыльчивый, умственно неполноценный, пьяница — в опьянении не буйствует. Женат второй раз, дочь от второй жены умственно недостаточна. Мать умерла от родов 48 лет, — добрая, веселая, «выпивала по рюмочке». Старший брат, сапожник — злой, раздражительный, сильно пьет, скандалит.

Ю. с детства — плаксивый, пугливый, молчаливый, податливый; проучился около двух лет «очень плохо по всем предметам», «сообразить не мог», «голова не работала». С 8 лет ученик у заготовщика, часто ни за что ругали и били. В 12 лет потерял мать, отнесся к этому своеобразно: «Когда умерла, смеялся и сейчас смешно, не воротись». Пьет с 10 лет, пьянеет быстро, никогда не буйнит, идет спать. Жизнь была полна лишений, основных потребностей удовлетворить не мог; всегда тяжело чувствовал неудовлетворенность собой и условия жизни: никогда «не мог поесть вдоволь», ни одеться, ходил в отрепьях; в 1924 г. хотел «расписаться» с одной вдовой, да не было денег «бумаги выправить».

С 1925 г. бросил сапожничать с отцом в виду скудности заработка и поступил охранником на завод на 45 руб. в месяц; семье давал немного. Половой жизнью живет с 19 л., очень редко, считает себя очень влюбчивым: «за первую смазливую барышню готов всю жизнь отдать»; но успехом не пользовался.

Ю. смешанного телосложения: в основе мускульный тип, с чертами негармоничности (атлето-диспластик), женский тип таза; полуоткрытый рот, тупое выражение лица (лимфатический габитус). Выраженная умственная недостаточность — неразвитая память, слабость суждений (дебильность). Скудное резонерство — «молодежи свободы не дают». Крайняя

узок кругозора и примитивность интересов; на этой почве, в связи со смутным сознанием собственной неполноценности и материальной нуждой постоянная неудовлетворенность.

Согласно приговора, неоднократно выводился из сада за хулиганские выходки; признан «активным хулиганом»; кроме того, однажды с товарищем на площади «загораживал» дорогу проходящим женщинам, не послушался агента его предостерегавшего, схватил женщину в свои объятия; при задержании схватился за карман, в котором была Финка; по дороге в милицию сопротивлялся.

По ст.ст. 2-й ч. 176, 88, 86 приговорен к лишению свободы на 2 года.

С л у ч а й IX.

Г., 20 лет, московский житель, пом. слесаря на заводе, холост, беспартийный.

Семья обследована на дому. Бытовые условия неудовлетворительные: 2 комнатки в полуподвале, разделенные досчатой перегородкой. Общий унылый тон. Материальное положение семьи особенно пошатнулось в связи с преступлением Г. и потерей им места. По освобождении Г. снова пьянствует.

Отец электромонтер, умер на работе. Пил почти каждый день, бранился, но до драк не доходил. Мать атлетического телосложения, умственно неполноценна: очень легко ранима, при расспросах едва сдерживается, часто плачет. Считает себя очень раздражительной, часто ее охватывает при этом злоба, но почти всегда эти вспышки разряжаются в слезах. У двух ее братьев—старшего с 12 до 16 лет, у младшего с 2 до 10 лет припадки, по описанию эпилептические; у них же своеобразное состояние опьянения: пьяными они «колотятся, бьются, плачут»; у младшей сестры аналогичные припадки с 7 до 15 лет. Дед по матери — плаксивый, сумрачный, религиозный; бабка — ровная, добрая, веселая. Младший брат 12 лет, явно умственно недостаточен: учится с большим трудом, еле читает по складам, соображает крайне туго, замкнут, мало продуктивен, сдвиги настроения длятся по нескольку дней, плаксив, сумрачен.

Г. от 2 до 5 лет страдал «младенческой» — припадками с посинением лица и с пеною у рта; с детства обычно смирный, послушный, но раздражительный: если кто заденет, то «становится каким-то ненормальным, весь бледнеет, трясется, как-будто все внутри кипит, потом плачет». Учился с трудом, была плохая память, сидел 2 года во 2-м классе. После смерти отца уезжал с матерью в деревню, там помогал в работе, не озорничал. По возвращении

в Москву в 16 лет первая судимость: с ведома матери и по совету соседки пошел взять дров из б-цы напротив — «дома было холодно, а топлива не было». Был осужден условно. В 1925 г. поступил на завод, где работает мать; получал до 80 руб., помогал семье. С этого времени стал изрядно пить; состояние опьянения всегда сопровождается самоистязанием, плачет: «бьет себя по чем попало, весь разбивается и кричит; на себе всю злость срыгает». В 1925 году имел привод за столкновение с милиционером в состоянии опьянения.

Г. по телосложению смешанный тип — худощавый, тонкий, узкогрудый с чертами нескладности (астено-диспластик). Умственно-недостаточный; внушаем, чувствительный, легко ранимый, плаксив. Постоянное самостязание в состоянии опьянения (одно из таких состояний наблюдалось нами лично).

Согласно приговора неоднократно выводился из клуба за скандалы в состоянии опьянения; является «вожаком Кадашевской шайки».

С л у ч а й X.

Кр., 23 лет, московский житель, чернорабочий, разведен, беспартийный.

Бытовую обстановку нельзя считать неудовлетворительной: убранство комнат, чистота свидетельствуют о некотором достатке в прошлом и о заботах матери, сил которой хватает и на службу и на поддержание уюта.

Отец, воспитанник приюта, умер 41 года от разрыва сердца, по характеру угрюмый, жестокий; большей частью молчал, а в гневе — «все летело»; после службы почти всегда пьяный, агрессивный: «швыряет, бьет, колотит». Считался хорошим чертежником. Старший брат отца умер душевно-больным; старшая его сестра отличалась чрезвычайной ревностью, ушла от мужа. Мать — продавщица Моссельпрома, очень истерична. В детстве ей запретили учиться из-за «нервности»: в возрасте 12 лет она была «испугана» пьяным отцом, обожгла ногу и некоторое время нога была парализована, лечилась электризацией. Ее отец не расставался с водкой после службы; один из братьев, по характеру мягкий и веселый, пил периодически, ездил по монастырям и давал зарюки не пить на 2—3 года.

Кр. в семье 4-й. Старшая сестра — нервная, плаксивая. Старший брат — типограф, по характеру — упорный, самостоятельный, вспыльчивый.

На 4-м месяце беременности обследуемым мать Кр. упала в погреб, была без сознания; роды были трудные. В раннем детстве Кр. развивался нормально. Учить его начали с 7 лет;

учился очень плохо; часто прогуливал, сидел по 2—3 года в каждом классе; приглашали репетитора—«ничего не помогало». Лет с 12 стал обнаруживать большое упрямство и замкнутость: «ничего не говорит и все делает по-своему». В возрасте 11 лет потерял отца, а с 12 окончательно бросил школу; перед этим из другой школы его исключили. С этой поры совершенно перестал считаться с семьей: пытались обучить его бухгалтерии ничего не вышло, бросил; отдавали в контору, обиделся, ушел. Связался с улицей, стал пить. Настроение большей частью было мрачное: «с утра все нехорошо» и мысли мрачные: «для чего живешь?». Такое настроение, по словам Кр. «гнало пить».

В 18 лет первая судимость за кражу, просидел 6 месяцев. Вскоре после этого женился, несмотря на протесты семьи, на самогонщице, связанной с уголовным миром; прожил с ней год постоянно дрались и скандалили. С 19 лет запил систематически; пьяным всегда буйствовал. (По словам матери, агрессивное опьянение у Кр. было обнаружено еще в возрасте 12 лет: однажды у знакомых ему дали 2 рюмки запеканки и он тут же стал драться, так что хозяйева побежали за матерью).

Пьяным он «забывает все плохое», «с любой девушкой познакомиться может», а уже потом буйствует, бьет посуду и т. д.

В 1923 г.—вторая судимость за кражу; просидел 1 год 4 месяца. Несмотря на уголовное прошлое он всегда стремился к работе, так незадолго пред осуждением он работал в госучреждении; по отбытии срока наказания просил содействия в подыскании работы.

Кр. по телосложению худощавый, плоскогрудый с чертами негармоничности (астено-диспластик). Явно умственно неполноценный; замкнут, настойчив; с господствующим мрачно-тяжелым настроением.

Приговором признан одним из вожаков Кадашевской шайки; ему вменяется инцидент с битьем стекол в чайной.

С л у ч а й X I.

Т., 24 лет, московский житель, чернорабочий, холост, беспартийный.

Семья была обследована на дому. Отец 45 лет, склонен к мудрствованию; оригинал; уж больше года не работает—весь отдался литературным начинаниям, пока еще ничего не печатает; женат вторично, вторая жена художница. Между Т. и его мачехой установились холодные, иногда враждебные отношения. Отец раньше был рабочим, затем занимал различные административно-хозяйственные

должности. Пил «как все». Дед по отцу—пьяница, скандалист; тетка—нервная, раздражительная. Мать умерла 41 года, была по характеру своему грубой, примитивной; очень религиозной; дядя по матери сильно пил, скандалил.

Т. до 3-х лет не ходил, был очень капризным. С детства отличался упрямством, настойчивостью—«всегда стоял на своем». Легко впадал в гнев с агрессивными действиями—так в 11 лет ударил товарища палкой, за то, что тот расшиб ему губу; в гневе «весь краснел, губы дрожали». Дома неразговорчивый, хмурый, грубый, непослушный, скрытый, лживый. Учился с 9 до 13 лет, сообразительностью не отличался, но «долбил» упорно. Быстро вышел из сферы родительского влияния: контакта с отцом не было; последний всегда был занят больше самим собой, «стремился разбогатеть». Материальные условия семьи были благоприятные, мать баловала, попустительствовала. Т. рано пристрастился к азартным играм, связался с худшими представителями своей улицы (с Кр.—случай X). С 13 лет стал красть из дому. Вторая судимость—18 лет, украл пишущую машинку с места службы, деньги прокутил; после увольнения со службы втянулся в пьянство. Характер стал еще более мрачным—злая тоска почти не покидает, надвигается без видимой причины; в состоянии опьянения он от тоски освобождается, затем большей частью буйствует. Сделался очень злопамятным и упрямым. Особенно возмущает его вторичная женитьба отца. Это является источником постоянного злобного раздражения дома.

До осуждения за хулиганство имел 4 судимости и несколько приводов за кражу; просидел в общей сложности около 3-х лет. В последние полгода был снова на трудовом пути, чернорабочим на заводе, помогая сестре. По освобождении снова искал работы.

Т. атлетического сложения, мало доступный, мрачный, склонный к аффективным вспышкам, с бурной вазомоторной реакцией (лицо густо краснеет); умственно—достаточен, но психически тяжеловесен.

По приговору—один из Кадашевских вожakov.

С л у ч а й XII.

А. Е., 19 лет, московский житель, пом. слесаря, холост, беспартийный.

Семья обследована на дому. Отец 48 лет, рабочий механик, с 30-летним стажем; кандидат партии. Воспитывался в крестьянской семье, куда был передан из воспитательного дома. Учение в школе не давалось, но ремесло пошло хорошо; на лучшем счету на заводе. Атлетического телосло-

жения; признаки склероза периферических сосудов. Сумрачный, строгий, тугодум. Внутренне врывчат; часто с видимыми усилиями сдерживает себя—эти скрываемые проявления душевного волнения сказываются в приливе крови к лицу, в изменении голоса, в неожиданной скупой слезе. Пьет с 17 лет, становится более развязным, но агрессивности не проявляет. Мать 44-х лет, общительная, обстоятельная, благодушная до сентиментальности, раздражительная, вспыльчивая. Страдает припадками, повидимому истерическими. Дед—пьяница, буян, трезвый,—беспокойный, скупой, чрезвычайно религиозный. Младшая сестра и брат—истерическими. Дед—пьяница, буян, трезвый, беспокойный, 16 и 14 лет учатся с большим трудом; брат остался на 2-й год в 4-м классе; оба психически тяжеловесны с замедленными и затрудненными процессами общения.

Скромная обстановка средней рабочей семьи.

А. Е. в детстве по внешности—«тихоня», большей частью молчал. Очень рано стал проявлять непоседливость и упрямство: всегда стремился из дому, «непустишь, плачет»; позже на запрещения стал реагировать как-то странно—«кряхтел», с трудом сдерживал выражение своего неудовольствия. На улице озорничал, дрался до крови, уступая лишь более сильным. Учение совершенно не давалось, ничто в школе его не интересовало; часто вызывали родителей по поводу его плохого поведения. Вместо школы шел на улицу; увлекся азартными играми.

Очень любил физический труд; с 16 лет в обучении слесарному ремеслу, в последнее время пом. слесаря на заводе, сдал показательную пробу.

С возрастом характер обозначился резче. Чаше давал гневные вспышки; в эти моменты становился отчаянным, драчливым: «если кто заденет—весь затрясется, бьет, чем попало». Пьет с 17 лет, пьянеет быстро, при незначительном противоречии ему обязательно скандалит и дерется.

В 18 лет судился по подозрению в краже—был оправдан.

А. Е. нескладного, негармоничного телосложения (диспластик), умственно недостаточен (почти дебил). Незыблительно груб, мало доступен, упорный до болезненного упрямства (до негативности); господствующий тон злобно-раздраженного настроения с однородными аффективными вспышками, сопровождающимися агрессивностью. Социально-правовые понятия не развиты: на вопрос хорошо ли идти пьяным в клуб, отвечает: «не знаю, а почему нельзя—пьяные везде ходят».

Приговором признан «отъявленным хулиганом»; ему вменены, главным образом, жестокие драки в саду и упорное сопротивление властям, наряду с активной и инициативной ролью в хулиганском поведении, описанном в приговоре.

По ст.ст. 176 2-я ч., 88 и 86 УК, приговорен к 3-м годам лишения свободы без строгой изоляции с последующей высылкой на тот же срок.

С л у ч а й XIII.

Кир., 27 лет, московский житель, инвалид, разведен, состоит в незарегистрированном браке, беспартийный.

Обследована его личная семья.

Отец бросил семью; сильно пил—скандалил; отличался крайней религиозностью; по сведениям, полученным от жены, отец Кир. выслан за спекуляцию золотом. Матери 45 лет, происходит из зажиточной семьи заводчика, робкая, нерешительная, плаксивая; сильно пьет; в ее роду 2 брата умерли от вина; старший брат 2 года пробыл в психбольнице, умер душевно-больным.

Кир. в семье старший, всего было 9 человек, в живых 5 человек. Следующая за ним сестра умерла 13 лет, «сохла в течение 3-х лет», дети умирали в младенческом возрасте. Младший брат очень возбудим—«дрожит от раздражения», учение у него не идет.

Кир. от рождения страдал кривошеей. В школьном возрасте отличался капризным, раздражительным характером, был спорщиком и драчуном; дома «подделывался», так как боялся отца. Учился средне, к 16 годам кончил 4-классное училище. С 10 лет жил у тетки в благоприятных материальных условиях; с 13 лет стал пить—«все пили у дяди»; с 16 лет запил систематически: «это единственное удовольствие в жизни, говорит Кир., только пьяным чувствую, что живу, трезвым мучает тоска». С 17 лет регулярная половая жизнь; часто «менял женщин» и жил очень интенсивно. 1917—1920 гг. пробыл в плену на шахтах; там была проделана операция по поводу кривошеи; вернулся больным—«припадочным». 2 года прослужил добровольцем в Красной армии; затем сторожем на государственном складе. Службу оставил в связи с 1-й судимостью по ст. 176 УК: во время дежурства на складе выпил и заснул; когда его будил караульный начальник, Кир. пришел в ярость, погнался за начальником, расшиб себе лоб о печку, переломал встретившиеся на пути трубы и т. д. По этому делу Кир. был осужден условно. Припадки у него редки; уже год как их не было; по рассказам они сопровождались пеной у рта; два раза сильно расшибался в припадке. С 1924 года числится инвалидом.

По сведениям жены, у Кир. чрезвычайно злобно-жестокый, «сумасшедший» характер; от его побоев ей и теще приходилось неоднократно бежать из дому; однажды он чуть

не убил тещу. Отличается он также чрезвычайной ревностью и религиозностью; очень любит стоять за «справедливость». В состоянии опьянения немилосердно избивает окружающих и сам «бьется головой, ломается». В трезвом состоянии она припадков не наблюдала. Инвалидное пособие Кир. пропивал, жил на счет жены.

Кир. мускульно-негармоничного (атлето-диспластического) телосложения, по темпераменту—недоверчивый, мрачный, скрывной, неискренний. Неизменно в угнетенно-злом настроении. Крайне обстоятельное мышление; резонерство на основе аффективной логики. В оппозиции к современности. Стойко религиозен. Повышенная самооценка под личиной самоуничижения.

Согласно приговора «неоднократно предпринимал различного рода безобразия, хулиганство, бесчинство в саду... однажды нанес удар одному гражданину, но в отделение милиции доставлен не был, потому что разыграл истерику и толпа за него заступилась... Вдвоем с П. отбил хулигана у милиционера, угрожая ему, что «он дожидется, что его пырнут финкой». Приговорен по 2-й ч. 176, 86, 88 ст.ст. УК к 2-м годам лишения свободы.

С л у ч а й XIV.

И., 21 года, московский житель, рабочий модельщик, холост, беспартийный.

Семья обследована на дому. Бедный рабочий быт. В семье царит крайне тяжелая атмосфера, обусловленная, главным образом, деспотическим характером отца.

Отец 50 лет, курьер. Явно психопатическая личность; его «ненавидит вся семья»; сын и мать говорят о нем, что он «стегает, как зверь» и в этот момент «памяти никакой не имеет». Сам говорит о себе: «если растревожат, никого не пощажу, люблю тишину и порядок»; при расспросах о силе его побоев признает, что если «веревкой стегнешь, след, конечно, останется». По темпераменту жестокий, злобный, недоверчивый, склочник (кверултый); очень религиозный. Пьет с молодости, пьяный еще более ожесточается. Сына проклинает; в семье создает удушливую атмосферу страха и приглашенной обиды. Бабка по отцу отличалась еще более тяжелым характером—была злопамятной, жестокой, самолюбивой. Мать 48 лет, очень раздражительная, сентиментальная, плаксивая; склонна к истерическим припадкам; в раздражении сильно бьет детей, потом плачет. Бабка по матери страдала обмороками; дед по матери—пьяница, буян. Старший брат рабочий—замкнутый, молчаливый, повышенно-возбудим: в раздражении «сердце колотит-

ся». Младшая сестра—20 лет страдает истерическими припадками; плачет по малейшему поводу; настроение стойко-угнетенное. М. с детства крайне вспыльчивый и агрессивный—«дрался отчаянно, был своенравным, сердца не имел»; на обиду реагировал особенно сильно и бурно—«бледнел, рыдал». С малолетства участвовал в стенках, ходил всегда в синяках. В 12 лет в игре с товарищем был ранен в глаз взорвавшимся капсулем, был без сознания (лечился в больнице 6 недель), его товарищ лишился глаза. Проучился около двух лет очень unsuccessfully, в школе дрался, прогуливал «голубей гонял». Из домашних никого не любил, ибо, по его словам, с ним обращались «как со зверем»; это подтверждает и мать. После несчастного случая с капсулем, мать отметила у него раза три странные припадки, «как только начинала его стегать»: он падал, бился в судорогах, мочился под себя. С 13-ти лет начал уходить из дому, после побоев отца, которого возненавидел. Около двух лет прослужил учеником на заводе, там у него постоянно происходили драки и скандалы, «неизвестно почему», говорит И.; отчасти за это, а главным образом, в связи с кражей был уволен. С детства крал голубей, а в 17 лет кража велосипедных покрышек: «нужны были деньги на голубей»; был осужден на один год. В 1919 году упал во время разборки дома на дрова, получил перелом ребра, лечился около года. В последние годы черты характера еще более обострились: стал исключительно взрывчатым и весьма агрессивным: по малейшему поводу вступает в драку, «потом уже ничего не помню». Часты своеобразные аффективные приступы, в которых угнетение доходит до отчаяния, сплетается со злобой и разряжается насильственными действиями в отношении окружающих или самого себя.

И мускульного-нескладного, негармоничного телосложения (атлето-диспластик); с выступающей нижней челюстью; выразительная живая мимика. Обильная тюремная татуировка (крест, два ангела, две бабочки). Крайне эффективно-возбудим. При исследовании дал два раза бурные взрывы отчаянья с самоистязанием (с большей силой стукнул головой о стол, при чем рассек себе лоб, избивая себя кулаками, скрежетал зубами); неизменно угнетенно-мрачный тон настроения.

По приговору признан «злостным и социально-опасным»; «вместе с В. Е. (случай 18) и другими учинил поножевщину, во время которой был изранен и избит до потери сознания—был отправлен в б-цу». Осужден на 3 года лишения свободы с поражением в правах и высылкой на тот же срок.

Нижеследующие случаи 2-й подгруппы характеризуются иным аффективным складом, являющимся также почвой для взрывчатости.

С л у ч а й X V.

А., 24 лет, московский житель, слесарь, холост, беспарт.

Семья обследована на дому. Бытовая обстановка служащего среднего достатка; материальное благополучие семьи строится, главным образом, на работе старшего брата, служащего со сравнительно высоким уровнем умственного развития. Отец 70-летний старик, обнаруживающий не резкие признаки начинающегося увядания. В молодости был очень вспыльчив; часто пил, скандалил; в его роду алкоголизм. Мать—общительная, живая, горячая, очень обидчивая. Старший брат, считает себя избежавшим участи младшего, несмотря на крайне неблагоприятное влияние ближайшей среды—улицы, главным образом, в виду его бдльшей замкнутости и стремления к образованию; он был очень осторожен в выборе своих товарищей; с детства отличается вспыльчивостью, но в опьянении лишь веселеет, никогда не бывает агрессивным. По общему признанию все в семье «горячатся»: «из-за пустяка сыр-бор загорается, все пере-ругаются».

Раньше семья очень нуждалась, так как отец получал на жел. дор. менее 30 руб., а семья состояла из 13 человек. У А. в детстве обнаружилась резкая вспыльчивость и живость; был веселым, горячим, слабохарактерным; очень легко поддавался дурному воздействию. Учился очень плохо, совершенно ничему не выучился; в школу вызывали родных по поводу его неуспеваемости и плохого поведения; постоянно прогуливал, а дома отделивался измышлениями; был очень хвастлив; быстро поддался воздействию улицы, по свидетельству брата, крйне неблагоприятному. С 15 лет учился слесарному ремеслу. Первая судимость в 16 лет: стрелял в воздух вследствие ссоры на романической почве, был приговорен к 6 месяцам. С юности страстный игрок в карты. С 1920 г. пошел по уголовному пути, бросил завод. В 1922 г. вторая судимость за кражу с осуждением на 3 года. Просидел 1 г. 2 мес. В дальнейшем был выслан, как социально-опасный, в Соловки, где пробыл больше года. По возвращении снова вступил на трудовой путь.

А. по стороны интеллекта существенных отклонений не обнаруживает. По темпераменту—экспансивный, веселый, вспыльчивый, страстный, увлекающийся, склонный к импульсивным поступкам; отмечается значительная склонность к измышлениям. По телосложению не чистый тип, плотный, нескладный (пикно-диспластик), с явлениями не резкого пучеглазия.

В приговоре значится:... «выходки совершенные хулиганом А., до мерзости отвратительны... однажды А. ударил в живот толстого гражданина, сидевшего в буфете; измазал

сажей светлый костюм другого гражданина; осыпал публику пудрой и на виду у всех отправлял свои естественные потребности. Вместе с Е. избил гр-на Л.; в милиции нанес оскорбления и угрожал представителям власти; в судебном заседании держал себя вызывающе»...

По ст.ст. 176 2 ч. 88 и 86 УК осужден на 3 года с поражением в правах и высылкой на тот же срок.

С л у ч а й XVI.

Ф., 20 лет, московский житель, слесарь, холост, беспарт.

Семья обследована на дому. Бедная рабочая обстановка. Семья не вовлечена в рабочую общественность.

Отец 46 лет, рабочий-литейщик; малодоступный, сумрачный, молчаливый; пьет с 16 лет, пьяный «на все может пойти», «в пылу, дерется, чем попало». Мать 47 лет, в последние годы страдает невралгическими болями, очень раздражительна. Сестра 17 лет живая, хороша грамотная.

Ф. с детства был отчаянным, смелым, озорным; любимым развлечением была драка партии на партию. Учился хорошо, кончил 4-классное городское училище; прошел 2 класса фабрику, но бросил, ибо предпочитал стать на самостоятельную работу; очень любил ремесло, к общим предметам не тянуло. С 15 лет в учениках у слесаря. С 1923 г. на машиностроительном заводе. С юности любил веселую компанию, азарт, был склонен к франтовству. В 18 лет совершил кражу: его уговорили помочь в краже мотора из домового лифта, за это был осужден на 3 месяца и 3 года условно; участие в краже объясняет нуждой семьи, отец в это время запил, время было предпраздничное. Больше не крал, работы не бросал. Стал еще более вспыльчивым и склонным к насильственным поступкам: «если вижу драку, все в груди подымается, сам лезу, а если затронут, на что хочешь пойду, хоть убей». Долго зла не помнит. Уже полтора года как пьет каждую получку; в состоянии опьянения «первый не задену, а потом самый отчаянный»; за это его любили «татарские ребята». Ф. по телосложению мускульный, плотный (пикно-атлет). По темпераменту — самоуверенный, экспансивный, взрывчатый; легко дает аффективные вспышки гневного тона в связи с налетом чувства ущемления—оппозиция современности. Однако же, при обследовании после его освобождения был усиленно занят чтением политброшюры. Согласно приговора «вождь Татарской шайки».

С л у ч а й XVII.

Ком., 18 лет, московский житель, безработный, холост, беспартийный.

Отец 40 лет, сторож, по характеру нервный, раздражительный; сильно пьет—«привозят пьяного на извозчике домой»; раньше буянил, бил мать, теперь «боится» сына. Мать 38 лет, мягкая, чувствительная, религиозная. Дядя по матери пьяница. Братья и сестры умирали в раннем возрасте.

К. в раннем детстве был очень болезненным ребенком. По характеру всегда очень веселый, но крайне вспыльчивый: «сам не трону, а если заденут, то готов драться до последней капли крови»; не злопамятен; через полчаса жалеет обиженного. Учение совершенно не пошло, особенно не давалась арифметика; да и желания не было—со 2-го класса бросил.

С 12 лет начал торговать фруктами, семечками, мороженым. В детстве перенес тиф, испанку; с 8 лет страдал головными болями. Пьет с 16 лет, «когда появился спотыкач»; мать рассказывала, что в состоянии сильного опьянения он чернеет и его рвет с кровью, а затем целый день лежит без памяти; если до этого не доходит, то большей частью скандалит. В 1924 г. первая судимость за хулиганство и сопротивление властям—ударил милиционера, когда его везли в отделение пьяным. Был осужден условно.

К. по телосложению нескладный, негармоничный. Умственно несколько неполноценен. По темпераменту—веселый, живой, увлекающийся, взрывчатый, склонный к насилию.

По его словам, в клубе его считали «веселым парнем».

Согласно приговора «является одним из Кадашевских вожakov».

С л у ч а й XVIII.

В. Е., 23 лет, московский житель, служащий, холост, беспартийный.

(Данные о семье см. случай 12-й).

В. Е. в детстве развивался нормально, но очень рано, лет с 9 стал отличаться чрезмерной вспыльчивостью и настойчивостью: «сердце уж такое»—говорит мать—«как кто рассердит, ужасно краснеет, готов ударить тем, что под руку попадет». Злопамятен не был; отличался бойкостью, шалостями, непоседливостью. Учился с 9 лет с большим трудом, «некоторые вещи никак себе в память взять не мог»; кроме того, учению мешали чрезмерная подвижность и озорство; в школе о нем говорили: «если захочет, сделает»; родных часто вызывали в школу по поводу его поведения и пропусков; рано начал лгать, «однажды привел в школу какую-то старушку и выдал ее за свою мать. Воздействию родных не поддавался, мать никаким авторитетом у него не пользовалась; строгости отца не выносил, «все кипело, еле себя сдерживал»; несмотря на страх пред отцом быстро

втягивался в жизнь улицы, связался с уголовной средой. Учение бросил и в 14 лет ушел из семьи. Объясняет это все той же невыносимой строгостью отца и соблазном товарищей; в это же время первое правонарушение—растрата полученных им по службе в качестве курьера денег. Родные дальше не отдают себе точного отчета в том, как он покатился по наклонной плоскости краж; он неделями пропадал вне дома, отцу лгал, мать покрывала его, избегая бури в семье. Лет с 14 начал пить, в последнее время пьет очень много, «до отказа» до состояния беспамятства; часто буйствует. Также рано начал половую жизнь, «переменил» многих женщин—«с одной живешь, к двум ходишь». Постепенно все более и более связывался с уголовной средой. Имел 6 судимостей за кражи, просидел в общей сложности несколько лет. С 1925 г., по рекомендации отца, поступил на службу, якобы был на хорошем счету. В последнее время характер еще более горячий, после каких-либо упреков, раздражений «весь трясется»; стал еще более склонным к агрессивным действиям.

В. Е. мускульного телосложения. В темпераменте преобладает, главным образом, резкая взрывчатость. Вся психическая личность отмечена «штампом» уголовной среды с ее своеобразной моралью, оппозиционным настроением, сознанием собственной правоты и обвинением окружающих;—имеются также черты общей тяжеловесности психики.

Согласно приговора В. Е. «является одним из главарей шайки и инициатором таковой» (см. процесс о хулиганстве в саду). Он же совместно с другими, учинил поножевщину с И. Осужден по ст. ст. 176, 2 ч. 88 и 86 УК—на 3 года лишения свободы с поражением в правах и высылке на тот же срок.

С л у ч а й XIX.

П., 21 года, буфетчик в чайной отца, московский житель, холост, беспартийный.

Отец 62 лет, содержит чайную; строгий, вспыльчивый. Мать 59 лет, ровная, спокойная; старший брат—работает при отце горячий. П. с детства—здоровый, тихий, послушный. Кончил 4-классное городское училище. Был прилежен; учился хорошо. С 13 лет работает при отце в чайной. С 19 лет начал пить понемногу никогда не буйствовал.

П. по телосложению нескладный, негармоничный (диспластичен). Умственно полноценный. Производит впечатление относительно уравновешенного, вполне доступного, несколько внушаемого; общителен; легко раним.

Согласно приговора—буйствовал в буфете сада Ренессанс. В ответ на отказ в пиве в виду его опьянения, «наме-

ревался схватить кассиршу за горло и пытался избить зав. буфетом. При задержании оказывал сопротивление милиционеру. Неоднократно выводился из сада». По ст.ст. 2 ч. 176, 88 и 86 осужден на 2 года.

Попробуем бросить общий взгляд на представленный нами, материал. Уже из характера и порядка изложения этих немногих случаев, намечается основной вывод, к которому приводит наше исследование: личность злостного хулигана представляется очень часто неполноценной в большей или меньшей степени; сплошь и рядом в наших случаях это более или менее смутно сознает сам правонарушитель, его семья, окружающий его коллектив и, наконец, рано или поздно общество в целом.

Для исследователя это становится очевидным независимо от того, наблюдает ли он правонарушителя за решеткой, где неизбежен реактивный налет тюремного заключения, или же по освобождении пред лицом трудностей жизни в коллективе. В первом случае, у одних—большой или меньший налет озлобления, едва сдерживаемые аффективные вспышки, упросто, подозрительность, доходящая до неправильного толкования окружающего; у других—хвастливая бравада, сильные, но быстро гаснущие аффективные разряды, истероидные приступы, нередко с самоистязанием. Во втором случае, дома—трудности реклассирования, как по внешним, так и по внутренним условиям: одни, со свойственным им тяжеловесным упорством, пытаются занять место в трудовой семье, с большим трудом отрываясь от так называемой шайки, к слову сказать, сплошь и рядом их дворовых и уличных товарищей сначала по детским забавам, драке, гонке голубей; затем товарищи воровства, пьянства, хулиганства. Другие—более внушаемые или увлекающиеся, сдаются пред первыми встретившимися трудностями. Эти черты болезненно-повышенной реактивности и социальной неустойчивости вполне гармонируют с тем, о чем свидетельствует прошлое этих правонарушителей. Социальная среда, где формировались они, изобилует вредностями, пагубными для развития психо-физической организации любой личности. Если здесь вынести за скобки социальные вредности, общие в дореволюционном быту всей рабоче-крестьянской среды—материальная нужда, ранний труд, общая некультурность быта, забитость, бытовое пьянство и т. д., то останутся немаловажные бытовые вредности, обусловленные индивидуальной физиономией их семейств, улицы, ближайшей среды.

Здесь на первое место выступает, большею частью, пьянство отца, ведущее к распаду семьи, создающее в ней.

невозможную атмосферу жестокой, пьяной расправы, пробуждающее у детей дремлющее влечение к алкоголю. Вместо какого-либо воспитательного воздействия веревка, от которой «остается след», или хворостина, после которой «начинается припадок» — вот удел некоторых из наших правонарушителей. Очень ранний порыв контакта с семьей, поглощенность родных работой, пьянство, особенности характера, все это отдаляет будущих правонарушителей улицы, где формируются злополучные хулиганские шайки, дается простор для реализации и развития особенностей каждого, большей частью, в антисоциальном направлении. Потерявшего социальное равновесие юнца, часто прикрывает мать; в лучшем случае не замечает, а чаще избивает или прогоняет из дому отец; при этом обычно родители совершенно не в состоянии задержать дальнейшую социальную деградацию сына. Не помогла и школа, в большинстве случаев она констатировала неуспеваемость, трудность обучения умственно отсталых, нисколько не облегчая для них естественно возникавших трудностей; вызывала родителей для сообщения о несносном поведении других — «озорных», «драчунов» и т. д., не находя сама и не указывая семьям путей какого-либо на них воздействия. В дальнейшем — уличная торговля, пьянство, карты, уголовная среда, у некоторых тюремное заключение, явились углубляющими факторами их психического изуродования и социального упадка. Крайне неблагоприятную почву представляли они для возвращения семян трудовой культуры и общественности, хотя часть из них не покидала и большинство возвращалось на трудовой путь. И поныне обретаются они в неведении трудовых достижений своего класса или даже в оппозиции к ним.

Мы старались по возможности выделить особо существенные социально-бытовые моменты, способствовавшие изуродованию личностей обследованных и нас не покидает сознание некоторой искусственности такого расчленения патологических и патобиологических моментов в отдельных случаях.

Алкоголизм, например, красной нитью проходящий в семьях обследованных, отравляя их быт, точно так же, уже от рождения нарушает равновесие их психо-физической организации, благоприятствуя образованию аномальных особенностей, заостряя слабо выраженные из них, провоцируя выявление скрытых. Только при учете этих особенностей, у одних чуть возвышающихся над чертами нормального характера, у других — отчетливо видимых невооруженным глазом, можно понять избирательность действия тяжких социальных вредностей в одной и той же социальной группе, на одной и той же улице, в одной семье.

Говоря о выраженных аномалиях личностей, мы не имеем в виду обязательного и исключительно врожденного предрасположения и исходя из динамической точки зрения Ашаффенбурга, для которого наиболее существенным является вопрос о виде и характере взаимоотношений, в которые вся личность вступает с внешним миром и его раздражителями. Психическое своеобразие личности, независимо от того является ли оно врожденным или приобретенным, но в силу которого эта личность значительно отклоняется от нормы в форме, силе и длительности ее взаимоотношений с внешним миром и определяет, по Ашаффенбургу, психопатическую конституцию.

Эта пластическая формула особенно полезна при изучении личности правонарушителя, являющегося так часто носителем специфического штампа уголовной среды,—пресловутой «шпаны», который представлялся нам в значительной своей части реактивно обусловленным, своего рода «социально обусловленной» психопатией. Этот штамп уголовной среды существует у ряда обследованных (случаи 10, 11, 12, 14, 15, 18), но через него можно уловить основные аномалии, аналогичные таковым и у других обследованных.

Каковы же эти аномалии и почему вообще здесь можно говорить о психопатичности?

«Алкоголь представляется наилучшим реактивом для инстинктов в виду производимого им паралича торможения», говорит Ляньель-Лавастин; «алкоголь—это пробный камень для установления уравновешенности функций мозга», писал Мейер. Вот почему для ответа на поставленные вопросы мы прежде всего обращаем внимание как на пропитанность алкоголем почти всех обследованных случаев, так и на непосредственную обусловленность или связь вышеописанных хулиганских деяний с состоянием опьянения; это наиболее выпукло выявлено случаями пьяного буйства и бесчинства первой группы.

По Рог-де-Фюрзак, предрасположение к пьянству является функцией общего предрасположения к нервно-психическим расстройствам. Данные Тукцека говорят о том, что 70% алкоголиков, особенно между криминальными формами алкоголизма, делают таковыми на основе врожденного или приобретенного предрасположения. В большинстве наших случаев имеются основания допустить унаследованный характер этого предрасположения; по меткому замечанию Л. Лавастина, «родители поели зеленого винограда, а у детей оскомина на зубах».

Различные психопатические черты, свойственные этим предрасположениям, как-то: повышенная возбудимость, расстройство настроения, внутреннее напряжение и т. д.

являются естественной почвой для возникновения привычного пьянства (Б и р н б а у м), но эта же самая патологическая почва обуславливает у них своеобразные состояния опьянения и реакции. Мы не будем здесь касаться классического патологического опьянения, ибо установление его всегда требует более или менее точных и свежих данных; отметим лишь, что описание этих состояний некоторыми из наших правонарушителей подозрительно и в этом отношении: «проснешься в милиции, дрожись, ничего не помнишь», говорит Кар. (случай 3-й); в свою очередь Кир. (случай 13-й), по рассказам очевидцев, описывает картину разрушительного гнева и ярости с сокрушением всего встретившегося на пути в связи с тем, что его, пьяного, грубо толкнули и разбудили. Далеко не каждое опьянение психопата или душевно-больного должно носить характер патологического, говорит А ш а ф е н б у р г, но он же отмечает облегченное появление у психопатов состояний опьянения, остающихся в пределах «обычного», но бесспорно выявляющих патологическую почву, на которой они возникают. Эти состояния опьянения, по Б и р н б а у м у, у психопатов характеризуются несоразмерностью проявлений банального опьянения: устойчивость социального приспособления теряется, едва заметное психопатическое предрасположение делается преобладающим, естественно возникают алкоголь-окрашенные криминальные реакции.

Обращаясь к нашим случаям, мы подчеркиваем наличие агрессивности в их состояниях, очень часто устанавливаемый и в роду (в 11 случаях) — эта агрессивность сопровождается гневными или злобными аффектами, возникающими по ничтожному поводу; в других случаях опьянения — судорожные проявления, истерические кризы, самоистязание, плач, все преимущественно двигательные моменты. Черты этих состояний, сближают их с особой разновидностью патологического опьянения, в котором преобладает двигательный элемент; в описании Б и р н б а у м а, это состояние патологически повышенной аффективной возбудимости и усиленной готовности к двигательным разрядам большой силы и высоты. Требуется ничтожный повод, незначительное психическое раздражение, чтобы прорвалось яростное возбуждение и появились непременно агрессивные действия, главным образом, в форме нападения на представителей власти; один из цитируемых Б и р н б а у м о м психопатов, то неоднократно интернировавшийся, то осуждавшийся, получил даже врачебное удостоверение о том, что он «имеет обыкновение в состоянии опьянения без всякого повода оскорблять полицейских».

Этим мы ограничимся для иллюстрации того положения, что, как унаследованная нашими правонарушителями психи-

ческая неуравновешенность, обнаруживающая себя между прочим и во влечении к алкоголю, так и неизменно агрессивный характер свойственного им опьянения свидетельствуют об их общей неполноценности, о наличии у них психопатических предрасположений.

Хотя в некоторых случаях—3-й, 4-й, 5-й отмечаются черты начинающейся алкогольной деградации, но кроме С. (5-й случ.), где картина упадка осложняется энцефалитом, ни в одном случае хронический алкоголизм не затмевает основных, несомненно, больных особенностей личностей, существовавших в менее резкой степени и до хронического пьянства, и родственных таковым у лиц, алкогольно не деградировавших.

Для качественного определения наиболее выпуклых психопатических черт, обратимся к случаям 2-й группы, менее пропитанным алкоголем. Здесь все вращается вокруг основного стержня, наиболее социально-опасного, а потому и наиболее бросающегося в глаза — взрывчатости, чрезмерно облегченного появления аффективных состояний по ничтожному поводу, с двигательным разрядом наружу—это аномальная черта в равной степени отмечается в 16-ти случаях; она прощупывается с детства, улавливается в семье, ведет к более или менее агрессивным реакциям.

Психопатических личностей с подобным складом охватывает группа «возбудимых» Крепелина, Ашаффенбурга, «взрывчатых (эксплозивных)» К. Шнейдера, «импульсивных насильников» Баэрса. Часть наших случаев — четыре из второй подгруппы (случаи 15-й, 16-й, 17-й, 18-й) в основном хорошо укладываются в рамки возбудимых, взрывчатых психопатов. В этих случаях основной тон скорее веселый, бодрый; общий психический темп живой, аффективные вспышки сокрушительны, особенно в связи с алкоголем, но нет злобности; эти лица экспансивны и доступны. Как всегда у психопатов, имеются черты смежных психопатических групп—значительная склонность к лживости (псевдология—случай 15-й); кверулянтная (сутяжная) аффективная логика, резонерство (случай 16-й, 17-й, 18-й); случай—В. Е. стоит как бы на границе к первой подгруппе—у него отмечается некоторая тяжеловесность психики, склонность к удерживанию злобной окраски настроения (брат его А. Е.—случай 13-й, этот 18-й отнесен в первую подгруппу). Характерно, что хулиганские действия здесь носят не столько агрессивный, сколько озорной характер—особенно типичен в этом отношении А. (случ. 15-й).

Как бы то ни было, аффективные вспышки у этих лиц носят патологический характер,—они являются ранней

и стойкой особенностью их личностей, возникают вне соответствия с раздражением и сопровождаются распространением нервного возбуждения.

Остальные случаи, выявляющие меньшую взрывчатость, характеризуются иным аффективным складом. Если исходить из ядра наиболее типических случаев—2-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, то прежде всего бросается в глаза настойчивость, упрямство, малая доступность, доходящая до болезненного противодействия; господствующий неприятный тон настроения—от недовольства до озлобленности, стойкой мрачности и угрюмости: «тихоня», «трезвый, как теленок», но «упрямый, хоть бей, режь его, сделает по-своему», неоднократно говорили нам как о самих правонарушителях, так и об их ближайших родственниках; под оболочкой такой тишины закипают аффекты, от времени до времени бурно проявляющиеся: «откажешь в чем-нибудь, он как-то по-особенному крякнет и уйдет», говорили о «тихоне» А. Е.; так же грозно тих и его отец, не сразу охватывающий вопрос, отвечающий лаконично, обнаруживающий бурное волнение густым приливом крови к голове, неожиданной скупой слезой (в момент, когда жена его утверждала, что младший сын его копия). Долго молчал и отец И. (случай 14-й), а заговорил, чтобы злобно проклинать сына, подобных которому, по его мнению, нужно уничтожать; заговорил, чтобы похвалиться своей любовью к тишине и порядку. Все это производит впечатление грузной, тяжеловесной психики, густых, вязких аффектов, нарастающих медленно, проявляющихся в начале лишь вазомоторно (покраснение, побледнение лица и т. п.), а затем бурно разрывающихся. У некоторых выступает умственная недостаточность (случаи 9-й и 10-й), у других злобность, жестокость, постоянная агрессивность (случай 13-й). Существенно, что в их телосложении преобладает мускульный тип с диспластическим налетом: в общем облике бросается в глаза неуклюжесть, часто грубая интонация... Естественно, что эти черты мы относим к эпилептоидному кругу, родственному эпилепсии (Вильманс, Брац-Лебушер, Минковский).

Объединяя индивидуально-психиатрическую оценку случаев находим: 15 неполноценных личностей из 19: из них—9 эпилептоидов, 4 возбудимых, 1 дебил; 4 случая—в пределах нормы.

Означенная оценка не может иметь значения твердой клинической диагностики,—слишком сложна и далеко еще не закончена глава психопатий; в распоряжении рядового исследователя имеются пока лишь очень широко клинически

очерченные круги, охватывающие, быть-может, по существу и не вполне однородные особенности личности. С этой оговоркой мы подчеркиваем роль психопатических черт эпилептоидного и взрывчатого ряда, умственной неполноценности в выявлении злостно-хулиганского поведения.

Это утверждение ни в какой мере не противоречит строжайшей обусловленности хулиганства вообще, злостного хулиганства, в частности, социально-бытовыми моментами, но оно пытается заполнить пробел, указать то направление наименьшего сопротивления, по которому избирательно действуют социальные механизмы.

Какое же отношение имеет наш вывод о наличии неполноценных личностей среди злостных хулиганов к той ударной кампании, которая в настоящее время проводится органами суда и советской общественностью? Нам представляется, что он с пользой может быть учтен на всех фронтах этой борьбы.

В совместной работе суда и психиатрической экспертизы в большинстве случаев достигнута полная договоренность по вопросу о вменяемости психопатов, при условии, что этот вопрос ставится под углом зрения социальной целесообразности в плоскости наиболее рационального применения тех или иных мер социальной защиты в каждом отдельном случае. Вспомним эволюцию, проделанную в оценке психотравматиков войны («контуженные»); содержание их претензий, непосредственные мотивы их анти-социального поведения были насквозь социально обусловлены, что однако не исключало того факта, что наиболее упорные криминальные действия травматиков развивались на психопатической основе; опыт показал, что твердая линия признания их вменяемыми имела большое значение в устранении установок на безнаказанность, которая до того формировалась в их сознании. Личность психопата-пограничника образована сплетением здорового и больного; аномальные элементы делают ее иногда особо социально-опасной, элементы здоровые—допускают применение к ней общих мер социальной защиты. В отношении психопатических злостных хулиганов должна быть проведена та же твердая линия. Разумеется, и здесь необходимо индивидуализировать отдельные случаи; эта индивидуализация особенно показана в пределах пенитенциарных учреждений, в смысле особого исправительно-трудового и врачебного воздействия в период отбывания наказания.

На разворачивающемся фронте борьбы Советской общественности с хулиганством, особенно напряженного внимания требует своевременное обнаружение и воздействие на лиц наименее устойчивых, наиболее предрасположенных к асо-

циальному поведению, еще до их вступления на путь правонарушений. Это может быть достигнуто совместными усилиями педагогов, общественных работников и врачей. Личность психопата отнюдь не обречена на антисоциальное существование; очень часто она удерживается в рамках нормальной социальной жизни при условии стойкого и постоянного воздействия на нее окружающей среды.

Наконец, и в особенности, на решающем фронте борьбы за трезвый быт трудящихся—необходимо особенно учесть роковое, провоцирующее значение алкоголя для выявления психопатий, что еще лишний раз ярко выявлено обследованными случаями.

Деревенская поножовщина.

Материалом для изучения деревенской «поножовщины» послужили приговоры Московского Губсуда за 1925 и 1926 гг. (по июль месяц включительно). Приговоров всего около 66, по которым ссуждено около 150 человек, при чем эти деяния квалифицируются по ст. 149 (нанесение тяжелых телесных повреждений), а нередко и по ст. 142 (убийство). «Поножовщина» наиболее тяжелая форма хулиганских деяний, в результате которой наносится потерпевшему тяжелые телесные повреждения, часто кончающиеся смертью. Этим объясняется то казалось бы незначительное, с первого взгляда, количество осужденных лиц. Однако, и это количество осужденных лиц говорит о наличии большой социальной опасности «поножовщины».

То обстоятельство, что хулиганские деяния, относимые к «поножовщине», квалифицируются не по ст. 176, а главным образом по ст. 149, говорит о сложности понятия хулиганства.

Объекта хулиганских деяний, точно фиксированного, не существует, ибо хулиганские деяния имеют своим объектом не только личные и имущественные блага любого гражданина, но и общественный порядок.

Для «поножовщины» характерно со стороны объективной—результат деяния, но не орудие преступления, ибо таким может быть не только нож, но и кол, и кулак. Название «поножовщины» эти тяжелые формы деревенского хулиганства носят весьма условно, ибо нож, как орудие преступления при совершении этих деяний является весьма характерным признаком, но не обязательным. Однако этот термин мы оставим, ибо он глубоко укоренился в быту и в судебной практике.

Примером «поножовщины» является следующий случай: (выдержка из приговора) «23 апреля 1925 г. граждане Савельевы Михаил и Сергей пришли на гулянье в дер. Шиба-

ново. Вечером около 11 час. означенные граждане, будучи в нетрезвом состоянии с кем-то, точно следствием не установлено, поспорили. На шум случайно подошел Сизов Ефим, 58 лет, который предложил не шуметь. Тогда Савельевы Михаил и Сергей набросились на Сизова и нанесли ему кинжалом две колотых раны»; или еще другой случай: «Вечером 21 июля 1925 г. компания подвыпивших молодых людей из дер. Редькино... в числе которых был гр. Ф. направились на свадьбу-вечеринку, в дер. Тяжино... Там Редькинские молодые люди вели себя непристойно, позволяли себе выражаться в присутствии гулявших женщин неприличными словами»... У дома гр. П., где происходила вечеринка, в конце-концов произошла свалка, в коей участвовали и Редькинские и Тяжинские парни. Гр. К. останавливая В. схватил его за рукав, но тот оттолкнул его, после чего отправился за председателем сельского Совета, в каковой момент В. на глазах свидетеля К. ткнул в живот (ножом—Б. М.) стоявшего у угла дома гр. Ф...

Данные хулиганские деяния являются типичными для «поножовщины», ибо как в первом, так и во втором случае, мы видим отсутствие всякого корыстного момента, отсутствие всякого стремления извлечь какую-либо материальную выгоду.

Преобладающую роль в изучаемых преступлениях играют, конечно, крестьяне; рабочие, если и попадают, то весьма редко. Так же редко попадают члены ВКП(б) или ВЛКСМ. Выяснить, к каким слоям крестьянства принадлежат обвиняемые, нам не удалось.

По временам года данные преступления распределяются следующим образом: процент совершаемых преступлений больше всего летом и осенью, а именно 68%. В зимние и весенние месяцы процент совершаемых преступлений равен—32%. Столь высокий процент совершаемых летом и осенью преступлений объясняется тем, что на летние месяцы падает наибольшее количество праздников. а данные преступления совершаются почти исключительно в праздники, затем осенью молодежь имеет больше свободного времени. В это же время происходят, главным образом, свадьбы. Помимо того, этот период является периодом реализации урожая, что создает материальную возможность большего потребления алкоголя, и, стало-быть, это оказывает стимулирующее влияние на рост преступности против личности вообще, и на рост «поножовщины» в частности.

Чрезвычайно незначителен процент совершаемых преступлений в весенние месяцы 6,5%. Это обуславливается тем, что этот период является ударным для деревенской

экономики, когда крестьянин бросает все свои силы на обработку и обсеменение своих полей.

Что же касается полового состава, то женщины в совершении этих преступлений совершенно не принимают участия, что и вполне естественно при столь тяжелых формах преступности, когда требуются значительная физическая сила.

В возрастном отношении наибольшую «опасность» представляет возраст от 21 до 25 лет. Процент совершаемых преступлений в этом возрасте наибольший—32,5%, в то время как процент совершаемых преступлений в возрасте свыше 25 лет равен—26,5%. Столь же значительный процент совершаемых преступлений происходит в возрасте от 18 до 20 лет, а именно—27%. Падающий же на возраст свыше 25 лет процент совершаемых преступлений значительно ниже; так в возрасте от 26 до 30 лет—10,5%, в возрасте от 31 до 40 лет—7%, и в возрасте свыше 40 лет—5%.

Довольно значительный процент совершаемых преступлений происходит в возрасте от 18 лет, а именно—14%.

Таким образом, основным кадром, пополняющим ряды «поножовщиков» является молодежь до 25 лет; процент совершаемых в общей сложности всей молодежью преступлений равен—73,5%.

Что же касается судимости, то из известных случаев подавляющее большинство несудившиеся, а именно 85%. Из судившихся привлекались по следующим видам преступлений: за хулиганство привлекалось к ответственности—43%, за дезертирство—29%, за самогоноварение—14% и такой же процент за кражи.

Подавляющее большинство по семейному положению являются холостыми, процент их равен—75%.

При исследовании зависимости между возрастом и судимостью в прошлом, мы наблюдаем следующее: среди женатых отсутствует судимость за хулиганство, но зато преобладает дезертирство, тогда как среди холостых преобладают судимости за хулиганство, хотя имеются также судимости за самогон и кражи.

Как уже упоминалось выше, хулиганство в форме «поножовщины» характеризуется весьма тяжелыми последствиями. Так, из числа исследованных случаев 56% потерпевших в результате наносимых им ран умирало, 29%—получило тяжелые телесные повреждения и 15%—легкие телесные повреждения.

Из исследованного числа осужденных 64% принимало участие в тех случаях «поножовщины», которые кончались смертью для потерпевших, 26%—принимало участие в тех

случаях «поножовщины», которые для потерпевших кончались нанесением тяжелых телесных повреждений и 10% — легких телесных повреждений. Таким образом, 90% обвиняемых принимали участие в тех случаях «поножовщины», которые для потерпевших кончались или смертью или нанесением тяжелых телесных повреждений.

При исследовании зависимости между возрастом и результатом хулиганских деяний выясняется следующее: потерпевшим причиняется смерть чаще всего осужденными в возрасте от 18 до 20 лет. Затем, частота смертных случаев, наносимых потерпевшим обвиняемыми в возрасте от 21 до 25 лет, равна—28%, а в возрасте—до 18 лет—18%.

Таким образом молодежь, в результате наносимых потерпевшим телесных повреждений, дает смертных случаев—76%.

Зависимость между возрастом и наносимыми тяжелыми телесными повреждениями, мы наблюдаем так же: самый «опасный» возраст в этом отношении от 18 до 20 лет и затем возраст от 21 до 25 лет. При этом в возрасте от 18 до 20 лет частота наносимых потерпевшим тяжелых телесных повреждений равна 25%, а в возрасте от 21 до 25 лет—31%. В одинаковом положении в этом отношении находятся возрасты до 18 лет и от 26 до 30 лет, здесь процент наносимых телесных повреждений равен—14%.

Таким образом, на молодежь приходится опять-таки самый значительный процент наносимых тяжелых телесных повреждений, а именно в общей сложности—70%.

Что же касается легких телесных повреждений, наносимых потерпевшим, то здесь мы наблюдаем прямо противоположную тенденцию: если при причинении потерпевшим смерти и также тяжелых телесных повреждений, самую активную роль играет возраст от 18 до 20 лет, то здесь мы видим другую картину, а именно: в возрасте до 18 лет процент наносимых потерпевшим легких телесных повреждений равен 8%, в возрасте от 18 до 20 лет—14%, в возрасте от 21 года до 25 лет—64%.

Таким образом, чем старше возраст, тем более наблюдается со стороны осужденных рост легких телесных повреждений.

Орудия преступления в исследуемых деяниях применяются, главным образом, следующие: финские ножи, простые ножи, гири, зубила, различные «железки» и колы. Нередко потерпевшего избивают также ногами и кулаками. Число лиц, которым были нанесены ножевые раны, равно 49%, колами же—31% всех потерпевших.

Таким образом 82% потерпевших повреждения нанесли ножами, «железками», зубилами или колами. И это обстоятельство особенно подчеркивает социальную опасность «поножовщины». Этим же объясняется и тот высокий процент тяжелых телесных повреждений, которые являются результатом применения подобных орудий. В некоторых местностях стало уже обычным явлением, что отправляющийся гулять парень на всякий случай захватывает с собой эти орудия. И на вечеринке или на свадьбе при первой же ссоре сейчас же пускаются они в ход.

Следующим моментом весьма характерным для деревенской «поножовщины» является то обстоятельство, что громадное большинство этих деяний совершается не в одиночку, а «скопом»—группами: число лиц, участвовавших в преступлениях, совершаемых группами, равно—74%.

Деревенская «поножовщина» происходит, главным образом, во время гулянья молодежи по улице, на свадьбе, вечеринке и посиделках. 70% совершаемых данных преступных деяний, происходит на улице. При чем здесь наиболее активное участие принимает возраст от 21 до 25 лет и только немногим ему уступает возраст от 18 до 20 лет. Так в первом случае количество уличных «поножовщиков» равно—32%, а в втором случае—27,5%. Если же взять все молодые возрасты, то участие молодежи в возникающих на улице хулиганских деяниях, точнее в «поножовщине» равно—74%.

Хулиганство, возникающее на улице, выливается в самые различные формы. Примером таких хулиганских деяний может быть следующее дело: «В престольный праздник в с. Корилово гуляли крестьяне... В деревню пришло трое молодых людей из деревни Михайлово гулять. Придя они начали хулиганить, приставали к гр. Комракову и Калачеву, которые гуляли со своими женами... И когда Калачев им заметил, чтоб они не хулиганили и не приставали к женам и шли бы своей дорогой гулять, и затем одного из них, Герасимова, толкнул, то после этого Герасимов с «Филькой»—своим товарищем, пройдя вместе с Калачевым шагов 20, выхватил финский нож и ударил Калачева в живот, а сам сбежал, после чего Калачев вскоре скончался».

17% совершаемых преступлений происходит на свадьбах и вечеринках. Из всех возникающих здесь преступных деяний 50% приходится на возраст от 21 г. до 25 л., и 32% на возраст от 18 до 20 лет.

Возникают эти преступления при самых различных условиях. Так нередко, когда парень начинает хулиганить, то в ответ на предложение кого-либо прекратить дебош, он наносит последнему удар ножом, обычно в живот. Когда на вечеринку приходят парни из другой деревни, то между

ними и местной молодежью возникает ссора, оканчивающаяся свалкой.

Нередки случаи поножовщины на свадьбах. В то время, как в доме происходит свадьба, молодежь, не приглашенная на свадьбу, собирается в сенях дома и начинает требовать самогона, и в случае, если последует отказ, немедленно начинают бить посуду, ломать столы, стулья, бить окна и избивать хозяина дома, нередко наносятся при этом ножовые раны. Примером этого может служить следующее дело: (выдержка из приговора) «в день праздника Троицы к гр. Соколову пришли гости, в том числе были два брата Кузнецовы, Дмитрий и Алексей, каковых Соколов угостил вином, а потому у них с Кузнецовым вышли прения из-за закуски, после чего Кузнецовы и бывший в их кампании гр. Булочников вышли от Соколова и пошли домой. Пройдя до самого края д. Кобылино, Кузнецов, Дмитрий и Булочников присели у одного стога сена на краю деревни и стали дожидаться Кузнецова, Алексея. В это время подбежал гр. Соколов, Чудаков, Безруков и Стихарев, вооруженные кольями. Соколов первый ударил Кузнецова Дмитрия колом по голове и другим частям тела, чем нанес тяжелые ранения Кузнецову... Допрошенные на судебном следствии... обвиняемые Кобыдев, Чудаков и Безруков признали себя виновными в пред'явленном им обвинении и пояснили, что... они зашли в дом гр. Соколова для того, чтобы позвать его сына гулять... Гр. Соколов угостил их бражкой и просил, чтобы они с ним вместе подсобили отомстить гр. Кузнецову, который ушел от него, на что последние все согласились и пошли вместе с Соколовым... по пути взяли по колу. Затем, увидев на краю деревни гр. Кузнецова, сидевшего с Булочниковым, подошли к ним. Соколов первый ударил колом Кузнецова... и они (Кобыдев, Чудаков, Безруков) тоже стали наносить колом побои Кузнецову, совершая это по просьбе Соколова за чарку бражки, поднесенную им, чтобы избить Кузнецова».

Одной из наиболее опасных форм, в которые выливается деревенская «поножовщина»,—является «стенка». Тут драки уже происходят не между парнями одной деревни, а между молодежью различных деревень. Обычно гуляющая молодежь местной деревни начинает «приставать» к парням другой деревни, так как их приход «не понравился» местной молодежи, и в результате возникает драка, в которой пускают в ход «финки», зубила и прочее. Иногда приходящая молодежь, наоборот, сама начинает драку с местными парнями. Иногда же совместное гулянье молодежи различных деревень мирно протекает на вечеринке, но под конец гулянья парни одной деревни начинают сговариваться о том, чтобы побить—«игнатьевских», в ре-

зультате чего происходит жестокая свалка, обычно кончающаяся тяжелыми ранениями и смертью потерпевших.

Характер «стенок» может быть выявлен на следующих примерах: (выдержка из приговора) «около церкви Дмитрия Солунского между деревнями Плоскино и Бисерево, ежегодно в этот день устраиваются кулачные драки (стенки). В этом году драку начал гр. Б., при чем в драке участвовали взрослые крестьяне и молодежь».

Насколько подчас эти «стенки» рисуют нам дикую картину пережитков прошлого, можно судить по следующему делу: «в дер. Бисерево по случаю праздника пришли гулять молодые люди из д. Кузнецово... В 6 часов вечера вышеуказанная компания собралась уходить домой, но Бисеровские девицы уговорили их остаться потанцевать. После того, как Кузнецовские молодые люди решили остаться гулять с девицами, к ним тут же начали приближаться с кольями в руках подвыпившие гр. д. Бисерево... с криком «бей Кузнецовских». Видя опасность Кузнецовские парни бросились бежать по направлению д. Юрово. Выбжав за деревню Бисеровские ребята начали нагонять Кузнецовских, при чем отставшего от своих товарищей гр. К. Бисеровские сбили с ног, после чего Кузнецовские, встав в защиту К. с кольями в руках, отбив К., опять обратились в бегство.

Гр. М., отделившись от компании Бисеровских, начал преследовать Кузнецовских парней и догнал их до опушки леса, где Кузнецовские с кольями в руках повернули на М. и начали наносить ему удары, после чего, видя, что Бисеровские спешат ему на помощь, скрылись. Когда компания Бисеровских подбежала к месту, где лежал М., то Кузнецовских уже не было,—при осмотре М. оказался мертвым».

Иллюстрацией того, какие правила существуют при проведении «стенок» могут служить те сведения, которые были даны заключенным Криминологической Клиники при Московском Кабинете по изучению личности преступника и преступности—гр. К.: «стенки»—говорит он—проходят по старым, уже в обычае установившимся правилам. Так, на рубеже сходятся две деревни, одна против другой; первыми в драку идут малолетние от 10 до 15 лет, затем следующей «колонной», идущей в бой, являются холостяки, и затем, когда драка становится особо ожесточенной, то тогда в бой вступает «старая гвардия» женатые.

Между прочим, на масленицу в гости к «тещам» приезжают «зятья». Приезжают провести праздники в ту деревню, откуда они взяли своих жен. И во время этих праздников, если возникает драка между той деревней, в которую «зять» приехал гостить и его деревней, где он постоянно проживает, то в этой драке «зять» всегда становится на сторону своего села, ибо «он должен защищать интересы своего села». Та-

ким образом, в драке «зять» выступает против родных своей жены и в глазах последних авторитет «зятя» растет или падает в зависимости от той храбрости и удали, которую он проявляет в драке.

Стороны до тех пор не начинают драки, пока не появятся наиболее отчаянные драчуны, которые имеются в каждой деревне по 5—6 человек. Они-то и придают уверенность в победе и отвагу своим односельчанам. Если они по какой-либо причине отсутствуют, то драка никогда не начинается.

Обычно, после окончания драки начинается горячее обсуждение, кто больше кому «наложил», и тогда, чтобы еще раз продемонстрировать силу какой-либо деревни, один из ее наиболее отчаянных «бойцов» выступает против другой деревни (на рубеже) и требует «любака», т.-е. предлагает любому выступить против него и померить свою силу.

Гр. К., дающий эти сведения, является крестьянином—бедняком Владимирской губ. с. Палашки,—он указывает, что «стенки» у них имеют место, главным образом, на масленице. Сам он сознает «дикость» этих драк, о чем даже писал, как он говорит, в местную стенную газету, однако, когда сам увидит такую драку, то начинает так дрожать, что не может «свернуть папироску» и немедленно принимает самое активное участие в разгоревшейся драке; и лишь после того, когда получит несколько синяков и разобьет нос или губу кому-нибудь, лишь тогда чувствует себя спокойным и облегченным. Небезынтересно отметить, что гр. К. является активным общественным работником в своем селе; так, он при избечитальне организовал драмкружок, был председателем последнего и принимал активное участие в местной стенной газете. Кроме того, он помогал в работе ячейке ВЛКСМ.

Гр. К. указывает, что эти драки, заведенные исстари, еще крепко держатся среди местного населения. Для деревни такие драки являются большим развлечением. Обыкновенно, когда происходят драки между большими деревнями, с'езжаются на масленицу жители мелких деревень, чтобы «поблудать» знатной дракой.

И те «бойцы», которые проявили больше всего удали, пользуются большим авторитетом, а особенно у девушек, которые в таких случаях бывают особенно внимательны к последним.

В дореволюционное время такие драки организовывались приезжавшими из Москвы богатыми подрядчиками и купцами. Последние, приезжая, поили водкой все село и затем издали наблюдали разгоравшуюся драку. Если же случалось, что в какой-либо год такой подрядчик не приезжал, то на общем сходе крестьян, нередко, выносились решения о продаже «уголка» леса и за вырученные от продажи деньги устраивалась попойка, а затем и побоище.

С начала империалистической войны по 1923 г. эти драки прекратились, но уже начиная с 1923 года они опять появились и теперь происходят ежегодно. «И теперь в Москве, если зайти в столовую МСПО на Земляном валу,—говорит К., то там всегда можно увидеть много владимирских маляров, плотников и проч., приезжающих на заработки, и отличить их сразу легко по тому изобилию синяков, которыми усеяны их лица».

Вопрос о причинах преступности исследуемого вида является весьма сложным, ибо экономические факторы преступности здесь не посредственной роли не играют; как это указывается в одном приговоре «Гр. М., совершая указанное преступление, действовал не под влиянием нужды или голода». Непосредственные причины «поножевщины» связаны с бытом деревни и в наши дни сказывается исторический груз прошлого: «мертвый хватает живого».

Если развивающаяся классовая дифференциация все точнее отчеканивает идеологию различных группировок в крестьянстве, то зато процесс революционизирования быта идет значительно более замедленным темпом. И старый быт еще крепко держится в сегодняшних условиях. Быт является одним из тех напластований в идеологии масс, который в наименьшей степени подвергается ломке в условиях современной революционной обстановки. Поэтому борьба за перестройку быта является одним из самых трудных участков культурного фронта. Низкий же культурный уровень деревни, невежественность и архаичность быта является результатом тех социально-экономических условий, в которых находилось крестьянство в историческом прошлом. Что же касается вопроса о непосредственных причинах данной преступности, то здесь огромную роль играет алкоголь. Почти все преступления при «поножевщине» совершаются в состоянии опьянения.

Вместе с тем, слабость, а иногда и полное отсутствие культурно-просветительных организаций в деревне, не предоставляет возможности для деревенской молодежи разумного использования свободного времени. Вот почему для деревенской молодежи в качестве единственной формы развлечения служат—свадьбы, вечеринки и посиделки.

Таким образом, избыток сил деревенской молодежи из-за отсутствия в деревне разумных форм развлечения часто направляется не по правильному руслу и поэтому активность молодежи выливается в отрицательные формы.

В связи со слабой культурно-просветительной работой, а иногда и полным ее отсутствием в деревне—наблюдается у некоторых слоев молодежи уклонение от революционных перспектив, упадочность настроений, что нередко ведет прямой дорожкой на путь хулиганства.

Однако, коренной социальной основой хулиганства вообще и «поножовщины» в частности является частно-собственническая, мелко-буржуазная экономика, следствием которой является также и консерватизм быта. Эта хозяйственная разобщенность, противоречивость хозяйственных интересов обуславливает отсутствие спайки, хотя бы между парнями соседних деревень. И это отсутствие в психологии деревенской молодежи начал коллективизма, товарищеской солидарности приводит к возникновению «стенок», в которых молодежь различных деревень выступает как две враждебные стороны.

Новые кадры рабочего класса, которые теперь недавно влились в производство, принесли с собой прежние собственнические навыки, мелко-буржуазную психологию и это значительно повлияло на рост хулиганства в городе. «Все эти слои («новых рабочих»—Б. М.) несут с собой отсталую психологию и мелко-буржуазную идеологию. Через них (конечно, не только через них) просачивается влияние мелко-буржуазной стихии; несомненно, например, что рост хулиганства, антисемитизма (курсив наш—Б.М.) и т. п. идет как раз на основе развращающего влияния мелко-буржуазной стихии». («Правда»—15 сентября 1926 г.). Этим и объясняется, в некоторой степени, повышение волны хулиганства в городе, ибо этими путями хулиганство из деревни «растет в город».

Таким образом, «поножовщина» имеет в своей основе глубокие корни в деревенской экономике. Постепенная перестройка крестьянского хозяйства на коллективных началах может только повести к радикальной переработке деревенского уклада жизни и деревенского быта. Однако, экономического «хвостизма» здесь быть не должно, и советский аппарат может всеми имеющимися в его распоряжении силами и методами, ускорить этот процесс переработки деревенской психологии.

Карательную политику в отношении «поножовщины», имеющемуся в нашем распоряжении материалу, можно разбить на 2 этапа: первый период—1924—1925 г. и второй—конец 1925 г. и текущий год (1926).

Между этими двумя периодами существует резкое различие. Так, в первом периоде, когда «поножовщина» не была явлением массовым, суд довольно мягко относился к обвиняемым, тем более, что почти все они были с первой судимостью и принадлежали в основном к трудовому крестьянству.

Поскольку эти деяния являлись единоличными, постановление в отношении обвиняемых суд шел по линии смягчения при применении мер социальной защиты.

Этим и объясняется то обстоятельство, что момент хулиганства в совершенном преступлении иногда рассматривался, как момент смягчающий, в виду его бесцельности и безмотивности в смысле извлечения какой-либо материальной выгоды.

Примером подобной постановки вопроса может служить следующее дело (выдержка из приговора): «З. и К. знакомы друг с другом не были... 4 окт. как З., так и К. оба находились в состоянии опьянения. Около 10 час. вечера К. направился вместе с гражд. Кузьминой в кино и на конце д. Ботино они увидели группу граждан. Подойдя к этой группе, К. осведомился у стоящих, о чем они перешептываются. На этой почве между К. и одним из группы... начались пререкания. Однако, никто никого в это время не трогал. Стоявший же в группе гражданин З. схватил лежавший около сруба обрезок бревна и ударил К. по голове». «Вследствие удара через 5 дней К., не приходя в сознание, скончался». «Учитывая же исключительное обстоятельство, при коем имело место данное преступление, так как К. и З. даже не знали друг друга и не пререкались между собой, а также и что З. ранее никогда не судился,—губсуд считает возможным, в силу ст. 28 УК, определенное З. наказание понизить»... Но, помимо того, что иногда момент хулиганства рассматривался, как момент смягчающий ответственность данного лица,—имело место довольно частое применение 28 ст. УК, основаниями которой, обычно являлись: первая судимость, малосознательность и невежество, молодость, классовая принадлежность, честная трудовая жизнь в прошлом, служба в Красной армии и прочее.

Что же касается применения ст. 36 УК, то оно значительно уже, а именно ст. 36 применялась к 3 % осужденных. Примером того, насколько широки основания были для применения 28 ст. УК, может служить следующее дело: «гр. А., придя вместе с компанией молодежи из с. Введенского в с. Козино 15-го июня 1925 г., в возникшей между молодежью этих деревень ссоре, перешедшей затем в драку, ударом чурку-поленом по голове не участвовавшего в драке гр. с. Фуниково—М.,—нанес ему тяжелые телесные повреждения». Суд приговорил: «по 1 ч. 149 ст. УК—подвергнуть лишению свободы без строгой изоляции сроком на 3 года»... «Оценивая личность обвиняемого, служившего в рядах Красной армии, ранее несудившегося, являющегося трудовым крестьянином,—губсуд считает возможным применить к нему 28 ст. УК, в силу коей определенное А. наказание

понизить до 1 года лишения свободы» (курсив наш—Б. М.).

Однако, во втором периоде развития карательной судебной политики в отношении «поножовщины» мы наблюдаем резкие изменения, ибо в это время хулиганство вообще, и «поножовщина» в частности, становится явлением массовым. В это же, между прочим, время возникают и самосуды, как реакция на терроризирование населения хулиганами, которое имеет место в некоторых деревнях. Так, например, в д. Михалево группа крестьян решила отомстить Д. за его неоднократное хулиганство. С этой целью они напали на Д. и начали его избивать кольями и поленьями. В результате нанесенных тяжелых телесных повреждений последовала смерть Д. Затем бывают случаи, когда возмущение населения против хулиганов, достигает такой степени, что быют в набат, сбегается все село и расправляется с хулиганами. Примером подобной картины самосуда может служить дело Маслова и др.: (выдержка из приговора). «По селу Раймор проезжали на лошади мужчина и женщина, каковые остановлены были хулиганами Российским и Тарулиным, которые начали избивать проезжающих без всяких на то поводов». «К моменту избияния на улице вышел из дому гр. Ростовский и стал уговаривать хулиганов бесчинство прекратить, за что Российский ударил по виску Ростовского». «Вскоре Ростовский ударил в набат» и затем «все село бегало и разыскивало хулиганов»; «один из хулиганов—Российский был достигнут бегущим в овраге, где ему нанесены умышленные тяжкие телесные повреждения, повлекшие за собой через несколько часов смерть». «Следствием на суде и предварительным установлено, что в овраге... телесные повреждения ему (Российскому—Б. М.) наносили: Маслов — 4 раза колом по голове и 1 раз по глазу, Ростовский Александр—1 раз по губам кулаком и 1 раз камнем по тому же месту, Крылов — колом по голове, Букарев В. — несколько раз колом по голове, Букарев Ф.—камнем по лицу, Марков—2 раза камнем по голове, Ковалев сидел верхом на Российском и наносил удары по голове кулаком, Козлов—4 пинка в лицо»...

Между прочим, интересна мотивировка самосуда обвиняемым по другому делу: «у нас умышленного убийства не было, а было только намерение проучить за хулиганство».

Таким образом, самосуды тоже явились в некотором отношении показателями особенно возросшей волны хулиганства. И изменение социальной динамики последнего сейчас же учитывается судом. Так, например, о необходимости усилить репрессию, в одном приговоре говорится следующее: «В Воскресенском уезде, Моск. губ., с 1925 г. и по настоящее время развивалось хулиганство, которое осо-

бенно в Павловской и Пятницкой волостях, приняло угрожающие размеры. Драки и «поножовщина» в дни престольных и других праздников церковных, а также по случаю свадеб, похорон и крестин, сопровождающихся пьянством, зачастую кончаются тяжелым увечьем, даже смертью отдельных граждан как участников скандалов, так и совсем неповинных, попавших под горячую руку хулиганов. Первое место в этих хулиганских выходках принадлежит молодежи, которая старательно избегая очаги культуры и просвещения—избы-читальни, клубы и др. объединения молодежи,—принимает живое участие в сопровождающихся пьянством и разгулом на «домовалках» и другого рода вечеринках». И в дальнейшем со все большим ростом социальной опасности этих деяний, судьи уже в приговорах отмечают опасность «поножовщины» и указывают, что борьба с этими явлениями необходима суровая; так; например, в одном приговоре говорится: «принимая во внимание, что хулиганство и поножовщина, доходящие до убийства, в деревнях Московской губ. в последнее время принимают угрожающие размеры, и с этим явлением необходимо бороться самым решительным образом». (Курсив наш—Б. М.).

Здесь указывается, что с хулиганскими деяниями необходимо «бороться самым решительным образом», и потому момент хулиганства в том или ином преступлении должен рассматриваться как момент отягчающий, ибо, в противном случае, задачи общего предупреждения преступлений, столь важные в данном случае и в данный момент,—не достигались бы. Интересны, с точки зрения общего предупреждения, те моменты в приговорах, которые говорят уже не об обстоятельствах дела или о принятых мерах социальной защиты, а о мерах «воспитательного» порядка. Эти моменты представляют особенный интерес, поскольку суд является одним из мощных орудий воспитания трудящихся, выработки пролетарского мировоззрения, выработки новых жизненных отношений, нового быта.

Так, в одном приговоре указывается, что: «данное происшествие (поножовщина—Б. М.) является пережитком старого невежественного быта». Затем суд принимает меры к широкому осведомлению о вынесенном приговоре крестьян той деревни, где данное преступление имело место, тем самым своим приговором, он подчеркивает всю социальную опасность подобных преступлений, давая этим деяниям свою оценку и, таким образом, двигает в сознание крестьянства «нормы» пролетарской этики.

Для примера можно привести следующую выдержку из приговора по одному делу. В нем говорится следующее: «имея в виду, что вошедшее в прошлом в быт крестьянства,

для целой угоды и забав бояр, а также и самодуров-помещиков—«стенки», Советской властью с корнем должны быть вырваны из устоев вырастающего и складывающегося нового быта, все попытки ее («стенки» Б. М.) продолжений должны быть строго осуждены и караемы»... «копию приговора послать в деревню Мисцево и Петрушино, для прочтения на сходах».

Итак, поскольку «поножовщина» первоначально не была явлением бытовым и тем самым не угрожала завоеваниям советской деревни, суд имел основание применять довольно часто ст. 28 УК, но с того момента, как «поножовщина» становится явлением массовым, суд резко сжимает масштаб применения 28 ст. УК и усиливает меры репрессии по отношению к этим деяниям.

В этом и проявляется столь резкое отличие советского суда, а именно в эластичности его карательной политики.

На этих изменениях, в карательной политике, можно проследить диалектику классового начала в отношении «поножовщины».

Когда первоначально «поножовщина» не представляла особенной опасности, тогда в основу применения мер социальной защиты в отношении «поножовщиков» были положены начала специального предупреждения преступлений. Вот почему основными положениями для столь широкого применения ст. 28 УК являлись такие моменты; как первая судимость, молодость, невежество и темнота, классовая принадлежность и проч., которые вовсе не представляют тех исключительных обстоятельств по существу дела или по обстановке преступления при его совершении; все эти обстоятельства являются признаками, указывающими на те или иные свойства данной личности, на ее качества.

С того же момента, когда «поножовщина» становится явлением не исключительным, а массовым, бытовым, с этого момента личные качества обвиняемого отступают на задний план, и во главу угла ставится уже, главным образом, не личность, а деяние, как таковое.

Иначе говоря, начала специального предупреждения уступают первую роль общему предупреждению преступлений.

Таким образом, применение начал специального предупреждения, обусловливается тем, что до тех пор «поножовщина» была явлением исключительным, в данном случае не существовало особенной опасности для интересов класса в целом, судом производился учет качества данной личности, как основы для применения тех или иных мер социальной защиты: в этом случае особую роль играла классо-

вая принадлежность данного лица; в других условиях, при быстром росте «поножовщины», и тем самым при увеличении ее социальной опасности, постановка вопроса о классовом начале в судебной политике меняется, и здесь классовая принадлежность, учет последней, как условия для смягчения применяемых к данному лицу мер социальной защиты, теряет свое значение. Для того, чтобы от волны «поножовщины» оградить интересы класса в целом, приходится уже не считаться с классовой принадлежностью обвиняемого.

Развитие хулиганства в деревне подрывает всяческие мероприятия по укреплению и развитию политико-просветительной работы. Помимо того, хулиганы своими действиями терроризируют подчас крестьянство и тем самым подрывают в глазах местного населения авторитет Советской власти и мешают работе по укреплению начал революционной законности. Орудя беспрепятственно, хулиганы вовлекают в свои ряды новые слои молодежи и тем самым оказывают разлагающее влияние на молодое поколение. «Приобретается влияние,—пишет Загорье,—в рядах местной крестьянской молодежи, а подчас и рабочей молодежи; хулиганы начинают даже оспаривать влияние на молодежь у комсомольских организаций» («Известия» от 9-го авг. 1926 г.). Этой хулиганской волне комсомольские организации, наряду с партийными, должны дать должный отпор, и прежде всего должны обратить сугубое внимание на политпросветительную работу среди крестьянской молодежи. Комсомол в деревне должен организовать все передовые элементы села, все возможности сельского Советского аппарата для борьбы с хулиганством вообще и «поножовщиной» в особенности, иначе «поножовщина» перерастет в уголовный бандитизм, а то и в политический (например, недавние события в Ново-Сибирске, где хулиганы напали на комсомольскую демонстрацию).

Таким образом, в борьбе с «поножовщиной» необходимо обратить сугубое внимание на меры предупредительные, основанные на изучении причин «поножовщины», ибо методы репрессии хотя и имеют огромное значение, но не решающее. Эти преступления ударной кампанией окончательно изжить невозможно, здесь необходима длительная борьба, борьба за переустройство быта деревенской молодежи, ибо данные преступления вытекают непосредственно из этого старого, закоснелого, веками сложившегося деревенского быта, который своими корнями уходит в седую старину.

В настоящее время с ростом экономического благосостояния деревни наблюдается усиление начал этого старого закоснелого быта. Последний, будучи сильно сжат в условиях гражданской войны и общей экономической разрухи,

теперь при материальном росте деревни начинает поднимать голову, и как свидетельствует это уже упоминавшийся заключенный Клиники, гр. К., например, во Владимирской губ. «стенки» исчезли в период войны и начинал с 1923 г. они опять возникли и происходят теперь ежегодно.

Таким образом, с подъемом деревенской экономики, старый быт получает новую материальную основу для своего расцвета. Наряду с этой тенденцией мы наблюдаем постепенное укрепление и развитие советских культурно-просветительных организаций, задачей которых является укрепление начал нового быта. Стало быть, как старый, так и новый быт в данное время идут в одинаковой степени по восходящей линии. И задача советских организаций на селе заключается в том, чтобы переключить энергию, идущую по линии старого быта, на новые рельсы, на рельсы советской культуры. В связи с этим перед культурно-просветительными организациями вырастает сложная проблема, проблема форм работы применительно к данным условиям и обстановке, ибо неудовлетворение формами культурной работы является одной из причин, обуславливающих направление энергии молодежи не по правильному руслу.

Для борьбы с этими преступлениями необходима мобилизация всех передовых сил деревни, широкое разъяснение всей социальной опасности хулиганства. Только тогда, когда на помощь советским органам, ведущим теми или иными способами, борьбу с хулиганством, пойдут широкие резервы трудящихся, только тогда хулиган окажется в должных тисках. Одним из важнейших условий способствующих росту этих деяний является алкоголь. Вот почему, как мы упоминали, предупреждать данные преступления можно только тогда, когда будет поведена активная борьба с пьянством. Но последняя может вестись только при том условии, когда на должной высоте будет поставлена культурная работа. К сожалению, еще имеют место такие случаи, когда об усилении какой бы то ни было культурно-просветительной работы говорить не приходится из-за полного отсутствия каких бы то ни было вообще организаций.

Так недавно, произведенным обследованием Московским Кабинетом по изучению личности преступника и преступности—это было установлено в дер. Напутиново, Моск. губ., при изучении случая «поножовщины» непосредственно на месте. На такие села волкомы должны обратить особо серьезное внимание. Затем, в тех селах, где культурно-просветительная работа ведется, необходимо работу так суметь конкретизировать, чтобы ею сильнее заинтересовалась деревенская молодежь и сильнее вовлеклась в культурную работу. Необходимо шире вовлекать молодежь в русло советского строительства, в работу сельсовета, комитета взаимопомощи,

кооперации, а также необходимо приковать внимание деревенской молодежи к новым формам ведения сельского хозяйства, создавая с этой целью кружки—сельскохозяйственные при избах-читальнях.

Борьба с поножовщиной и вообще с хулиганством только тогда даст значительные результаты, когда все передовые силы деревни пойдут развернутым фронтом на борьбу с этими деяниями, когда хулиган лишится той моральной поддержки, которую он иногда получает, когда будет ликвидировано то безразличное отношение к этой борьбе, которое имеет еще место у некоторых слоев деревни, и на ряду с этим будет предпринято усиление общей борьбы на культурном фронте.

Убийство в драке

(Индивидуально-бытовое обследование).

Исходным пунктом настоящего обследования послужило индивидуальное изучение личности трех осужденных—Ш. С., К. И., С. Н. по ст. 149, 2 ч. УК (первый был приговорен к пяти годам лишения свободы, а остальные—к двум годам, без строгой изоляции и без поражения в правах). Их преступление представилось столь типичным по своим бытовым особенностям, что вслед за ознакомлением с правонарушителями было произведено обследование деревни, где разыгралась эта обыкновенная, но тем не менее трагическая история. Нижеприводимая выдержка из приговора выездной сессии Московского губсуда излагает суть дела: осужденные «вечером 31 января 1926 года, в дер. Н. Орехово-Зуевского уезда, Московской губ., будучи в состоянии опьянения, на, так-называемых, посиделках в доме гр. К. завязали ссору и драку со своими односельчанами Фад. и Фир. и прибывшими на посиделки из соседних деревень С. и А. В результате этой драки А. были нанесены тяжкие телесные повреждения головы, от коих А. на десятый день умер в больнице, не приходя в сознание... Предшествующие преступлению обстоятельства и подробности самого преступления материалами дела и судебного следствия представляются в следующем виде: после ссоры на улице, едва не перешедшей в драку, подвыпившая молодежь... явилась в дом гр. К., где должны были состояться посиделки. Между пришедшими на посиделки Ш. С., К. И. и С. Н. с одной стороны и Фад. и Фир. с другой, неизвестно на какой почве произошла ссора, перешедшая затем в драку, во время которой Ш. С. имевшей при нем железной вещью ударил Фад. по голове. С целью разнять дерущихся в дом гр. К. пришел отец Ш. С.—Ш. П. Видя, что драка может принять широкие размеры, находившийся здесь же А. вышел на середину избы и, повидимому, для отстранки заявил,

что он всех перестреляет, хотя, как это установлено, никакого оружия А. не имел; прежде чем выйти на середину избы А., вставая с лавки, неосторожно разбил локтем стекло. Звон разбитого стекла и выкрики А. о стрельбе возбудили присутствовавших и первым к А. подошел Ш. П., схватил А. за горло и прижал его к стене. Это послужило сигналом к дальнейшему избиению А., на которого тут же набросились с кулаками Ш. С., К. И. и С. Н. Первый из них подставил А. ногу, отчего последний упал. Ш. П. затем отошел, а набросившиеся на А. стали избивать его. Ш. С., повидимому той же железкой, который он ударил Фад., нанес удар в голову лежавшему на полу А., этот удар и оказался для А. роковым, повлекшим за собой его смерть.

Перейдем к краткой характеристике личности осужденных.

Ш. С., 19 лет, крестьянин, холост, беспартийный.

Из родственников обследованы мать, старший брат и младшая сестра.

Мать 55 лет, неизменно бодрая, веселая, в высшей степени общительная, крайне словоохотливая; преисполнена неутомимой энергией: несмотря на свои годы—постоянно в движении, в трудовой суете; умственно полноценна. Очень скорбит об участии сына и тут же добавляет «ведь у матери—душа кривая!».

Росла в постоянной нужде, отчасти в связи с пьянством отца буяна, работавшего в Москве и по полгода не навещавшего семьи; одна из ее сестер отличалась постоянно печальным настроением; отец был горячий, жестокий, в гневе выгонял семью из избы. И она признается, что бывает часто вспыльчива, бьет детей: «бывает лошадь виновата, а бока-то я дочери набью».

Старший брат 22-х лет, монтер в Орехово-Зуеве; мускулистый, доступный, но психически тяжеловесный—тугодум, мало продуктивный; пьет «как все», не скандалит; регулярно помогает матери.

Сестра 12 лет, по телосложению—нескладная (диспластична); умственно—неполноценна; мало доступна; не учится материальным условиям, да и «охоты нет».

Отец (участник процесса, осужден условно)—плотничает в Москве; очень горячий, легкомысленный,—на 6 лет бросал семью—«заплутался с бабами». В последнее время навещает семью и помогает ей; по его линии сильное пьянство—пьяница брат; его племянник—«глава пьяных»—«сильно бузит»; по утверждениям заключенных и их родственников этот племянник нанес роковой удар А. (был свидетелем в деле).

Сам Ш. С., по собственному признанию и характеристике родных и товарищей, с детства отличался тяжелым характером—раздражительно-вспыльчивым, задорным, злопамятным, склонным к насилиям. Был очень упрямым; никогда «не спускал» обидчику, не давал в обиду и ближайших товарищей. С. Н. говорит о нем: «дурной, ни за что поколотит; кто позовет драться—сейчас идет». Учился три года из рук вон плохо,—сидел по 2 года в классе—ни понимания, ни охоты не было: «из училища придешь, за книжку не берешься, на гору идешь». С 14 лет крестьянствует, на отхожий промысел не ходил. Пьет с 17 лет—раньше «кумушку» пил, теперь русскую горькую; пьянсет быстро, пьяный ожесточается; злопамятный по натуре—«если кто досадить, уж когда-нибудь отплачу»;—в состоянии опьянения сводит старые счеты с обидчиками своими или своей «шатию». Слывет в деревне отчаянным. Ничем не болей; отмечают лишь—в двухлетнем возрасте упал с печки.

При исследовании Ш. С. диспластического (нескладного, негармоничного) телосложения, при пониженном росте; тугость слуха. Тупая мимика; грубая интонация голоса—в самом мирном разговоре в его тоне обиженно-вызывающие ноты. Явно умственно-недостаточен; легко возбудим,—окраска аффективных вспышек—злобная. Никаких духовных запросов; вне крестьянства—посиделки, шинок, невесты, гульба. Сношений еще не имел, но многих невест переменял, все выбирает; в борьбе за невест частые драки с парнями другой деревни и со своими.

Личность Ш. С. представляется неполноценной, близкой к широкому кругу больных характеров, именуемых нами эпилептоидными психопатами.

Своеобразие его семейно-бытовых условий заключается, главным образом, в сравнительной бедности в связи с оставлением семьи отцом в прошлом; их изба наиболее ветхая, только теперь готовятся к стройке новой при помощи старшего сына и начавшего помогать отца. Этот же момент вероятно сказался и в смысле ослабления воспитательного воздействия среды на Ш. С.

С. Н., 19 лет, крестьянин, холост, ученик-плотник, беспартийный.

Из родственников обследован старший брат.

Отец 60 лет, плотничает в Москве; положительный, степенный крестьянин; молчаливый, строгий; пьет мало; очень верующий; всеми отмечается его скупость.

Мать умерла 50 лет; была веселой, ласковой, мягкой; после крупных душевных переживаний страдала обмороками; «лежит как мертвая минут 10, покрывали скатертью».

Старший брат—выраженного мускульного телосложения; устойчивый, сдержанный, практический, упорный в достижении своих целей; через 8 месяцев развелся с первой женой и женился на предмете своей первой любви, брак с которой вначале расстроился из-за 1.000 руб. приданого—он и, главным образом, его отец требовали швейную машину и 2.000 рублей, родители же невесты давали машину и 1.000 рублей... «Человек себе на уме—осторожный». В Орехове принимает участие в общественной работе—в комиссии по охране труда, но в партию не идет: «боюсь, что будет война, тогда придется дом бросать».

С. Н. развивался вполне нормально, с детства был физически крепким; страдал лишь гноетечением левого уха. Учился с 10 до 12 лет с охотой, учение давалось ему легко; не кончил школу, потому что работать нужно было да и далеко ходить приходилось. Родителей слушался; отношения с товарищами были хорошие; драк не водил; иногда бывал вспыльчив, но быстро отходил.

С 17 лет стал плотничать с братом в Орехове—зимним сезоном. В 1924 г. вступил там в комсомол, участвовал в кружке по физкультуре, драмкружка не осилил; клуб посещал редко—жили с братом в общежитии при постройке в трех верстах от клуба, часто ходить после работы было трудно; за это его высмеяли в стенгазете: изобразили лежащим на кровати и покуривающим, вместо того, чтобы идти в клуб; он разобиделся, совсем перестал ходить и через 8 месяцев был исключен. В Орехове научился пить,—помногу до беспамьятства; на вино «слаб», по собственному признанию,—пьяный «бузит»; все же драк до последнего времени не было. Окружающие характеризуют его как трудолюбивого, мирного, рассудительного в трезвом состоянии. Половой жизнью не жил, но часто блюблялся,—«гулял с разными».

При исследовании по телосложению мускульный тип; на кистях рук татуировка: на левой—женщина, змея, карты, вино; на правой—скрещенные ножик и ноган; татуировка произведена в Орехове одним рабочим из Баку.

По темпераменту—ровный, медлительный, несколько робкий; вполне доступен, умственно полноценен. Прочная трудовая крестьянская установка. Самостоятельных культурных запросов не проявляет.

Личность С. Н. представляется полноценной, с учетом примитивной крестьянской психики; характерологически принадлежит к шизотимному кругу.

Семейно-бытовые условия характеризуются относительной состоятельностью семьи—зарабатывают отец и старший брат; изба и хозяйство в порядке. В семье силен авторитет отца.

К. И., 20 лет, крестьянин, холост, беспартийный.

Из родных обследованы—мать и младшие братья—12 и 7 лет.

Мать мускульного телосложения. Недоверчива, легко возбудима; все время говорит в раздражительном тоне; в семье матери—раздражительные характеры; ее отец—пьяница—«со схода полз на коленках».

Младший брат 12 лет, умственно — неполноценный; не учится.

Отец умер 40 лет от операции; был мягкого склада; пил мало.

К. И. с детства был очень крепким и сильным, ничем не болел. Учился с 10 до 14 лет, учение шло туго: сидел по 2 года в классе, «гляжу ничего не выходит, бросил»—говорит К. И. В детстве чужих стеснялся: «сидит, молчит и сопит». Окружающие говорят о К. как о горячем, вспыльчивом парне. С 14 лет крестьянствует. Пить стал с 19 лет — «все пьют, чтоб веселей было». Пьяным не буйствовал,—сначала веселел, затем клонило ко сну. Главное развлечение—гулянье с девушками,—«в пару», «на горе». Захаживал и в шинок,—«а там всякое бывает»...

В 1925 году один сезон плотничал в артели в Орехове, зарабатывал до 60 рублей, все домой отвозил.

При исследовании К. по телосложению крупный мускульный стан. Мало осмысленная мимика; постоянно повышенно-раздраженный тон, грубая интонация без мягких модуляций голоса; легко набегающие аффективные вспышки; умственно—неполноценный, с крайне ограниченным кругозором.

Личность К. представляется умственно-неполноценной, с повышенной возбудимостью.

Семья К. принадлежит к зажиточным—отец имел до 20 десятин земли и зарабатывал в Москве. И после революции жили в достатке. Материальные затруднения созданы теперь в связи с заключением сына,—работают в хозяйстве лишь мать и дед.

Ознакомившись с личностями участников преступления и с самим преступлением по судебному приговору, попытаемся на основании произведенного обследования уловить предшествовавшую преступлению цепь событий. Сопоставив сведения, полученные от осужденных с рассказами противоположной стороны—получаем следующую картину.

Молодежь деревни Н., несмотря на периодическую связь с городом, совершенно не захваченная советской общественностью, лишенная какого-либо культурного руководства, забавлялась как умела. Один-два раза в неделю, преимущественно по воскресеньям, ходили на посиделки;

последние делились по возрастам на 3 полка—младший для ребят с 15 до 17 лет; средние для парней до 19 лет и старше. Там возникали, крепили, или рушились дружеские и любовные связи; среди пения самодельных частушек и пляса под гармонию проявлялась мужская удаль, испытывались молодые силы, закипала ревность, затаивалась обида... Главою средних посиделок был малорослый, но «отчаянный» Ш. С.: в старшие посиделки своих сверстников он не пошел—там ему такой воли не дали бы, да и для старших девок «ростом не вышел». Требованиям, предъявляемым главарю, он вполне удовлетворял—при нападении был первым, при отступлении последним; его очень ярко характеризуют сообщенные им же самим боевые частушки:

Разломила перчатка
от удара пополам;
что хотите—говорите—
бить товарища не дам!..

Его удаль была не бесцельной; иногда она получала заслуженную награду:

Меня били, колотили
в полюшке под елочкой,
ко мне милка подходила—
в юбочке с оборочкой!..

Это водительство, быть-может, и не повело бы к роковой развязке, если бы не существовало в деревне лицо, претендовавшее на еще большую власть. Холостой 24-летний переросток Фир. не отбывавший военной службы, вследствие физического недостатка—укорочение левой руки, после перенесенного в детстве костно-воспалительного процесса в левом плече; не ходивший также в город и почему-то оставшийся холостым,—Фир. не признавал возрастных перегородок, появлялся на всех посиделках и повсюду утверждал свое господство, власть и порядок. В его личности отметим полноценный интеллект и сравнительно высокий уровень умственного развития; на ряду с этим злобно-недочеривое отношение к окружающему, повышенная самооценка, злопамятность; тенденция к морализированию. Он, по крестьянски недурно, изложил нам теорию прибавочной стоимости; но в последнее время читает, главным образом, библию. В деревне говорили о нем, что усмиряет он не только молодежь, но частенько дерется и с отцом. Недавно, пьяным, он разбил бутылку о голову девушки работницы,—с трудом уговорил ее не судиться, обещал заплатить ей 25 рублей.

Так вот, за неделю до убийства у молодежи, в частности у осужденных, произошел на посиделках очередной конфликт с Фир. Были трезвыми; началось с того, что Ш. С.

стал напевать частушку, в которой задевалась девица, прозванная молодежью «бандитом» за то, что она ходила в кожаной тужурке; частушка гласила:

Как бандиты загуляли —
берегись, шатя, стерегись —
мы не ваша партия!

Девица оскорбилась и тут же вымазала Ш. С. лицо сажей; тот в свою очередь толкнул ее, завязалась драка, которую ликвидировал Фир.—побоями и угрозами. Между прочим Фир. сказал Ш. С.: «Если уж хочешь ее побить, то побей не при народе». Это агрессивное вмешательство Фир. переполнило чашу терпения молодежи и они пообещали ему отплатить в следующее воскресенье; так обменивались они угрозами до злополучных посиделок...

Факт вышеописанной ссоры ни одна сторона не отрицает; в дальнейшем—версии расходятся: осужденные утверждают, что Фир. натравил на них тяжело пьяных приезжих гостей—убитого кассира кооперации А. и С.; Фир. настаивает, что зачинщиками неоднократных столкновений в тот вечер были они сами. Это Фир. воспел в следующих частушках:

Собралась шайка рвани
вся с оружием в кармане —
они кассира убили,
а про них не говори! —
Как напутински мальчишки
били Пашку на убой,
Пашка рвался, как разбойник,
Только крикнул «ой-ой-ой!».

Однако же и Фир. не отрицает свое увещательное, нам представляется скорей провоцирующее—участие в этой ссоре, точно так же, как не отрицает он своего бегства в момент опасности.

Обстоятельства самого преступления достаточно охвачены вышеприведенной выдержкой из приговора. Участники драки, по их признанию пили с вечера в разных компаниях. Осужденные не отрицают наличие у них импровизированного оружия—зубила у Ш. С., перчатки у С. Н., и гири у К. И., однако же решающий удар приписывают другому участнику драки; утверждают также, что били уже лежащего А. кулаками. Это будто бы видела мать К. И., когда тщетно стремилась, цепляясь за ременный пояс сына, вырвать его из общей свалки...

Предумышленность убийства всеми вполне искренно отрицается, убитого они раньше совершенно не знали. Отрицание же с их стороны подготовки к драке звучит не убедительно.

Каков же общий социально-бытовой фон деревни, в которой совершено преступление?—Необходимо оговориться, что здесь может идти речь лишь об общем впечатлении, поскольку собиранию полного и цифрового материала помешали непредвиденные обстоятельства предпраздничного времени...

Деревня Н. Орехово-Зуевского уезда, находится в 120 верстах от Москвы, в 6 верстах от железнодорожной станции, на таком же расстоянии от своего волостного центра. Расположена она в красивой лесистой сосновой местности. Состоит из 97 дворов. В виду того, что почти все мужское население плотничает, деревня, по характеру построек, имеет вид пригорода с деревянными домами дачного типа; отдельные дома имеют даже щеголеватый, почти городской облик. Осмотренные жилища однотипны; часто вход через сарай—для теплоты и экономии; обычная в деревне теснота—полторы комнаты, проходная половина—кухня. И в характере мебели сказывается ремесло хозяев—в наиболее бедной семье попадаетея городское кресло собственного изделия, массивный крашеный стол. Надежное и крепкое жилище—основная забота жителей; в каждой семье чувствуется тяга к стройке—в одном месте с удовлетворением сообщают, что стройка окончена, в другом—лежит заготовленный лес, в третьем—строить собираются... Материальное благополучие отдельной семьи связано в настоящее время с количеством работающих в городе—почти в каждой семье один или двое мужчин работают в Москве или в Орехове; это главный источник дохода. Заработок в городе, а все мысли и чаяния—в деревне; даже наиболее прочно устроенные на заработках держат семью в деревне—там, где дом, земля, хозяйство.

Чрезвычайно бедна деревня Н. в обще-культурном и в общественно-политическом отношениях. На бугре д. Н. сиротливо виднеется остов строящейся школы—по свидетельству жителей, школа строится уж второй год; учащиеся ходят в соседнюю деревню за 1½ версты, при чем к весне выходит из берегов маленькая речка и в школу попасть мудрено; редко кто из молодежи школу кончает. Избы-читальни, клуба нет и в помине; среди примерно 50 человек молодежи,—ни одного комсомольца,—а в 6 верстах две деревообделочных фабрики с шестьюстами рабочих—деревенские ходят туда лишь в кооперативную лавку. На вопрос, заданный К. И.—«неужто вся плотничающая деревня не могла бы быстро достроить школу?» был получен ответ.—«Вот еще! Задаром работать не будем—все на заработки! А школа... она нужна и не нужна...» Большая часть деревенской молодежи думает иначе; многие горячо утверждали, что будь у них школа, да еще с обучением ремеслу, большинство

училось бы непременно. Жаловались, что за отсутствием школы нет места и для клуба: для посиделок, на вечер можно пользоваться помещением в складчину, а для постоянного пользования помещения не дают.

И ничего другого не остается деревенской молодежи, кроме гулянья на горе—под гармонию, с невестами или со своей шатией, посиделок, более или менее озорной игры и драк... Веселья и храбрости придает русская горькая, заменившая «кумышку» и самогон; правда, она продается в волостном центре за 6 верст от деревни, но в нескольких «предусмотрительных» семьях ею торгуют безубыточно—по 2—3 рубля за бутылку; много проклятий выслушали мы по адресу этих «шинков» от матери осужденного...

Как ни бледна вышеочерченная картина, она все же достаточно свидетельствует о том, что в деревне Н., при отношении к ее экономическому благосостоянию, нет иного русла для расходования молодой, кипучей энергии, кроме проторенного давней деревенской традицией: исстари враждовали с чужаками и перед убийством сложили частушки:

Гуси-лебеди летели,
через полюшко попить —
нас Барминские ребята
собирались побить.
Ну и чьи это такие
по деревне шляются?!
Чьи это хулиганы
бою дожидаются?!

А между тем молодежь начинает рвать с ветхими традициями: в каждой избе по образу, но молодые не молятся; мы уже приводили случай развода наперекор воле родительской; очевидно что из города идут новые веяния, но пробиваются они с трудом сквозь толщу деревенской косности.

Не всегда город проявляет достаточно бережное отношение к своим деревенским гостям—такова история выхода из комсомола С. Н.

Иногда молодежь из города привозит домой камень вместо хлеба—так в городе приобрел К. И. гирию, фигурировавшую в деле; про нее сложена частушка:

По головке трехфунтова
гирия прокатилась —
моя белая рубашка
кровью обагрилась...

Так же воспето и более непосредственное орудие драки:

Наша шайка небольшая,
человек пятнадцать есть;
задумали подраться —
по ножу в кармане есть!.

Произведенное обследование не может быть использовано для каких-либо выводов; оно является лишь типичной иллюстрацией неизжитого прошлого в современной деревне. В данном случае это прошлое нашло своих выразителей среди наименее социально-полноценных представителей деревни; смутное предчувствие ими неизбежности расплаты за удалое поведение звучит в словах:

Ах отец, отец, отец,
что ты тужишь обо мне?
Все равно придется мне
сидеть в каменной тюрьме!

Однако же имеются все основания предполагать, что в окружении более культурных и общественных навыков, их неполноценность могла бы быть нейтрализована; такая среда найдет других вожаков. Попутно обследование выдвинуло вопрос пенитенциарного порядка: об осуществлении облегченного воспитательно-трудового режима для осужденных за бытовые крестьянские преступления.

О женском хулиганстве.

Женская уголовная преступность в своих размерах и проявлениях подчиняется обычно тем же законам, что и мужская: рост имущественной преступности в годы материальных лишений, рост преступлений против личности в период улучшения экономических условий, рост кровавых преступлений в послевоенные годы и т. д. Вместе с тем, женская преступность может становиться более серьезной, тяжелой в связи с большей тяжестью жизненных задач, лежащих на плечи женщины, с общим повышением ее активности в определенные исторические периоды, например, опять-таки, в годы войны, когда женщина оказывается очень часто во главе семьи, а порой, и втягивается в борьбу с винтовкой в руках. Все эти факты криминальной динамики твердо установлены уже большой уголовной статистикой и на них мы здесь не станем останавливаться, а перейдем непосредственно к интересующему нас вопросу—о женском хулиганстве.

Мы знаем, что, повинаясь тем же общим социальным законам, женщины, в силу своих психо-физических и социально-бытовых условий, иначе приспосаблиются к требованиям жизни, меньше поддаются таким социальным болезням, как алкоголизм, преступность, чем мужчины. Беспризорность, крупнейшая из наших современных социальных болезней, казалось, должна была бы насчитывать в своих кадрах равное число мальчиков и девочек, так как раннее сиротство, голод, ломка быта,—все это в равной мере обрушилось на их головы,—а между тем, число девочек в общей массе безпризорных детей ничтожно.

Посмотрим же, какая картина наблюдается в другом больном явлении наших дней—в области хулиганства. Имеем ли мы, на ряду с ростом мужского хулиганства также рост женского и, если да, то в какой степени, в каких формах, чем отличается женское хулиганство от мужского—вот те вопросы, которые встают перед изучающим женское хулиганство.

Эти основные вопросы мы попытаемся осветить в своем небольшом исследовании, обнимающем 75 случаев женского хулиганства обследованных нами с марта по август 1926 года, в Новинском и Новоспасском местах заключения гор. Москвы.

Прежде чем перейти к анализу нашего материала, коснемся вопроса о движении женского хулиганства в Москве и Московской губернии по данным статистики (приводимым в статьях Герцензона и Эдельштейна). Данные по полугодиям 1925 года и за 1-е полугодие 1926 года дают картину довольно значительного относительного понижения (с 10,4% до 6,2%) женского хулиганства по сравнению с мужским для города и повышения—для деревни. Возросшее в абсолютных цифрах, женское хулиганство, однако, значительно отстает от мужского в смысле своего удельного веса в общей сумме женской преступности. Надо сказать, что при обследовании содержавшихся по 176 ст. в Новинском труддоме весной 1926 года, таких заключенных оказалось там всего 10 чел., осенью же их оказалось уже 60 чел., т.-е. 20% всего состава заключенных женщин (300 чел.). Конечно, такой поразительно быстрый рост числа так-называемых «хулиганок» должен скорее говорить нам о результатах ударной кампании против хулиганства, о слишком, порой, широком применении 176 ст., чем о реальном росте женского хулиганства на 500% за срок меньше полугода. Попробуем же проверить это положение на конкретном живом материале, на изучении этих заключенных и их криминальных деяний, при чем будем сравнивать все наши результаты с имеющимися данными о мужском хулиганстве, что поможет нам отчетливее оттенить особенности хулиганства женского.

Уже при рассмотрении возрастного состава, нам бросятся в глаза некоторые особенности. Так, по возрастным группам мы имеем:

Моложе 16 лет . . . 2 чел.	Моложе 26—30 лет . . 14 ч.
„ 16—17 лет . 17 „	„ 31—35 „ . . 6 „
„ 18—20 „ . 9 „	„ 36—40 „ . . 5 „
„ 21—25 „ . 15 „	„ 41 и старше . 7 „

Здесь следует отметить большое число случаев, падающих на самые молодые и самые старые группы. Из 75 человек, моложе 20 лет являются 28 чел. (37,3%), старше 30 лет—18 человек (24%). На группы от 18 до 25 лет приходится всего 24 случая (32%), тогда как для мужчины это возраст (18—25 лет) дает по различным данным (обследование Кабинета по изучению личности преступника и преступности, данные Губсуда и др.), от 45 до 60%. Группа же моложе 18 лет дает для мужчин 5—6—10%, а для женщин—25,3% (19 человек).

О чем говорят эти данные? Они согласуются с положением о трех основных группах, на которые распадаются наши 75 случаев. Первая группа — это деклассированные элементы, опустившиеся на общественное дно, в силу неблагоприятных внешних условий и часто особенностей своей личности: это проститутки, воровки, торговки кокаином и т. п. Резко выраженное влечение к грубым жизненным удовольствиям, нарядам, сладостям, вину, сексуальным ощущениям, повышенная внушаемость, неустойчивость, узость кругозора, отсутствие моральных задержек, часто умственная слабость, — все это облегчает девушке, порой полурбенку, вступление на путь проституции и преступления.

Условия, традиции старого быта расшатаны, новые чужды, иногда враждебны взглядам на жизнь самой девушки или ее семьи. И вот, в связи с нежеланием или невозможностью работать, учиться, недостатком денег на платья и т. п. происходят такие факты, как связь по расчету или из полового любопытства в 14 лет, бегство из родительского дома в Москву, карьера проститутки с полной потерей чувства стыдливости, пьянством, кокаинизмом, борьбой с милиционерами, уличными скандалами, хулиганством и другими неизбежными спутниками быта проститутки.

Связь с вором, так часто встречающаяся у проститутки, делает ее активной или пассивной участницей его похождения, снабжает ее «судимостями». Мы не станем здесь дальше касаться вопроса о корнях и формах проституции и женской преступности. Мы хотим лишь подчеркнуть ту роль, какую играет среди хулиганящих женщин эта группа, порой, 15—17-летних подростков, успевших испытать все прелести столичного дна.

Что касается старших групп, где мы встречаем пожилых и даже старых женщин (4 чел. по 47 лет), то они составлены, конечно, из совсем другого элемента. Здесь мы имеем две основных группы: первая — домашние хозяйки, где мотивом хулиганства являются квартирные нелады, ссоры с соседками и т. п., вторая — уличные торговки, ведущие свою упорную, длительную борьбу за возможность «свободной торговли» с представителями власти — милиционерами.

Особняком стоит группа психически-больных или близких к тому женщин, где нарушение обусловлено уже болезненными изменениями психики, часто связанными с различными сексуальными моментами, и где пребывание в доме заключения является лишь этапом по пути в психиатрическую больницу. Впрочем вопроса о психических свойствах обследуемых мы еще коснемся ниже, пока же перейдем к вопросу о социальном составе обследованных.

По происхождению мы имеем:

Для женщин хулиганок:		Для мужчин хулиганов (по данным Эдельштейна):	
Из семей рабочих	14 ч. (18,6%)	Из семей рабочих	42%
" " крестьян	28 " (37,3%)	" " крестьян	40%
" " ремесленников	8 " (10,7%)	" " ремесленников	5,5%
" " торговц., пром.	7 " (9,3%)	" " торгов., пром.	1,3%
" " служ. и интелл.	8 " (10,7%)	" " служ. и интелл.	7%
Из воспитательных домов	5 " (6,7%)	Из воспитательных домов	0,9%
Невыясненных	5 " (6,7%)	Невыясненных	3,3%
Итого . . . 75 ч. (100%)		Итого 100%	

Таким образом, мы имеем для женщин резкое понижение процента происходящих из рабочих семей и, наоборот, среди хулиганок сравнительно много дочерей ремесленников, торговцев, служащих. Очень велик также % выросших в воспитательных домах.

Эти данные указывают на то, что девушки часто покидают сравнительно благополучные семейно - материальные условия для «свободной жизни», в чем играют большую роль и их психические свойства.

Как распределяются наши обследуемые по роду занятий? Здесь мы тоже видим большое число деклассированных женщин, при чем следует учитывать, что в числе лиц, назвавших себя «портнихами», безработными, имеется также изрядный % криминального элемента.

Без определенных занятий	11 чел. (14,7%)
Проститутки	20 " (26,7%)
Преступницы (воровки).	4 "
Ремесленницы (портнихи)	6 "
Работн. физического труда	2 "
Служащие	2 "
Домашн. хозяйки.	5 "
Безработн. физического труда	8 "
Безработн. служащие	4 "
Торговок	12 "
Не установлено	1 "

Итого 75 чел.

Если мы сравним эти цифры с данными Губсуда по гор. Москве для мужчин, то окажется, что лица без определенных занятий, проститутки, преступницы составляют у нас 35 человек, т.-е. 46,7%, тогда как для мужчин этот деклассированный элемент дает всего 10,9%. Работниц у нас всего 8 чел., т.-е. 10,7%, тогда как среди мужчин их 36,8%.

Перейдем теперь к вопросу о культурном уровне обследованных. В каждом почти листе обследователями отмечается весьма низкое умственное развитие испытуемой, узость кругозора, отсутствие каких-либо общественных ин-

тересов, а зачастую—презрительно враждебное отношение к последним. Да это и немудрено, если принять во внимание указанный нами состав обследованных. До известной степени культурный уровень выявляется в данных об образовании. Так, мы имеем:

Неграмотных	20 чел. (26,7%)
Малограмотных	16 „ (21,3%)
Грамотн. и с низким образованием	24 „ (32%)
Со средн. образ.	10 „ (13,3%)
Не установлено	5 „ (6,7%)

Итого 75 чел. (100%)

При сравнении с данными Кабинета (Эдельштейн) о мужчинах, мы видим у женщин резкое увеличение числа неграмотных 26,7% (для мужчин всего 2,79%) за счет грамотных и малограмотных (они для мужчин дают вместе 81,6%, а для женщин — 53,3%). Это обстоятельство также легко объясняется классовыми и психическими особенностями обследованных женщин.

В смысле времени проживания в Москве мы имеем:

Живут в Москве с рождения или с детских лет	20 чел.
„ „ свыше 10 лет	7 „
„ „ от 10 до 5 лет	15 „
„ „ от 4 л. до 1 г.	13 „
„ „ меньше 1 г. и наездами	12 „
„ „ не установлено	8 „

Итого 75 чел.

Таким образом, 42 женщины или 56% живут в Москве 5 лет и более (если отбросить 8 неустановленных случаев, то этот % повысится до 62,6%), а пришлый элемент занимает сравнительно небольшое место.

Семейное положение женщин-хулиганок также характерно:

Незамужних	37 чел.
Замужних, имеющ. детей	10 „
Замужних, не имеющ. детей	15 „
Разведен., имеющ. детей	1 „
Разведен., не имеющ. детей	5 „
Вдов.	3 „
Не установлено	4 „

(все 3 не имеют детей).

Итого. 75 чел.

Эта таблица говорит нам о почти полном отсутствии связи с семьей. Правда, 37 так-называемых «девиц», «незамужних» в большинстве проститутки. Но ведь среди нашего материала имеется много и пожилых женщин, так что естественно было бы здесь встретить немало замужних и имею-

щих детей,—а между тем замужних—всего 25 чел. т.-е. 38,3% (сюда вошли указания на зарегистрированный и незарегистрированный брак, случайное сожительство и пр.). Для мужчин мы имеем несколько больший % (37,5). Имеющих детей у нас всего 12 (16%), что является, конечно, весьма малым числом и указывает на резкие дефекты социальной, а, быть-может, и биологической жизни обследованных.

Обратимся теперь к прежней судимости наших испытуемых. Здесь мы встретим чрезвычайно яркие данные, свидетельствующие о тяжелом составе женщин-хулиганок по сравнению с мужчинами, осужденными за хулиганство:

Прежде не судились	29 чел. (37,7%)
Судились только за хулиганство	20 „
Судились за хулиганство, а также за другие преступления.	17 „
Судились за другие преступления (не хулиган.)	9 „

Всего 75 чел.

Между тем, для мужчин хулиганов % не судившихся определяется по данным Кабинета в 62%. Этим резко подчеркивается разница между массовым, случайным, алкогольным хулиганством мужчин, в большинстве не имеющих никакой связи с преступной средой, и хулиганством женщин, которое тесно связано с другими уродливыми сторонами их профессии и быта. Среди рецидивисток мы встречаем отбывавших наказание по 5—6 раз за кражи и т. п., и по 3—4 раза за хулиганство. Одна была даже присуждена в свое время к высшей мере наказания, замененной впоследствии длительным тюремным заключением.

Довольно интересный вопрос—о венерических заболеваниях вошел, к сожалению, в программу обследования не во всех, а лишь в 50 случаях, при чем оказалось, что из этих 50 женщин больных сифилисом 14, т.-е. 28%—цифра очень крупная и красноречивая.

Медико-психологическая оценка обследованных—весьма тяжелая в противоположность оценке хулиганов-мужчин, приводимой в статье Эдельштейна. Так, психически вполне нормальных оказалось среди женщин-хулиганок всего 18 человек, но из них у 9 отмечена социально-педагогическая запущенность, а у 4 резко-возбудимый характер. Далее, легкая степень умственной неполноценности констатирована у 5 женщин, более тяжелая степень (дебильность)—у 4-х. В одном случае мы имеем значительный склероз мозговых сосудов; близко к нему стоит случай предстарческого изменения психики. Имеется случай базедовой болезни с физическими (зоб, пучеглазие, потливость, сердцебиение) и психическими явлениями. В 7 случаях за хулиганство осужденны

эпилептики, с выраженными припадками. У двух женщин—изменения психики, развившиеся после перенесенной сонной болезни (эпидем. энцефалита). В одном случае мы имеем болезненную личность типа сутяг, в другом—травматический невроз, развившийся после контузии (засыпана землей). 17 человек характеризуются, как склонные к резким истерическим и импульсивным поступкам в форме припадков; плача, крика, приступов буйства, стремления к самоубийству и т. д.; это все психопатические личности типа эпилептоидов, импульсивных, резко возбудимых или же истерической группы. Между прочим, у 6 женщин отмечены черты хронического алкоголизма с соответствующей психо-физической дегенерацией. Большое число нюхает, или, по крайней мере, нюхало кокаин.

26 обследованных указывают на полное или почти полное воздержание от алкоголя. Зато в 8 случаях мы находим алкоголизм уже в возрасте до 16 лет. В нескольких случаях мы встречаемся с фактом недавнего, очень позднего начала алкоголизма, где женщина 45—47 лет начинает много пить в связи обычно с сильным душевным расстройством (смерть мужа, ссора с сыном и т. п.). Все почти обследованные сильно вспыльчивы, возбудимы уже в трезвом состоянии. В пьяном же виде они становятся шумливы, задорны, буйны, и в этом свойстве характера, порой, лежит основная причина их столкновения с законом и отбывания срока по 176 ст. Что касается роли алкоголя для всей группы женского хулиганства, то здесь все же мы должны отметить гораздо меньшее значение опьянения, чем мы это видели в мужском, где % пьяных правонарушений определяется различными авторами в 75—90%. У нас для женского хулиганства опьянение имеется всего в 24 случаях, т. е.—32%. Это опять-таки подчеркивает не чисто алкогольную, а более глубокую индивидуально-профессиональную обусловленность женского хулиганства по сравнению с мужским. Интересно отметить здесь 2 случая хулиганства под влиянием кокаинного опьянения.

Наконец, мы переходим к, пожалуй, самой важной части нашего исследования—к самим правонарушениям. Прежде всего надо отметить, что здесь мы почти не встречаем каких-либо случаев группового, организованного хулиганства. Упомянуть здесь можно лишь об одном случае, когда группа проституток, забранных при облаве в районе Каланчевской площади, устроила дебош в отделении милиции. Другие групповые хулиганские выступления женщин носят характер драки между проститутками из-за выгодного кавалера и т. п. Говорить о серьезной общественной опасности подобных поступков; конечно, не приходится.

Как же распределяются по своим проявлениям и мотивам случаи женского хулиганства?

Мы разделили их следующим образом. Во-первых, столкновения с милицией, судебными исполнителями и т. д. Таких осужденных оказалось 19, при чем некоторые за довольно серьезные поступки: в одном случае—плеснула в милиционера серной кислотой, в другом—бросила камнем в голову. Но большинство этих 20 случаев ложатся на ругань или драку с милиционером, забиравшим в отделение торговку (8 случаев) или выпившую проститутку (7 случаев). Отдельно можно упомянуть о случае, где пьяная проститутка (хронический алкоголизм, эпилептич. слабоумие) внезапно ударила милиционера в область половых органов с такой силой, что он потерял сознание (между прочим сестра этой преступницы отравила свою мать), или о другом случае, где был брошен камень в окно комиссариата в виде мести за невыдачу какого-то пропуска. К этим 20 случаям примыкают другие 2, где основным преступлением была кража, а уже дополнительно возникло обвинение и по 176 ст. в результате скандала, учиненного при задержании.

Далее, мы выделили группу правонарушений, близких по типу к обычным уличным скандалам, без оскорбления милиции, с более или менее значительным нарушением общественного порядка. Сюда относятся такие случаи, как оскорбление проституткой прохожего, не обратившего внимания на ее кокетство, случайная драка на рынке, пьяный дебош в чайной с разбитием стекол—все правонарушения мало мотивированные и без серьезных последствий. Таких мы насчитали 22.

Близко к этим случаям можно поставить уличные скандалы драки, ругань между женщинами, возникающие на почве ревности, конкуренции—целый ряд столкновений между проститутками не столько за приятного сердцу, сколько за выгодного кавалера, выражающееся в срывании на бульваре у соперницы фальшивой косы, в публичном ее шельмовании; в одном случае—драка между двумя группами проституток из-за выгодного кавалера, с порчей костюмов, вырезыванием волос из головы и т. д.; в эту группу правонарушений мы включили 11 случаев.

Весьма отчетливую группу образуют столкновения на почве квартирных дразг, споров с домоуправлением или между квартирантами. Здесь порой доходит до насильственных действий, иногда же ограничивается лишь оскорблениями или громкими истерическими выкриками на весь дом по адресу врагов. Одна из обследованных, 47 лет, домашняя хозяйка, сумела подобным путем набрать уже 3 судимости за хулиганство. Всего подобных квартирных дел мы встретили 7.

Отдельно мы поставили несколько хулиганских поступков уже внутри места заключения. Таких случаев немного. К числу их относятся уже упомянутые похождения группы несовершеннолетних проституток, приехавших в Москву из Киева ради хорошей жизни, «за богатым мужчиной», потеврявших или, вернее, продавших свою невинность в 14-летнем, возрасте, бросивших на родине своих родителей, школу, благополучные материальные условия и т. д. для «беспечной и веселой» жизни проституток. Эта группа 17-летних девушек однажды окружила на Тверской хорошо одетого молодого человека. Когда тот не обратил на них внимания, они осыпали его ругательствами, а затем и пинками. Будучи задержаны, они подговорили сидевших с ними девочек-беспризорных избить одну из заключенных. Переведенные в МУР, они устроили там чучело (куклу) из тряпок, которое повесили у окна, чем сильно напугали охрану. За эти выходки им дали в общем по 3 мес. тюремного заключения. Другой случай этой категории—при осуждении слабоумной истеричной рецидивистки (раньше судилась и за бандитизм) за кражу, она стала в суде громко кричать, ругаться, и, наконец, забилась в истерическом припадке. За это ей была добавлена 176 ст. Всего буйство в месте заключения отмечено в 5 из наших случаев.

Отдельно следует поставить также случаи аномального поведения, которых не так уж мало. Таков описанный Эдельштейном случай, где женщина, перенесшая душевное заболевание, с бредом, галлюцинациями, неоднократно покушавшаяся на самоубийство, сидя без крова и пищи на Ваганьковском кладбище, под влиянием навязчивой мысли взяла камень и отправилась с ним в центр города, где и осуществила свое намерение—разбила окно в булочной.

Тяжелую картину психического состояния мы находим также у болевшей сонной болезнью женщины, учинившей скандал за непредоставление ей места в больнице или общежитии; у другой «хулиганки», которая, повздорив на лестнице из-за своей собачки, врывается в случайно открывшуюся дверь, начинает там все ломать, тяжело избивает хозяев этой квартиры, а заодно и своего мужа, пришедшего ее успокаивать. Нельзя признать нормальным и такое поведение, когда женщина в трамвае дает пощечину случайно наступившему ей на мозоль пассажиру; будучи выведена из трамвая, она пытается снова ударить его уже через стекло вагона и изранивает свою руку об осколки. В другом случае бывш. проститутка, 39 лет, алкоголичка, с сифилисом в прошлом и явлениями органического поражения центральной нервной системы в настоящем,—пристает к прохожим, показывая им свои половые органы, за что и осуждается по

176 ст. Поденщица, страдающая приступами маниакального возбуждения, два раза бросалась в Москва-реку и 3 раза разбивала стекла в магазинах, за что и получала регулярно по ст. 176—1½ мес., 3 месяца, и 3 месяца...

На этом мы закончим анализ нашего материала. Выводы наши будут кратки, так как их немного, и они очевидны. Сущность их заключается в том, что женского хулиганства почти не существует, как не существует массового женского алкоголизма. За исключением немногих чисто-озорных, безмотивных деяний, производимых обычно психически-неполноценными или прямо больными женщинами, во всех остальных случаях мы имеем не хулиганство, а драки, оскорбления, сопротивление властям и т. д.—тесно связанные с тем или иным мотивом (ревность, месть, квартирная ссора, стремление избежать ареста, защитная историческая реакция и т. д.). Нет случаев организованного хулиганства и случаев, носящих хотя бы малейший общественный оттенок. Основная масса осужденных за хулиганство женщин—проститутки, воровки, и осуждены они за поступки, которые являются постоянным и неизбежным спутником их жалкой жизни, пропитанной водкой, кокаином, руганью, скандалами, драками.

Проститутки не могут вести себя образцово—об этом надо помнить, подходя к вопросам пенитенциарной политики в отношении этой группы правонарушительниц. Надо внимательно подходить к случаям женского хулиганства, которое не несет в себе тех черт общественной опасности, какие признаются в наши дни за мужским хулиганством. В отношении женского хулиганства картина в основном не изменилась в 1926 г., по сравнению с рядом предыдущих лет, а следовательно, нет оснований и к изменениям репрессивной политики в отношении даже бесспорных случаев женского хулиганства¹⁾.

¹⁾ Надо отметить, что московские суды учитывают, повидимому, особенности женского хулиганства, принося обычное женщинам по 176 ст. на сравнительно очень небольшие сроки—от 2 недель до 3 месяцев. Осуждение на срок свыше 3-х месяцев сравнительно редко. Что касается неправильного расширительного толкования 176 ст., то последнее по возможности исправляется Кассационным отделом Мосгубсуда.

К психологии хулиганства.

Хулиганство — одно из правонарушений, не поддающихся точному нормативному определению.

Однако, несмотря на эту недоступность хулиганства для нормативного определения, каждый из нас знает, о чем идет речь, когда произносится слово «хулиганство». И знание это касается не только субъективной стороны поведения, именуемого хулиганством, области внутренних душевных переживаний, но в такой же мере внешних форм поведения человека, совершенно сливающихся с внутренним миром его, ибо «что внешнее, то и внутреннее». А такое знание дается непосредственным наблюдением и соответствующим ему анализом поведения человека. Вот образчик хулиганского поведения позволяющий, как мне думается, произвести такой анализ. В праздничный день по одному из тихих московских переулков едет некий гражданин на извозчике. Все снаряжение извозчика, экипаж, сбруя и одежда самого возницы, а также и лошадь могут быть охарактеризованы одним старым московским словом «Ванька». Лошадь едва плетется и возница во-всю старается ей помочь, дергая беспрестанно вожжами и чмокая губами. Весело смотреть на «Ваньку» группе молодых подвыпивших рабочих, расположившихся на тротуаре. И вот один из них отделяется от группы и, подражая лошади «Ваньки», трусит ей навстречу; через минуту «лошадь-животное» и «лошадь-человек» сталкиваются головами, от чего к общему удовольствию группы рабочих дальнейшее продвижение «Ваньки» вперед прекращается. Возница же и седок обижены, возмущены и бранят хулигана, а он тотчас же сам переходит на отборную и крутую брань по адресу того и другого. А вот другой не менее показательный случай хулиганства: 25-летний рабочий К. в сильно нетрезвом состоянии забрёл вечером со своими неразлучным другом,—пуделем в буфет одной подмосков-

ной железнодорожной станции. Тут он потребовал себе пива, а затем заставлял оказавшегося хорошо выдрессированным пуделя снимать шапки с сидевших за столиками граждан. Граждане пришли в волнение, а К. не унимался в своей забаве; но мало того, когда ему отказались дать еще пива и предложили убраться вместе с пуделем из буфета, то он поднял «скандал», ругая крепкими словами и буфетчицу и публику. Я думаю, для всех ясно, что на всем поведении описанных хулиганов, — печать «забавы», «потехи», или «игры», выходящей из рамок общественно принятого и переходящей в настоящее буйство и бесчинство, когда осуществлению ее ставятся противодействия. Этот элемент «игры» в хулиганском поведении позволяет провести аналогию между последним и некоторыми формами детского поведения. И, в самом деле, не похожи ли некоторые забавы ребят на хулиганство взрослых? Я знаю пятилетнего смельчака-мальчугана, избравшего себе игрушкой автобусы; он останавливает их, становясь на пути движения и поднимая руку. А кому незнакомы озорники-мальчишки, бросающие камни в проходящие трамваи и автобусы, подкладывающие под них шутихи и т. д. Значение же игры в детстве велико. «Если откинуть», говорит Грос: «общие животные отправления, как еда, питье и сон, то мы у нормального, предоставленного самому себе ребенка не находим почти ничего, кроме игры». И это так, потому что, во-первых—готовность к разрядам энергии внутреннего происхождения проявляется с особенной силой в период роста организма и, во-вторых—потому что в игре детьми путем подражания приобретаются новые навыки. Игра—это самовоспитание, подготовка ребенка к жизни взрослого. «Человеку», утверждает Грос: «дано особенно длинное детство, так как, чем ведь совершеннее работа, тем дольше подготовка к ней».

Но не только долгое детство дано человеку, но еще дольше он сохраняет склонность к игре. Ведь, и в юношеском возрасте, в 18 лет, и в 20—25-летнем возрасте, приближающемся к зрелому, человек все еще сохраняет потребность к развлечению и беззаботному вольному препровождению времени, к занятию, которое является самоцелью, или короче говоря, к игре. Но что разрешается ребенку, то запрещается взрослому, и игра тут ограничивается рамками дозволенного обществом. Этим дозволенным в большинстве современных обществ являются разные виды спорта (футболы, теннисы, городки, борьба, метание копей, велосипедные гонки, лыжный спорт и т. д.),

танцы, маскарады, вечеринки и пр. Играют и совсем взрослые зрелые люди. Мы, москвичи, недавно почти поголовно были увлечены шахматной игрой. А радио-любители, строящие в свободные часы от работы свои аппараты, ловящие часами советские и европейские станции, разве они не играют? И как в игре детей, так и тут, в этой игре взрослых, обнаруживаются одна и та же основа, одни и те же механизмы: это готовность организма благодаря избыткам энергии к разрядам этой энергии, «импульсивная и автоматическая тенденция», как говорит Грос¹⁾, «к движениям». И как игра детей, так и эта игра взрослых отличается от работы или «серьезных занятий», веселостью, или по Гросу своеобразным «чувством свободы», свидетельствующим о различном характере эмоциональной и волевой оценки обеих форм деятельности. Работа имеет цель, игра же является самоцелью. Словом, стремление к игре присуще человеческой природе; недаром некоторыми психологами это стремление признается за инстинкт игры; и если у ребенка игра занимает почти все время его, то естественно с возрастом игре отводится все меньше и меньше времени, время досуга, и формы ее ограничиваются и определяются, как и все человеческие поступки, принятыми данным обществом нормами поведения, санкционированными обычаем или законом. Однако, и обычай и закон испытываются даже культурными людьми иногда как нечто стесняющее их. Игра благодаря указанному чувству свободы компенсирует это ощущение стеснения индивидуальных желаний и стремлений, но только частично, ибо она все-таки ограничивается общественными нормами. Иллюзия полной, ничем не ограниченной свободы, ничем неограниченного веселья дается опьянением. Отсюда алкоголь — частый спутник веселящейся компании. Однако, он не только спутник игры взрослых, но он и опасный конкурент ее. Он создает веселое настроение, он делает легче общение людей, развязывая языки и действия; в опьянении легче находит пути к разрядам избыточной энергии организма; коротко говоря, алкоголь творит счастливое состояние у целой группы людей, объединившихся за бутылкой. Однако, он дает простор и для действия всяких низших влечений. Пьяные не только легче клянутся в дружбе друг другу, целуются, играют, танцуют, веселятся, но и легче ссорятся, бранятся и переходят в драку. Словом, пьяный легко, при появлении препятствий к осуществлению

¹⁾ К. Грос. Душевная жизнь ребенка. 1916.

его желания, прибегает к агрессивным действиям. Вот почему алкоголь опасный конкурент игры. И тем более опасен он, что у некоторых лиц он сразу вызывает состояние мрачного злобного опьянения.

Эти психические механизмы хулиганства, основанные на стремлении организма разряжать избыточную энергию, на периодически охватывающем человека желании к разряду этой энергии, не считаясь с плотинами, установленными обычаем или законом, и, наконец, на веселящем и вместе с тем опасном действии алкоголя на человеческую психику, естественным делают то, что хулиганство вовсе не специфически русское явление, как это утверждали некоторые авторы старой царской России, чуть ли не быт «темной и дикой мужицкой» России, но что оно общечеловечно, что оно присуще любой стране, любому самому культурному народу. Я присутствовал, однажды в культурнейшем городе Германии, в Мюнхене, на празднике, который может быть назван «праздником хулиганства», ибо тут хулиганство разрешалось законом, освещено было вековым обычаем. Это был «хулиганский праздник», позволявший разрядиться почти в неограниченной форме накопившейся энергии самых разнородных инстинктов. По городу, разукрашенному гирляндами, иллюминированному, расцвеченному флагами, двигались цуги замаскированных, переряженных людей. Весь город три дня и, пожалуй, большую часть трех ночей был на улице, в пивных, ресторанах, садах. Три дня разрешалось избивать любого гражданина специальным картонным шлегером (картонный веер), которым умелые руки вмиг превращали твердый котелок в тряпку. Правда, предусмотрительные немцы в эти дни надевали низкие специально карнавальные котелки. Но с другой стороны, картонные шлегера вовсе не удовлетворяли многих темпераментных баварцев, и они легко переходили в рукопашную драку, а кое-где пускалось в ход и холодное оружие. Три дня разрешалось целовать на улице и в общественных местах любую женщину. Конечно, разгоравшаяся страсть в далеко не редких случаях вовсе не ограничивалась одними поцелуями. Нечего говорить, что в эти веселые дни вообще не существовало запрета для всяких шуток, остроумия словом и делом, что опять-таки легко приводило и к агрессивным словам и агрессивным действиям. Веселился весь город, весь народ Мюнхена, от мала до велика, а помогал этому веселью, обычный спутник,—алкоголь, лишивший в эти дни рекой. Мой квартирный хозяин, старый 50-летний рабочий развлекался, бросая из 4-го этажа на головы гуляющих апельсины, метя, главным образом, в шляпки гуляющих немки. При этом он обнаруживал удивительную

меткость, свидетельствовавшую о его старом опыте в этом деле. Немудрено, что легкость превращения этой массовой игры, распускавшей вожжи низшим и асоциальным влечениям человеческой психики, в хулиганские и опасные действия против общества и личности давно уже заставила немцев отказаться от этого веселья и наложить запрет на карнавальские празднества.

Мне думается, что понимание психических механизмов, лежащих в основе некоторых форм хулиганского поведения, как механизмов игры, как разряда избытка энергии сильного психически и физически организма, верно объясняет, изученных нашим кабинетом хулиганов. Действительно не является ли такой пьяной «медвежьей игрой», случайное хулиганство в одиночку молодых рабочих, в огромном большинстве чернорабочих, в конечном счете все-таки корнями выросших из деревни, здоровых и сильных физически и психически, далеко, конечно, не растрачивающих в работе всего своего запаса сил, ищущих во время досуга развлечений, не знающих и не понимающих нашей новой городской и общественной культуры, но невольно стремящихся принять в ней участие, попадающих особенно по субботам и воскресениям в пивные, напивающихся и тем самым теряющих последние волевые задержки для разряда своего еще «младенчески дикого нрава». По справедливости, А. О. Эдельштейн среди изученных им хулиганов считает этих случайных хулиганов основным ядром бытового московского хулиганства. В 79% хулиганские действия произведены в состоянии опьянения; в огромной массе это молодые, добродушные ребята, рабочие, никогда не судившиеся, здоровые, крепко сложенные физически и по большей части без каких-либо психических дефектов люди и вместе с тем с примитивными некультурными интересами в жизни. Ясно намечаются тут и корни этой «медвежьей игры», определяющие на ряду с алкоголем грубую противобщественную форму ее: это еще не изжитой в Советской республике, темный быт царской Руси, в особенности ее деревни.

Последний ярко рисуют «поножовщики», описанные Б. С. Маньковским и В. И. Аккерманом. Там все еще играют в кулачные бои, там все еще учат парней соседней деревни, ухаживающих за девушками, избивая их смертным боем, там все еще победа над сердцем любимой одерживается молодецкой дракой, туда «сквозь толщу деревенской косности с трудом пробивается» новая советская культура» (Аккерман). И не естественно ли, что там, в деревне в соответствии с низкой по сравнению с городом первобытной культурой землеробной массы повышается сила

и опасность хулиганской реакции. В городе Добрыня Никитич, отличающийся «вежеством и неохотой проливать кровь», а в деревне—Микула Селянинович, «наложивший мужиков до 1.000» и вывертывающий свою соху из земли одной рукой, чего не может сделать целая городская дружина из 30 богатырей Вольги. Таковы соотношения и характер городской и черноземной деревенской силы. В городе пьяное веселье доводит до скандала с милиционером, большей частью, словесного или кулачного. В деревне же—быстро пускается в ход нож, гиря и т. п. Но суть дела и там, и тут остается по существу одна: и тут, и там игра кончается бедой.

Однако, если в деревне тяжесть хулиганского поведения, выливающегося в «поножовщину», носит иногда характер все-таки еще какой-то неосторожности, непредусмотрительности первобытной черноземной силушки, то в городе на сером массовом фоне пьяного случайного хулиганства ярко вырисовываются черные пятна сознательно «злостного», угрожающего обществу, всей городской культуре, рецидивизирующего хулиганства.

В городе появляются Васьки Буслаевы, сорви-головы, нигилистические типы, «не верящие ни в сон, ни в чох». Подрос Васька Буслаев и, как говорится про него в былинах—

«Повадился ведь Васька Буслаевич
Со пьянницы, с безумницы,
С веселыми, удалыми, добрыми молодцы,
До-пьяна уж стал напиваться, —
А и ходя в городе уродует:
Которого возьмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу,
То из... ногу выломит;
Кого хватит поперек хребта,
Тот кричит, ревет, окарачь ползет».

«И не знает Васька удержу в своей бесшабашной удали». У него нет других идеалов, как «попить, поесть, пограбить»¹⁾. Из таких же молодцов набирает он себе дружину и вызывает всех новгородских мужиков на «беспричинный бой». Таков, воистину, великий прообраз современного злостного хулигана. Если в случайном хулигане—молодость, темнота, некультурность, недоуменность пред городом и его жизнью; и невольное нарушение его порядка, то у злостного хулигана—ненависть к городу, урод-

¹⁾ Б. Соколов. Былины. 1918.

ливым продуктом которого он сам является, ненависть и презрение к культуре, к обществу и к отдельной личности, слитной с этим обществом, разрушение ради разрушения, злая и опасная игра, больная воля к злу.

Агрессивные действия—нападение, драки, брань—как случайных, так и злостных хулиганов являются примитивными психическими реакциями, так как это быстрые непосредственные ответы действием на полученные извне раздражения без задержек, без внутренней переработки их в сознании. Однако, если эти примитивные реакции агрессивности у случайных хулиганов случайны, обусловлены опьянением, которое у каждого создает склонность к ним, то у «злостных»—они составляют сущность природы их. Они не только в опьянении, но всегда склонны к таким примитивным действиям. Эта особенность их личности красной нитью проходит среди большинства членов семьи их. Если и опьянение «случайных» тоже случайно, то у злостных—влечение к вину опять-таки коренится в недостаточной природе их личности. Мало того, многие из них—угрюмые, тяжеловесные, одинокие душевно, без причины озлобленные, странные характеры. Не действует на них укрощающе и закон, они только озлобляются, некоторые ведут себя нестерпимо и в заключении, представляя этим полную противоположность случайным хулиганам, подавленным заключением, кающимся в совершенном и испытывающим так тяжело этот урок жизни за мимолетное молодое легкомыслие своего пьяного веселья. И, наконец, некоторые из злостных хулиганов уже искушены в других видах преступления, они не только рецидивисты хулиганы, но и рецидивисты общей городской преступности. Словом, злостные хулиганы—это сплошь и рядом уродливые типы личности, и в соответствии с тяжестью их психики и враждебной в отношении общества установкой, они нередко совершают для «потехи» и тяжкие преступления. Но мало того. Они действуют большей частью не в одиночку, но организуют шайки, совращая в свои ряды и здоровую молодежь. Они являются настоящей ферментом хулиганства, они создают эпидемию хулиганства, заражая своим поведением неразвитую, культурно примитивную часть нашей молодежи. Тем больше опасность их. Такими рисуются они в работе Аккермана. Отсюда невольно рождается мысль, что тут количество массового случайного хулиганства, разыгрывающегося в здоровой человеческой среде, превращается в меньшее по объему, но качественно новое больное явление общества, в злостное хулиганство.

Толкование хулиганства, как разряда излишков энергии, естественно, подсказывает и дальнейшую аналогию с явлениями из психологии детской массы, аналогию, позволяющую сделать верное, как мне думается, предсказание всему явлению в целом. Каждый педагог знает, что дети любят и должны шалить. Но он знает в массе детской добродушной веселой шалости и злостное озорство. Обычно скверных озорников немного в классе, но они заражают, портят нередко весь класс и, никакие обыкновенные меры педагогического воздействия не укрощают этих ребят. Их наказывают, уговаривают, пробуют лаской, угрозой, вызывают родителей, но все оказывается безуспешным—они трудно воспитуемы, они психопатичны. Тогда их исключают из школы, чтоб спасти остальной детский коллектив.

Справиться же с простой шалостью легко. Помимо наказания, тут действует уменье педагога овладеть вниманием детей, уменье заставить их полюбить то, чему их учат, те коллективные здоровые нормы жизни, которые даются школой. Да, добродушная шалость и сама с возрастом проходит.

Так и с хулиганством. С случайным хулиганством справиться легко, да оно со зрелостью ее исполнителей и само пройдет. Нужно помимо применения соответствующих мер социальной защиты, заставить впавшую в хулиганство молодежь, полюбить новые, неусвоенные еще формы культурной жизни, а для этого надо и стоит напрячь весь талант советских культурников. Победа обеспечена.

Случайное хулиганство—это проявление молодости, отстающей от культурного роста Советской Республики. И неудивительно, что оно выросло на почве роста экономического благополучия страны (см. статью Герцензона). Это понятно, ибо быт, культура—это область психической жизни масс,—это надстройка на экономике, а надстройка развивается позднее фундамента, и некоторые группы людей—естественно не поспевают за оформлением ее. Крепок фундамент, вырастет и окрепнет надстройка. Изживутся и случайные хулиганы, растворив свою молодую энергию в новом культурном быту Республики. Злостные же хулиганы, как больную и недобрую накипь современности, надо исключить из общества, изъять из быта, ибо они его отравляют, их надо спустить по дренажам для всего сорного и негодного в нашей Республике,—в пенитенциарные учреждения со сторогим режимом.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
От редакции	3
Предисловие	7
А. А. Герцензон—Рост хулиганства и его причины	11
А. О. Эдельштейн—Опыт изучения современного хулиганства. . .	28
В. И. Аккерман—О злостных хулиганах.	81
Б. С. Маньковский—Деревенская поножовщина	113
В. И. Аккерман—Убийство в драке	130
А. М. Рапопорт и А. Г. Харламова—О женском хулиганстве . . .	140
Е. К. Краснушкин—К психологии хулиганства	150

ИМЕЮТСЯ в ПРОДАЖЕ БРОШЮРЫ

ТОГО ЖЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Преступник и преступность. 148 стр.

Цена 2 р. 25 к.

**2. Изучение личности преступника в СССР
и за границей. 66 стр. Цена 75 к.**

